

Раздел 3

ФИЛОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 811: 112. 2

Berzina G.P. VERBALIZATION OF FRAME-SCENARIO DULDEN IN MODERN GERMAN. The article contains the description of verbal means of actualization of a frame-scenario DULDEN in modern German. The frame is considered as a scenario, as a scheme and a form of activity at the same time. The frame-scenario allows showing up the language means used in a concrete function, including the periphery, for the description of the concessive relations in German, in the most efficient way. A speaker chooses the necessary meaning thanks to existence of a frame-scenario.

Key words: frame, frame-scenario, subframe, concessive relations, patience, verbalization.

*Г.П. Берзина, канд. филол. наук, доц., проф. каф. иностранных языков Новосибирского военного института внутренних войск им. генерала армии И.К. Яковлева МВД России, г. Новосибирск,
E-mail: bgp55@mail.ru*

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ ФРЕЙМА-СЦЕНАРИЯ DULDEN В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Статья содержит описание вербальных средств объективизации фрейма-сценария DULDEN в современном немецком языке. Фрейм рассматривается как сценарий, как схема и форма деятельности одновременно. Сценарий позволяет наиболее полно выявить языковые средства, используемые в конкретной функции, включая периферию, для описания уступительных отношений в немецком языке.

Ключевые слова: фрейм, фрейм-сценарий, субфрейм, уступительные отношения, терпение, вербализация.

Основная задача данной статьи сводится к систематизации вербальных средств репрезентации фрейма-сценария DULDEN *терпеть, уступать*. Актуальность исследования определяется отсутствием описания и систематизации лексических средств объективизации категории уступительности на материале немецкого языка. Исследование феномена уступительности в ракурсе выявления концептуальных структур способствует, на наш взгляд, более глубокому пониманию специфики семантики уступительных лексем в немецкой языковой картине мира. Группа слов-репрезентантов фрейма-сценария DULDEN выделялась нами при помощи данных таких толковых словарей немецкого языка как «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» [1], «Deutsches Wörterbuch» [2], «Die Sinn- und sachverwandten Wörter» [3].

Исходя из того, что в основе человеческого мышления лежат операции над знаниями, учеными были разработаны специальные модели для их представления. Единицами представления знаний рассматриваются схемы, когнитивные карты, концепты, рамки, сценарии, фреймы. Под фреймом понимается некая исходная структура, служащая для представления стереотипной ситуации в понимании М. Минского [4; 5, с. 43–67; 6, с. 36–38; 7]. Фрейм – это смысловой каркас стереотипной (заданной определенным набором компонентов, способных идентифицировать) ситуации.

Формально фрейм представляют в виде двухуровневой структуры узлов и отношений: 1) вершинные узлы, которые содержат данные, всегда справедливые для данной ситуации

и 2) терминальные узлы или слоты, которые заполняются данными из конкретной практической ситуации и часто представляются как подфреймы или вложенные фреймы [4]. Активизируя фрейм через данные второго уровня, мы воссоздаем всю структуру этой ситуации в целом. Фрейм любого уровня обобщенности может быть представлен пропозицией, а фреймовая сеть – системой пропозиций [8, с. 197].

Под фреймом-сценарием мы понимаем некоторое множество простых пропозиций, объединенных как составные части в одно целое. Специфичность сценарного фрейма или фрейма-сценария заключается в том, что сценарий ориентирован на процедурное представление знаний или таких типов знания, которые по сути своей процедурны и декларативны. Декларативное представление описательно, его лингвистическим аналогом являются традиционные словарные толкования лексем с конкретным значением. В процедурном варианте знание интерпретируется не как множество характеристик (интегральных и дифференциальных), а как совокупность процедур, характерологических для функционирования объекта или типичных для того или иного действия [9, с. 7–8].

Мы будем использовать фрейм-сценарий как концептуальную структуру с декларативно и процедурно-ориентированными знаниями. Первостепенную роль в порождении альтернативных способов отражения события играют семантические предикаты, представляющие собой основу фрейм-структуры. Предикат с его аргументами образуют концептуальную основу, каркас пропозиции.

Ядро фрейма содержит постоянные для данной ситуации понятия, а его слоты, или терминальные узлы, задают параметры, которые дополняются конкретной информацией и предполагают определенные способы обработки знаний. Обязательные компоненты фрейма репрезентирует универсальная пропозициональная схема *субъект – предикат – субъект – объект*.

Фрейм-сценарий входит в пропозицию на правах субфрейма, то есть как единица более низкого уровня. Каждый субфрейм – это мини-модель фрейма, в состав его сложной структуры включены более мелкие в иерархии когнитивные единицы – слоты или терминальные узлы. Терпение как способность стойко переносить неудобства, лишения, страдания соотносится с весьма обширным классом ситуаций, частотных для повседневного опыта человека. Терпимость – это свойство, умение терпимо относиться к чему-либо. Оба понятия соотносятся немецкой культуре с доминантными нормами поведения.

В толковых словарях немецкого языка лексема *dulden* определяется следующим образом: 1) *etw. ohne Auflehnung, Klagen still, mit Geduld ertragen; sie duldet standhaft, ohne zu klagen, tapfer, ergeben, schweigend*; 2) *etw. erlauben, zulassen; ich dulde keine Widerrede, Kritik, keinen Widerstand, Ungehorsam; jmdn. dulden* [10].

2. Aus Nachsicht fortbestehen lassen, ohne ernsthaften Widerspruch einzulegen oder bestimmte Gegenmaßnahmen zu ergreifen; zulassen, gelten lassen; 2) (*gehoben*) etwas Schweres oder Schreckliches mit Gelassenheit ertragen. Beispiele: *etwas stillschweigend dulden; keinen Widerspruch dulden; Ausnahmen werden nicht geduldet; standhaft, still, ergeben dulden; er duldet, ohne zu klagen* [11].

3. Mit Gelassenheit, Gleichmut, Ergebung widerwärtiges ertragen. *Man duldet was man nicht dādern kann. Ich dulde keinen Widerspruch*; 2) Ertragen mit Nachsicht, zulassen, geschehen lassen, gestatten, vergönnen. *Er duldet die Unarten des Knaben* [12].

4. Still leiden er duldet schweigend, standhaft; 2) ertragen, erdulden; nichts einwenden gegen, erlauben, zulassen [2]. В приведенных словарных дефинициях выделяются следующие доминантные концептуальные признаки: 1) покорно терпеть, переносить, переживать что-либо неприятное молча, стойко, без сопротивления; 2) что-то допускать, позволять, разрешать; 3) мириться с неприятной ситуацией.

Рассмотрим более подробно элементы метаязыка когнитивного моделирования плана содержания языковых выражений, который используется нами для описания процедур порождения лексем уступительной семантики. Когнитивное описание языковой единицы предполагает построение концептуального образа или концептуального представления соответствующей языковой сущности. Фрейм-сценарий ситуации *DULDEN* вербализуется в языке предложением как пропозициональным знаком. То есть каждая внеязыковая ситуация в языковом сознании отражается как некоторое типизированное событие в виде определенной формулы, определенного состава компонентов и их конфигурации.

(1) *Er wollte dagegen Einspruch erheben, musste es aber doch dulden* [13]. Он хотел выразить протест, но все-таки вынужден был это терпеть.

Заполнение элементов сценария субфрейма *DULDEN* происходит следующим образом: 1) *идентификация ситуации*: субъект соглашается, мирится с существующими условиями; 2) *базовая модель*: субъект – предикат принуждения – каузатор – пациент; 3) *условия ситуации*: объективная или субъективная необходимость, вынужденность, цель; 4) *последовательность целенаправленных сцен* имплицитно как общепринятая цепочка действий. Кроме компонентов базовой модели сценарий субфрейма *DULDEN* включает такие компоненты как *пространство, время, обстоятельства, наблюдатель, результат, цель*.

Терпеть что-либо – это означать, испытывая состояние физического неудобства, боли, страдания, состояние внутреннего беспокойства, раздражения, переносить все стойко и безропотно, проявлять спокойствие и выдержку, пассивно подчиняться и мириться с существованием кого-либо, чего-либо неприятного, вызывающего отрицательные эмоции.

(2) *Ich kann dir kaum schildern, was ich in der letzten Zeit in diesem Hause erlitten habe* [14, с. 245]. Я едва ли могу описать тебе, чего я натерпелся в этом доме за последнее время. Sie ließ ihm seine Grobheit hingehen. Она спустила ему (стерпела) его грубость.

Субфрейм *DULDEN* моделирует ситуацию, в которой субъект, преследуя определенную цель, находясь в безвыходном состоянии, мирится с существующим положением дел, хотя на самом деле он против таких условий. *Viel schlucken müssen* – терпеть критику, подвергаться строгой критике; *sich in eine Rolle hineinfinden / sich abfinden* – смиряться со своей ролью; *jmds. Worte, jmds. Vorwürfe geduldig hinnehmen* – терпеливо сносить (проглатывать) чьи-либо слова, чьи-либо упреки; *eine Beleidigung (Vorwürfe) in sich hinein fressen* – проглатывать обиду (упреки); *lieber herunterschlucken* – лучше промолчать; *sich etw. gefallen lassen (erdulden)* – покорно сносить (не имея возможности защитить себя).

(3) *Sie musste in der Ehe mit diesem kranken Mann viel erdulden* [14, с. 245]. Она должна была многое вытерпеть в браке с этим больным человеком.

(4) *Ich fange an, alles zu ertragen, alles zu schlucken, auch das Dummste, auch das Hässlichste* [H. Hesse. Kurgast, S. 73]. Я начинаю все терпеть, проглатываю все, даже самое глупое, самое безобразное. Способ воздействия на адресата с целью изменить его поведение или добиться смирением своей четко поставленной цели.

В структуре субфрейма *DULDEN* можно выделить как облигаторные компоненты, характеризующие неизменностью содержательного наполнения, так и необлигаторные компоненты. Облигаторными компонентами являются *принуждающий, приказывающий* (каузирующее лицо) – субъект-антропоним, представленный одиночным или коллективным субъектом, *каузируемый субъект, предикат принуждения* – глагол со значением требования уступить и терпеливо пережить событие. В структуре выражен высокий социальный статус принуждающего, отражено социально обусловленное принуждение, направленное сверху-вниз.

(5) *Sie wird bei diesen Leuten sehr schlecht behandelt, aber sie duldet still* [14, с. 245]. Эту люди очень плохо с ней обращались, но она тихо всё переносит.

(6) *Wäre ich nun ein vernünftiger, normaler Mensch wie andere, so würde ich mich leicht in die Lage schicken. Ich würde nachgeben, da nun einmal zwei Stärker sind als einer ...* [H. Hesse. Kurgast, S. 52]. Будь я рассудительным, нормальным человеком, как другие, я легко бы (уступил) примирился со своим положением. Сдался бы, понимая, что двое сильнее одного ...

Общаясь к внутрифреймовым процессам, следует отметить диффузность, размытость границ между выделенными субфреймами, их взаимодействие и наложение друг на друга. На языковом уровне это проявляется, например, в возможности использования глаголов собственным принудительного действия *dem Druck der öffentlichen Meinung nachgeben* – уступать под давлением общественного мнения; *vor jmdm. den Nacken beugen / sich unterordnen* – подчиниться кому-нибудь; *sich etw. gefallen lassen (erdulden)* – покорно сносить; *seinen Rücken beugen* – покориться; *etw. mit Geduld tragen* терпеливо сносить (что-л.) для передачи значений, традиционно выражаемых глаголами приказания и требования. Семантическая структура перечисленных лексем эксплицирует уступление в самом общем виде.

(7) *Was der Mensch an sich oder andern nicht bessern kann / das muss er mit Geduld ertragen bis Gott es anders fügt* [15]. То, что человек в себя или других не может улучшить / это он должен выносить с терпением до тех пор, пока бог это по-другому решит.

Как правило, субъект терпения выражен существительным определенной семантики или местоимением. В семантической структуре лексемы терпения содержится характер субъекта и адресата (одушевленный, конкретный, пассивный). Терпение может превратиться в апатию, беспомощность, покорность, равнодушие: *über Mängel hinwegsehen* закрыть глаза на недостатки; *nicht hören auf etw. / auf unangenehmes* пропускать мимо ушей что-нибудь; *sich über etwas hinwegsetzen (unbeachtet lassen)* не обращать внимания на что-то; *die Augen verschließen vor etw. / jmdn. durch den Finger sehen / ein Auge zudrücken* закрывать глаза, намеренно не обращать внимания на что-либо, не замечать чего-либо (обычно неприятного, нежелательного или предосудительного). Уступчивость проявляется как приспособление, игнорирование реального положения дел.

(8) *Glücklich die Menschen, welche sich leichten Sinnes über Verhältnisse und Begebenheiten hinwegsetzen können, welche anderen als unüberwindliche Hindernisse den Weg sperren!* [16]. Счастливы те люди, которые могут терпеливо и с легким сердцем переносить отношения и события, что для других является ничем иным как непреодолимые преграды, блокирующие путь!

Сема покорности, согласия с ситуацией, уступление содержится во фразеологических высказываниях: *da ist halt nichts mehr zu machen / da beißt die Maus keinen Faden ab* тут уж ничего не поделаешь; *hier ist nichts (mehr) zu wollen* здесь уже ничего не поделаешь; *da kann man / dagegen lässt sich nichts tun* тут / с этим ничего не поделаешь; *das ist Schicksal* так судьбе угодно, *такое уж судьба*. Von mir aus, meinen Segen hast du / hab ich / haben Sie. Так и быть. Пусть будет так. Выражение согласия, уступки, иногда после колебаний.

Субфрейм *DULDEN* *уступить – терпеть что-либо* можно отнести к числу регулятивов, определяющих нормы поведения в обществе, приспособительных отношений. Уступать, терпеть – это способность терпеливо делать что-либо неприятное в течение долгого времени, несмотря на препятствия без жалоб и без потери самообладания, мириться (соглашаться) с наличием и существованием кого-либо или чего-нибудь. Это содержание лексем входит в сферу волевых отношений (человек ведет себя не так, как он того хотел бы) и устанавливает связь с нравственными категориями.

Уступать, терпеть – это качество характера человека, создающее определенную модель поведения. Эта модель проявляется в актах общения, взаимодействия нескольких человек (сдержанность, бесконфликтность, покорность, уступчивость, умение промолчать, выслушать ...).

(9) *Dieser Missstand hat lange genug Duldung erfahren. Мы слишком долго мирились с этим ненормальным положением. Sie ließ es geschehen. Она позволила этому случиться (она допустила это)* [14, с.763].

(10) *Lieber Unrecht leiden als Unrecht tun, lieber selber den Tod erdulden, als andere töten* [17]. Лучше несправедливость терпеть, чем несправедливость совершать, лучше быть убитым, чем других убивать.

Модусно-диктумные конструкции со значением мотивированного поведения репрезентируют многокомпонентные уступительные ситуации, звенья которых не эксплицируются в конкретном высказывании, представлены семантическими вариантами, выделение которых зависит от семантики предиката подчинения.

Приведенные примеры (1-10) подтверждают положение о том, что в лексемах уступительной семантики сконцентрированы знания о социальных процессах. Совершая социальные действия, индивид испытывает на себе воздействие других индивидов и сам хочет оказать на них определенное воздействие. Социальные отношения предполагают наличие социальной иерархии участников ситуации, или их субординации.

Поскольку когнитивные способности человека и усвоенные им модели познания непосредственно и регулярно выражаются в языке, то языковые структуры являются важным источником сведений о базовых ментальных представлениях. Проведенное исследование дает основание для того, чтобы говорить о достоинствах фреймового анализа для адекватной интерпретации смысла и способствует дальнейшему раскрытию механизмов категоризации и концептуализации окружающего мира и внутреннего мира человека.

Библиографический список

1. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. Klappenbach R. u. Steinitz W. Bd. 1–6. – Berlin, 1978.
2. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch. – Gutersloh, 1978.
3. Duden. Sinn- und sachverwandte Wörterbuch. – Mannheim, 1986.
4. Минский, М. Фреймы для представления знаний. – М., 1979.
5. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.
6. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2002.
7. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка.
8. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
9. Баранов, А.Н. Концептуальная модель значения идиомы / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Когнитивные аспекты лексики. – Тверь, 1991.
10. Deutscher Wortschatz Universität Leipzig [Э/п]. – Р/д: <http://www.dwds.de/?qu=dulden>.
11. DUDEN Wörterbuch [Э/п]. – Р/д: <http://www.duden.de/rechtschreibung/dulden>.
12. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Э/п]. – Р/д: <http://woerterbuchnetz.de>.
13. Projekt Gutenberg –DE [Э/п]. – Р/д: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/6698/3>.
14. Толковый немецко-русский словарь синонимов / под ред. Г.И. Ворониной. – М., 2006.
15. Projekt Gutenberg –DE [Э/п]. – Р/д: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/778/16>.
16. Projekt Gutenberg –DE [Э/п]. – Р/д: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/75/10>.
17. Projekt Gutenberg –DE [Э/п]. – Р/д: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/5227/4>.

Bibliography

1. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. Klappenbach R. u. Steinitz W. Bd. 1–6. – Berlin, 1978.
2. Wahrig, G. Deutsches Wörterbuch. – Gutersloh, 1978.
3. Duden. Sinn- und sachverwandte Wörterbuch. – Mannheim, 1986.
4. Minskiy, M. Freymih dlya predstavleniya znaniy. – M., 1979.
5. Babushkin, A.P. Tipih konceptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazihka. – Voronezh, 1996.
6. Boldirev, N.N. Kognitivnaya semantika. – Tambov, 2002.
7. Fillmor, Ch. Freymih i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. – M., 1988. – Vihp. 23. Kognitivnihe aspektih yazihka.
8. Karaulov, Yu.N. Russkiy yazihk i yazihkovaya lichnostj. – M., 1987.
9. Baranov, A.N. Konceptualjnaya modelj znacheniya idiomih / A.N. Baranov, D.O. Dobrovoljskiy // Kognitivnihe aspektih leksiki. – Tverj, 1991.
10. Deutscher Wortschatz Universität Leipzig [Eh/r]. – R/d: <http://www.dwds.de/?qu=dulden>.
11. DUDEN Wörterbuch [Eh/r]. – R/d: <http://www.duden.de/rechtschreibung/dulden>.
12. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm [Eh/r]. – R/d: <http://woerterbuchnetz.de>.
13. Projekt Gutenberg –DE [Eh/r]. – R/d: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/6698/3>.
14. Tolkovihiy nemecko-russkiy slovarj sinonimov / pod red. G.I. Voroninoyj. – M., 2006.
15. Projekt Gutenberg –DE [Eh/r]. – R/d: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/778/16>.
16. Projekt Gutenberg –DE [Eh/r]. – R/d: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/75/10>.
17. Projekt Gutenberg –DE [Eh/r]. – R/d: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/5227/4>.

Статья поступила в редакцию 04.02.14

УДК 398 (=512.157)

Dmitrieva O.N. ALLEGORY IN WEDDING-RELATED ALGYS TEXTS OF THE YAKUTS. The article considers the ritual poetry in the context of family and community folklore of the Yakuts. The wedding-related *algys* (a form of narration) is studied. The author analyses the compositional structure, artistic and stylistic means of this type of narration. Allegory and its functional significance are defined and studied.

Key words: ritual poetry, wedding ceremony, *algys* narration, guardian spirit, deity, ways of addressing, asking a god, treats, allegory, imaginative allegory.

О.Н. Дмитриева, канд. филол. наук, доц. СВФУ им.М.К. Аммосова, г. Якутск, E-mail: oksanadm2006@mail.ru

ИНОСКАЗАНИЯ В СВАДЕБНЫХ АЛГЫСАХ ЯКУТОВ

В статье рассматривается обрядовая поэзия в контексте семейно-бытового фольклора якутов. Изучены свадебные *алгысы*, исследованы их композиционная структура и художественно-стилевые средства. На примере опубликованных материалов выявлены и проанализированы иносказания и их функциональное значение.

Ключевые слова: обрядовая поэзия, свадебный обряд, алгыс, дух-покровитель, божество, способы обращения, просьба, угощение, иносказание, образное иносказание.

Алгысы якутов, складываясь и отшлифовываясь в течение многих столетий, донесли до нас бесценные свидетельства народного мировосприятия, взгляды предков на природу и попытки воздействовать на нее магической силой слова. Они являются составляющей традиционной культуры, одной из этнических характеристик, сохранившихся до наших дней и бытующих наряду с явлениями современной цивилизации. Изучение *алгысов* является одной из актуальных задач современной якутской фольклористики, которая позволит приблизиться к пониманию всей системы традиционного фольклора, проследить мифологические истоки верований и культов и выяснить степень сохранности традиций бытования, исполнения *алгысов* как уникального архаичного пласта фольклора якутов.

Анализ произведений обрядовой поэзии показывает, что *алгысы* отличаются от других тем, что у них преобладает в основном, высокий стиль, так как разговор-обращение ведется с могущественными духами-покровителями *Айыы*. В начале *алгыса* каждый исполнитель в меру своего таланта описывает каждого духа с использованием эпитетов, сравнений, гипербола. После этого излагается суть просьбы, где используются иносказания, устойчивые формулы, повторы. Встречаются также *алгысы* с элементами *андабар* 'клятвы самопроклинания': «если я нарушу те или иные условия, пусть же мне будет плохо».

В данной статье мы остановимся на использовании иносказаний в свадебных *алгысах* якутов. В толковом словаре С.И. Ожегова иносказание объясняется как выражение, содер-

жащее иной, скрытый смысл, аллегория [1]. В современной иллюстрированной энциклопедии «иносказание – это использование слов не в их значении, применяющееся в литературе для воздействия на читателя. Различают несколько видов иносказания – *ирония* (комическое использование слов в противоположном значении, например, у И.А. Крылова – «умная голова» по отношению к Ослу), *эзопов язык* (передача того содержания, которое хочет донести автор, через образы животных – «Сказки» М.Е. Салтыкова-Щедрина), *аллегория* (передача отвлеченной мысли через конкретные образы, например, использование образов античных богов в торжественных одах 18 в. – Марс как аллегория войны, Венера как аллегория любви), *символ* (образ, передающий одновременно и конкретное, и абстрактное содержание, – например, пёс как символ старого мира в поэме А.А. Блока «Двенадцать»). Иносказание употребляется с различными целями: ирония создаёт комический эффект; эзопов язык необходим в связи с политическими условиями, невозможностью прямо сказать то, что нужно; аллегория отсылает к общекультурному контексту; символ показывает многогранную связь между предметами» [2].

По мнению А.В. Кудиярова, иносказания, представляющие собой опосредованные, образные описания реалий и явлений взамен их прямого, «терминологического» названия, достаточно популярны в устной поэзии тюрко- и монголоязычных народов [3, с. 301].

Приведем примеры образного иносказания в свадебных *алгысах* якутов.

<i>Тас өттүбүтүттэн</i>	Считая, что с иной стороны
<i>Таас уллунах киридэ диэннит</i>	Вошла к вам каменностопая,
<i>Таһарыхсыта саныыр буолаайаһым!</i>	Не вздумайте оттолкнуть ее!
<i>Туора өттүбүтүттэн</i>	Считая, что с чужой стороны
<i>Туос уллунах киридэ диэннит</i>	Вошла к вам берестостопая,
<i>Туоххаһыйа саныыр буолаайаһым!</i>	Не вздумайте пренебрегая! [4, с. 234].

В данном *алгысе* вместо слова *невеста* использованы образные выражения *таас уллунах* 'каменностопая' и *туос уллунах* 'берестостопая'. По верованиям якутов, человек должен всегда ходить бесшумно и тихо. Излишний топот и шум могут привлечь внимание злых духов, а добрых духов могут отпугнуть. А также, выражения *таас уллунах*, *туос уллунах*, возможно, являются иносказательным названием враждебных существ – духов, причиняющих болезни, вред, устраивающих разные козни. Иносказание *таас уллунах* 'каменная стопа' отражает представление о том, что вредоносные духи невидимы, но топот их ног хорошо слышен. Выражение *туос уллунах* 'берестяная стопа' связано с тем, что покойным шили погребальную обувь с берестяной подошвой.

В напутствиях и благопожеланиях также встречаются следующие строчки: *Тымныы тыыннааһы таһырдьа дьалкыт. / Итии тыыннааһы иһирдэ охсун* 'Тех, кто с холодным дыханием, наружи вытолкни. / Тех, кто с горячим дыханием, в себя вбери'. По верованиям якутов, злые духи выдыхают холодный воздух, а люди и существа, сотворенные божествами *айыы*, выдыхают горячий воздух. Разное дыхание свидетельствует о том, что существа живут в разных мирах: злые духи обитают в мире мертвых, а люди и животные, живут на земле – в мире живых.

Вариант этого иносказания представлен в заклинании духа-хозяина огня:

<i>Уллэр уйэ тохору</i>	Во веки веков
<i>Үрүн тыыннаахпытын</i>	Светлое дыхание имеющим
<i>Өлбөнүтэр буолаайаһын!</i>	Угаснуть не дай! [4, с. 210].

В этом заклинании под словосочетанием *үрүн тыыннаах* 'светлое дыхание имеющие' подразумеваются 'люди и скот', сотворенные светлыми божествами *айыы*.

Рассмотрим другой пример использования иносказаний:

<i>Балчыргын барҕат,</i>	Пусть годовалые детки крепнут,
<i>Үрүөлээххин үөрдээ,</i>	Носящие намордники табунятся,
<i>Көһөннөөххүн көччүт,</i>	Носящие оброти резвятся,
<i>Хаһалааххын харыйый...</i>	Имеющие брюшной жир оберегаются... [4, с. 200].

Здесь *үрүөлээххин / томторуктаах* 'носящие намордники' означает телят, которым надевали намордники – приспособления, мешающие телятам сосать корову во время выпаса. Под лексемой *көһөннөөххүн* 'носящие оброти' кодируются жеребята, а под *хаһалааххын* 'имеющие брюшной жир' – кони.

В следующем *алгысе*:

<i>Самалыктаах дьаһылым аннынааһы</i>	Устроеной под приветливым узорчатым
<i>Сар көмүс уйабын</i>	Уютной серебряной моей колыбели
<i>Саппаһырдар буолаараһын!</i>	Не дай потускнеть!
<i>Үрүн күөнүм аннынааһы</i>	Устроеной под светлым моим небом
<i>Үрүн көмүс уйабын</i>	Серебряной моей колыбели
<i>Өлбүөнсүтэр буолаараһын!</i>	Не дай потемнеть! [4, с. 292].

Колыбель названа иносказательно гнездом (*уйа*), что, по всей вероятности, связано с обрядом испрашивания детей у *Нэлбэй Айыысыт*. По данным А.А. Попова, для проведения данного обряда якуты изготавливали маленький берестяной турсучок, украшенный искусной резьбой. Внутри турсучка устраивали подобие птичьего гнезда из лисей, соболей или рысей шерсти у богатых, из заячьей – у бедных. В это гнездо клали два вырезанных из дерева изображения трясогузок. Шаман обращался к *Айыысыт* с просьбой наделить супругов детьми, и если госпожа *Айыысыт* соглашалась, то он вселял в изображения птиц душу ребенка [5, с. 132].

Вариант этой формулы, где колыбель иносказательно называется гнездом, встречается в *алгысе*-благословении отца невесты:

<i>Уйалаах оһону төрөтөн,</i>	Детей в колыбельках народив,
<i>Уон улууһу ууһатанньт,</i>	Десять улусов размножив,
<i>Күрүөлэх сүөһүнү иитэн,</i>	Скота в изгороди наплодив,
<i>Олорон көрүн дуу ньиш...</i>	Живите! [4, с. 224].

Якуты обращаются к детям или к младшим по возрасту с помощью формул *чыычаахтарым* 'птенчики мои' и *күөрэгэйдэрим* 'жаворонки мои':

<i>Көмүскэстээх</i>	Оберегающим,
<i>Көмүс чуораан күөмэйбин</i>	Словно медный колокольчик, своими устами,
<i>Көбүөхтэтэр күнүм буолла</i>	Пришел мне день вздохнуть...
<i>Күөрэгэйдэрим, көмүстэрим.</i>	Жаворонки мои, золотки мои [4, с. 222].

Как считают якуты, судьба каждого человека предопределена божествами, т.е. у каждого свой жребий. В прошлом при рождении ребенка гадали с целью узнать, какая его ждет судьба. Поэтому родину иногда в *алгысах* иносказательно называли «местность, где брошен жребий»:

<i>Айыллыбыт аан дойдум,</i>	Моя изначальная земля, где я был рожден,
<i>Сэрибизидэммит сир ийэм.</i>	Моя материнская земля, где выпал мне жребий жить [4, с. 138].

В другом *алгысе* озеро, у которого живет семья, называется *уулаах муус* 'вода, покрытая льдом':

<i>Уулаах муускут уолбатын,</i>	Пусть ваше озеро не высыхает,
<i>Өрбүт күөскүт куоппатын!</i>	Пусть котел с едой не выкипает! [4, с. 270].

По верованиям якутов, злые духи невидимы, но иногда их глаза заметны в виде горящих точек. В связи с этим в *алгысах* их зачастую называют *уоттаах харахтаах* 'имеющие горящие глаза':

<i>Туораттан сытыы тыллаах</i>	С чужой стороны острозыкий
<i>Сынтарыппатын,</i>	Пусть не оговорит,
<i>Уоттаах харахтаах</i>	Огненноглазый
<i>Утары көрбөтүн.</i>	Пусть не сглазит [4, с. 226].

Слово *татаар* в словосочетании *татаар тыллаах* 'злоразыкий' имеет значения 'зудящаяся накожная сыпь, короста; бранное слово' [6, стлб. 2603]. Якуты данным словосочетанием обозначали человека, который обладал способностью проклинать и чьи проклятия сбывались:

Татаар тыллаах	Пусть злоязыкий
Таба эппэтин,	Проклясть не сумеет,
Уу харахтаах	Пусть скользкоглазый
Утары кербөтүн!	В упор не посмотрит! [4, с. 286].

По определению А.В. Кудиярова, фразовое иносказание – это описание действий посредством конкретных образов, связанных с их проявлением [3, с. 306]. Например, в *алгысе*-благословении при разжигании огня на свадьбе встречается такое фразовое иносказание:

Алаһа дьизни ахталыта,	Обустроить обширный дом,
Үрүн дьизни үрээччилии,	Украсить белый дом [для хозяев],
Хара дьизни харааччылыы,	Устроить черный дом [для прислуги],
Иэримэ дьизни иччилии,	Стать хозяйкой уютного дома,
Улаан түптэни олохсута....	Воскурить голубой дымокур...
Аттанаан кэлбит	Она вот приехала –
Алгыстаах күнэ буолла.	Благословенный ее день настал [4, с. 236].

В приведенном примере вместо *Үрүн дьизни үрээччилии*, *Хара дьизни харааччылыы* следует читать *Үрүн дьизни үрүмэччилии*, *Хара дьизни хараныччылыы*, что означает 'белый дом заселить бабочками, в черный дом поселить ласточек'. Это образное иносказание, означающее, что невеста приехала обустроить благосклонный дом, стать хозяйкой счастливого дома. Образ ласточки у тюрков Южной Сибири связан с мифами о сотворении мира. Ласточка является культурным героем мифа об огромном комаре, которому дьявол поручил выяснять, чья кровь слаще. Комар выяснил, что самая сладкая кровь у человека. Когда он возвращался к дьяволу, встретил ласточку. Она, узнав о поручении комара, вырвала у него язык. Поэтому комар не смог сказать дьяволу, что самая сладкая кровь у человека [7, с. 103].

Улаан түптэни олохсута 'воскурить голубой дымокур' является пожеланием иметь многочисленный рогатый скот. По приметам якутов, если дым от дымокура поднимается густым столбом вверх, то рогатый и табунный скот будет плодовитым.

В следующем примере:

Ийэ дойду иэрчэһэ буол,	Для родной стороны шарниром стань,
Ыччат киһи былата буол,	Из молодых самой жизнеспособной стань,
Төрүт сүүбү төлкөтө буол,	Владельницей породистого скота стань,
Аан Айыыһыт артыалсыга буол	Соартельщицей самой Айыысыт стань,
Ынахсыт ыала буол!	Соседкой самой <i>Ынахсыт</i> стань! [4, с. 232].

Образное иносказание *Ийэ дойду иэрчэһэ буол* 'Для родной стороны шарниром стань' означает то же, что 'Стань опорой родной стороне'.

В *алгысе*:

Илин атах бүдүһэ суох,	Передними ногами не спотыкаясь,
Кэлин атах тэхтирэ суох,	Задними ногами не оступаясь,
Аһыс кырылаах аар баһаһы	Восьмигранный священный столб
Анньа тиийээр!	Ставить поезжай! [4, с. 228].

Первые две строки *Илин атах бүдүһэ суох*, / *Кэлин атах тэхтирэ суох* 'Передними ногами не спотыкаясь, / Задними ногами не оступаясь' употребляются в значении 'Пусть дорога твоя будет удачной, без приключений'.

Таким образом, образное иносказание, являясь существенной частью поэтического языка, формирует эстетически отмеченный уровень повествования. Анализ языка свадебных *алгысов* показывает, что он представляет собой высшую форму отшлифованной, художественно организованной устной поэтической речи, которая отражает существенные стороны многовековой жизни якутов.

Библиографический список

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1949-1992.
2. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия/ под ред. проф. Горкина А.П. – М., 2006.
3. Кудияров, А.В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. – М., 2002.
4. Обрядовая поэзия саха (якутов). – Новосибирск, 2003.
5. Попов, А.А. Материалы по шаманству у якутов. Культ богини Асит у якутов // Культура и письменность Востока. – Баку, 1928. – Кн. 3.
6. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. – Л., 1959.
7. Алексеев, Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири. – Новосибирск, 2008.

Bibliography

1. Ozhegov, S.I. Tolkovihyj slovarj / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – M., 1949-1992.
2. Literatura i yazikh. Sovremennaya illyustrirovannaya ehnciklopediya/ pod red. prof. Gorkina A.P. – M., 2006.
3. Kudiyarov, A.V. Khudozhestvenno-stilevihe tradicii ehposa mongoloyazichnihkh i tyurkoyazichnihkh narodov Sibiri. – M., 2002.
4. Obryadovaya poehziya sakha (yakutov). – Novosibirsk, 2003.
5. Popov, A.A. Materialih po shamanstvu u yakutov. Kuljt bogini Aicit u yakutov // Kuljtura i pisjmennostj Vostoka. – Baku, 1928. – Kn. 3.
6. Pekarskiyj, Eh.K. Slovarj yakutskogo yazihka: v 3 t. – L., 1959.
7. Alekseev, N.A. Ehtnografiya i foljklor narodov Sibiri. – Novosibirsk, 2008.

Статья поступила в редакцию 04.02.14

УДК 811.161.1'36:811.512.141'36

Ishkildina Z.K. LEXICOSEMANTIC WORD-BUILDING IN THE RUSSIAN AND BASHKIR LANGUAGES. The article is devoted to a comparative description of lexicosemantic way of word-building in the languages of different systems: in inflectional Russian and agglutinative Bashkir. This paper defines similar and distinctive features of lexicosemantic derivation method in these two languages.

Key words: comparative and typological linguistics, relatively comparable word formation, classification of methods of word-formation, word-building processes in the Russian language, methods of word-building in the Bashkir language, lexicosemantic way of word-building, lexical-semantic method.

З.К. Ишкильдина, канд. филол. наук, доц. каф. теории и методики начального образования
Стерлитамакского филиала Башкирского гос. университета, г. Стерлитамак,
E-mail: ishkildina.zulfiya@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В РУССКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительному описанию лексико-семантического словообразования в разносистемных языках, а именно, в русском и башкирском, первый из которых относится к флективным языкам, а второй входит в группу агглютинативных языков. В работе предпринята попытка выявить сходные и отличительные черты лексико-семантического способа словообразования в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: сопоставительно-типологическое языкознание, классификация способов словообразования, способы словообразования в русском языке, способы словообразования в башкирском языке, лексико-семантическое словообразование, лексико-семантический способ.

Словообразование было и остаётся процессом динамичным, живым: слова в языке появляются, образуются, живут, устаревают, выходят из употребления; в языке постоянно происходит обогащение его лексического фонда. Исходя из этого, можно предположить, что словообразование, как и всякое языковое явление, должно находить свое научно-теоретическое обоснование и в соответствии с этим своевременное лингвистическое описание.

Проблемам словообразования всегда уделялось большое внимание, но наиболее интенсивно оно стало изучаться в 50-е годы XX века. Фундаментальные исследования в области русской словообразовательной системы проведены В.В. Виноградовым, Е.С. Кубряковой, Н.М. Шанским, Е.А. Земской, А.Н. Тихоновым, И.С. Улухановым, В.В. Лопатиным, В.Н. Немченко, А.И. Моисеевым и др.; в германистике – М.Д. Степановой, О.Д. Мешковым, Р.З. Мурасовым; в монголистике – Т.А. Бертагеевым, У.-Ж.Ш. Дондуковым; в тюркологии – Н.А. Баскаковым, Э.В. Севортьяном, А.Г. Гулямовым, А.Н. Кононовым, А.И. Исковым, А. Касымходжаевой, С. Усмановым, Б.О. Орузбаевой, М.А. Хабичевым, Ф.А. Ганиевым, А.Т. Кайдаровым, Г. Садвакасовым, Э.Р. Тенишевым, А.М. Щербаком, А. Калыбаевой и Н. Оралбаевой, А.Ю. Бозиевым и др.

Благодаря исследованиям отечественных языковедов, произошло отпочкование словообразования от морфологии, и оно стало рассматриваться как самостоятельный раздел языкознания; была создана общая теория словообразования; разработаны основы словообразовательной морфемике; определены основные способы и средства словообразования в конкретных языках.

В башкирском языкознании проведен ряд исследований по отдельным проблемам словообразования: изданы специальные монографии по отдельным частям речи, разделы словообразования представлены в научных грамматиках, учебных пособиях, опубликованы статьи. К числу таких работ в первую очередь следует отнести специальные исследования А.А. Юлдашева и Т.М. Гарипова, известную грамматику башкирского языка Н.К. Дмитриева, работы Дж.Г. Киекбаева, З.Г. Ураксина, М.Х. Ахтямова, М.В. Зайнуллина, К.Г. Ишбаева, Э.Ф. Ишбердина, Н.Х. Ишбулатова.

Строй каждого конкретного языка представляет собой систему, состоящую из отдельных уровней. Что касается словообразовательного уровня, в общем языкознании на этот счет существует несколько точек зрения.

Мы придерживаемся того взгляда, согласно которому словообразование рассматривается как самостоятельный раздел лингвистики. В башкирском языкознании словообразование сегодня сформировалось как самостоятельный раздел языкознания со своим объектом изучения, проблематикой, своими единицами и методикой исследования. Но в то же время оно, будучи

органической частью языковой системы башкирского языка, находится в определенных отношениях и связях с каждым из её разделов.

По морфемной структуре, способам образования слов и их грамматических форм башкирский язык, как и другие тюркские языки, относится к типу агглютинативных языков. В башкирском языкознании до недавнего времени не было специальных работ по морфемике, поэтому системное изучение морфемной структуры слова и выяснение происходящих в ней изменений все ещё оставалось одной из неразработанных проблем. С появлением работ К.Г. Ишбаева «Словообразование башкирского языка» (1994), «Башкирский язык. Морфемика. Словообразование» (2000) эта проблема в какой-то степени была решена.

В башкирском языкознании установлены и подвергаются исследованию следующие способы словообразования, которые с различной продуктивностью функционируют в языке: 1) лексический; 2) лексико-семантический; 3) фонологический и его разновидности: фоно-морфематический; 4) морфемный (морфологический); его разновидности: а) аффиксация, б) сложение основ и сложение основ + аффиксация, в) удвоение основ и удвоение основ + аффиксация, г) повторение основ и повторение основ + аффиксация; 5) аббревиация; её виды: а) сокращение слов, б) сложение сокращенных слов; 6) лексико-грамматический (морфолого-синтаксический) и его разновидности (субстантивация, адъективация, нумерализация, прономинализация, вербализация, адвербиализация, интеръективация, постпозиционализация, конъюнкционализация, партикуляция); 7) лексико-синтаксический, его разновидности: лексикализация и лексикализация + аффиксация.

Каждый способ словообразования, каждая его разновидность рассматриваются в исследованиях в нескольких аспектах: а) в диахроническом и синхроническом плане; б) по предназначению, то есть по участию в словообразовании тех или иных частей речи; в) по степени употребительности (продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные виды).

При изучении словообразовательной системы одним из принципиальных вопросов является определение лексико-грамматической природы, то есть принадлежности к определенной части производящих основ и производных слов, возникших в процессе словообразования.

В языкознании относительно концепции словообразования и частей речи существует два подхода: ретроспективный и перспективный.

При ретроспективном изучении путь образования нового слова прослеживается от результата к его источнику, то есть процесс словообразования рассматривается в обратном направлении (метод словообразовательного анализа). Пример на материале башкирского языка:

иг-ен-се-лек 'зерноводство' (слово простое, производное, имя сущ.):

игенсе+лек 'зерноводство' (I ступень, морф. сп., аффиксация);

иген+се 'хлебороб' (II ступень, морф. сп., аффиксация);

иген 'зерно' (III ступень, морф. сп., аффиксация).

Ретроспективный подход является наиболее распространенным приемом в изучении словообразовательных систем языков; бо́льшая часть работ, посвященных проблемам словообразования, написана в ретроспективном плане. Этот путь стал обычным в языкознании, в том числе в русской лингвистике, а также в тюркологии, в частности и в башкирском языкознании.

При перспективном подходе процесс словообразования подвергается исследованию от его источника к результату (метод словообразовательного синтеза). Пример на материале башкирского языка:

ик- 'возделывать' (корневое слово, глагол);

и-ген 'зерно' (имя сущ., морф. сп., аффиксация, I ступень);

иген-се 'хлебороб' (имя сущ., морф. сп., аффиксация, II ступ.);

игенсе-лек 'зерноводство' (имя сущ., морф. сп., аффиксация, III ступ.).

Изучение словообразования в перспективном плане является сравнительно новым направлением в языкознании. Поэтому, видимо, до настоящего времени и в русистике, и в тюркологии, в том числе в башкирском языкознании, не обращалось должного внимания на изучение словообразования в перспективном плане.

В результате комплексного исследования поставленных проблем ведущими лингвистами-башкироведами разработаны теоретические основы словообразовательной системы башкирского языка, описаны морфемная и словообразовательная структуры башкирского слова, рассмотрены словообразовательные способы и средства, выявлены морфонологические и семасиологические явления, происходящие в процессе словопроизводства, определены основные закономерности дальнейшего развития словообразовательной системы.

Вместе с тем, на наш взгляд, назрели следующие проблемы и требуют своего незамедлительного решения:

1) сравнительное изучение словообразования родственных тюркских языков;

2) сопоставительное изучение словообразования башкирского языка с неродственными языками, прежде всего с русским языком, а также с европейскими языками (английским, немецким, французским и др.).

Характерной чертой языкового пространства Республики Башкортостан является наличие полилингвизма. А это, как точно подметил Р.З. Мурясов, имеет существенные последствия для развития типологической и контрастной (сопоставительной) лингвистики [1, с. 147]. Действительно, в последние годы значительно повысился интерес к сопоставительному изучению генетически неродственных языков. Об этом свидетельствуют многочисленные диссертационные исследования, предметом которых является сопоставительный анализ лингвистических единиц всех уровней языковой системы русского и башкирского языков, башкирского и английского языков, башкирского и немецкого языков, башкирского и французского языков и т.д. Имеется опыт издания учебных пособий по сопоставительно-типологическому описанию русского и башкирского языков. К.З. Закирьяновым выпущены несколько учебных пособий по данному направлению, а именно: «Сопоставительный синтаксис русского и башкирского языков» (1999), «Сопоставительная морфология русского и башкирского языков» (2001), «Сопоставительная типология русского и башкирского языков. Фонетика. Лексика и фразеология. Словообразование» (2002), «Сопоставительно-типологическое описание русского и башкирского языков» (2007). В 2006 году издана книга А.М. Азнабаева и Р.Х. Хайруллиной «Сопоставительная грамматика русского и башкирского языков», которая состоит из трёх разделов: «Фонетика», «Русская и башкирская орфография», «Морфология». В 2002 году увидел свет «Русско-башкирский терминологический словарь по языкознанию» Г.Д. Зайнуллиной. Однако до сих пор первоочередной задачей остаётся написание академической сопоставительной грамматики русского и башкирского языков, основанной на последних достижениях современной филологической науки и отвечающей требованиям передовой научной мысли.

Актуальность же сопоставительного изучения словообразования русского и башкирского языков неоспорима, так как, во-первых, научные разработки данной проблемы только начина-

ются, во-вторых, вообще процесс словотворчества очень интересен и динамичен и представляет собой благодатное поле для разного рода научных изысканий. Под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов многие прежние словообразовательные типы активизируются, а некоторые словообразовательные типы наоборот утрачивают свою продуктивность, формируются новые словообразовательные типы.

В последние годы в обоих сопоставляемых языках значительно увеличился процент заимствованных слов из европейских и восточных языков, что явилось результатом возрастающих политических, экономических, культурных связей между народами разных стран. Большинство же таких слов в процессе освоения подвергаются изменениям в морфемной структуре и фонетическом облике, всё более широкое распространение получает словообразовательное калькирование. По-прежнему высок удельный вес аффиксальных образований, особенно в системе словообразования имен существительных, прилагательных и глаголов. Все эти и другие вопросы ждут своих исследователей.

Сопоставительные исследования в области словообразования русского и башкирского языков, необходимость которых диктуется отсутствием фундаментальных научных трудов по данной проблематике, будут способствовать дальнейшему развитию общей теории словообразования.

Научная новизна состоит в том, что в данной работе впервые предпринята попытка выявить сходные и отличительные черты в лексико-семантическом способе словообразования русского и башкирского языков.

Теоретическая значимость заключается в том, что впервые даётся развернутое описание лексико-семантического словообразования в сопоставительном плане на материале двух генетически неродственных, типологически разнотипных и тесно контактирующих языков – русского и башкирского.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования имеют прикладное значение для преподавания русского языка в башкирской аудитории; также они могут быть использованы при составлении учебных пособий и словарей.

При рассмотрении вопросов словопроизводства следует учитывать тот факт, что в языкознании различаются способы словообразования, регулярно действующие в современном языке, и способы словообразования, являющиеся результатом исторического развития.

Как выше было сказано, ученые-лингвисты изучают способы словообразования как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах. «Понятие «способ словообразования» в синхронном и диахроническом словообразовании имеет разное содержание, – пишет Е.А. Земская. – В диахроническом словообразовании это понятие служит для ответа на вопрос, с помощью какого средства (или каких средств) образовано производное слово; в синхронном словообразовании оно используется для ответа на вопрос, с помощью какого средства (или каких средств) выражается деривационное (словообразовательное) значение производного слова...» [2, с. 169].

В.Н. Немченко также подчеркивает, что «необходимо строго различать способы словообразования с диахронической и синхронической точек зрения» [3, с. 112]. Способы словообразования как в диахроническом, так и в синхроническом плане различаются между собой некоторыми особенностями производящей базы и словообразующего форманта: количеством слов или основ, входящих в состав производящей базы, и количеством и видом основных словообразовательных средств, представляющих словообразовательный формант. Однако само словообразовательное средство в диахроническом и синхроническом словообразовании понимается по-разному. С диахронической точки зрения словообразовательные средства определяются с учетом различных процессов, сопровождающих образование новых слов, с синхронической точки зрения под словообразовательными средствами обычно понимаются известные материальные элементы производных слов.

Итак, в плане диахронии под способом словообразования понимается конкретный прием создания производного слова, в плане синхронии способ – это совокупность деривационных средств, участвующих в образовании конкретного слова.

Способы словообразования с диахронической точки зрения определяются с учетом общего понимания диахронического словообразования как исторического процесса создания новых слов

на базе существующих лексических единиц. Если диахроническое словообразование отражает процесс создания новых слов, то способ диахронического словообразования представляет собой одно из возможных конкретных проявлений данного исторического процесса. «Под способом словообразования с диахронической точки зрения понимается способ изменения структуры существующего в языке слова или словосочетания, в результате которого возникает (образуется) новая лексическая единица» [3, с. 113].

В русском языке с диахронической точки зрения различается около двадцати способов словообразования. Традиционная классификация основывается на характере словообразовательных средств, на их связи с той или иной областью языковой структуры, с тем или иным уровнем языка. Основными считаются морфологический, морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический и лексико-семантический способы. В.Н. Немченко предлагает следующую схему способов диахронического словообразования в русском языке [3, с. 117]:

I. Аффиксальное (морфологическое) словообразование: 1) префиксация, 2) суффиксация, 3) постфиксация, 4) префиксально-суффиксальный способ, 5) префиксально-постфиксальный способ, 6) суффиксально-постфиксальный способ, 7) префиксально-суффиксально-постфиксальный способ, 8) способ обратного словообразования.

II. Флексийное (морфологическое) словообразование: 1) чисто флексийное (собственно морфологическое) словообразование, 2) морфолого-синтаксическое словообразование (транспозиция).

III. Словосложение (основосложение), или композиция: 1) чистое словосложение, 2) сложно-суффиксальное словообразование, 3) сложно-флексийное словообразование.

IV. Лексико-семантическое словообразование.

V. Фонетическое словообразование.

Современные классификации способов словообразования берут свое начало от известной классификации академика В.В. Виноградова, которая была разработана им в 1951 году и является первой научной классификацией способов словообразования в русистике. В.В. Виноградов разделил способы словообразования в русском языке на два типа: морфологический и неморфологический [4, с. 156-207].

Морфологический способ он определяет как «образование новых слов с помощью аффиксов»: *лесник, пообедать, настольный*.

К неморфологическим В.В. Виноградов относит способы, которые не используют аффиксальных словообразовательных средств: лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический:

1) лексико-семантический способ – это образование нового слова в результате изменения его же лексического значения, т.е. «формирование омонимов путем распада одного слова на два»: *кулак* ('зажиточный крестьянин') ← *кулак* ← кисть руки со сжатыми пальцами;

2) лексико-синтаксический способ – это создание нового слова на базе словосочетания в результате слияния двух или более слов: *умалишенный* ← *ума лишенный, сумасшедший* ← *с ума сшедший, сегодня* ← *сего дня, семьсот* ← *семь сот*;

3) морфолого-синтаксический способ включает «все факты перехода слов из одной части речи в другую, а также тесно связанные с ними случаи отрыва формы от системы форм слова и превращения в самостоятельное слово»: *рабочий* (сущ.) ← *рабочий* (прил.) *человек, весной* (наречие) ← *весной* (сущ.), *караул* ← (междометие) ← *караул* (сущ.).

В дальнейшем классификация способов русского словообразования, предложенная В.В. Виноградовым, подверглась уточнениям и корректировке со стороны современных исследователей. Но одной из неоспоримых заслуг академика В.В. Виноградова является тот факт, что он впервые в русском языкознании обратил серьезное внимание на лексико-семантическое словообразование и поставил лексико-семантический способ в один ряд вместе с другими неморфологическими способами, тем самым придав ему законный статус самостоятельного деривационного способа.

В современном языкознании общепринято, что лексико-семантическое словообразование представляет собой процесс распада многозначного слова на омонимы. При лексико-семантическом способе новые слова возникают в результате изменения значений уже существующих слов; иначе говоря, некоторые

слова, функционирующие в языке, с истечением времени приобретают дополнительные лексические значения, сохраняя при этом полностью свой прежний фонемный состав и морфемное строение, в итоге мы получаем новое слово, образованное лексико-семантическим способом. Это происходит в результате того, что разные значения многозначного слова со временем утрачивают внутреннюю связь между собой.

Автор-составитель «Словаря лингвистических терминов» О.С. Ахманова определяет лексико-семантическое словообразование как «образование слов путем семантического расщепления производящего слова», например: *тема* (сочинения), *тема* (лингвистический термин), *радикал* 'корень', *радикал* 'сторонник крайних, решительных действий и взглядов' [5, с. 424].

Автор «Большого лингвистического словаря» В.Д. Стариченко вслед за В.В. Виноградовым даёт такое определение: «Лексико-семантический способ словообразования – образование новых слов в результате распада некогда многозначного слова на омонимы, сравн.: *брань* 'война, битва', *брань* 'ругань', *двор* 'дом, отдельное хозяйство', *двор* 'монарх и его окружение'» [6, с. 282].

Известный авторитет в области словообразования Е.А. Земская в русистике называет четыре способа образования слов: лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический, морфологический. Лексико-семантический способ она относит к сфере диахронического словообразования и определяет как «образование нового слова в результате изменения значения уже существующего слова; ср., напр. *кулак* и *кулак* (богатый крестьянин)» [2, с. 176]. Исследователь отмечает, что слова, образованные этим способом, обычно бывают продуктом длительного исторического развития. Многие из них в системе современного языка являются непроемными, т.е. не связанными со словами, породившими их когда-то. Так, с точки зрения синхронного изучения языка не имеет значения, произошло ли название *речная коса* от *коса* (женская) и т.п. [3, с. 177].

В.Н. Немченко лексико-семантическим называет такой способ диахронического словообразования, «при котором основным словообразовательным средством является изменение лексического значения производящего слова (при сохранении его материальной структуры)» [3, с.236]. При лексико-семантическом способе, пишет он, «слова возникают в результате изменения лексических значений существующих в языке слов при сохранении их материальной структуры, звукового состава; ср.: *баран* – 'стенбитное орудие' и *баран* – 'травоядное млекопитающее семейства быков', *красный* 'имеющий цвет крови' и *красный* 'красивый', *найти* 'отыскать, обнаружить что-либо' и *найти* 'подойти вплотную, натолкнуться на что-либо' [3, с. 117].

Г.А. Мартинович даёт такое определение: «Лексико-семантический способ словообразования заключается в изменении значений слов с дальнейшим расщеплением их на слова-омонимы, которые начинают осознаваться уже как хотя и одинаково звучащие, но разные (этимологически независимые) слова, обладающие своими синтаксическими связями, а иногда и другими лексико-грамматическими, стилистическими и функциональными свойствами: *мир* – вселенная и *мир* – не война, *среда* – день недели и *среда* – окружение и т.п.» [7, с. 117].

Т.В. Жеребило определяет лексико-семантический способ словообразования как «неморфологический способ, при котором новое слово образуется в результате существующей в языке лексемы, путем формирования омонимичных лексем: *кулак1* – *кулак2* (зажиточный крестьянин)» [8, с. 117].

Л.Я. Лачимова так описывает лексико-семантическое словообразование: «Лексико-семантическим называется такой способ словообразования, при котором новые лексические единицы возникают в результате изменений в семантике уже существующих в русском языке слов. Изменения в семантике, приводящие к созданию новых лексических единиц, могут быть двух видов. Так, возможно появление новых слов в результате того, что разные значения многозначного слова превращаются в разные слова-омонимы. Происходит «переосмысление прежних слов, формирование омонимов путем распада одного слова на два» (В.В. Виноградов). Например, *красный* (цвет) – *красный* (относящийся к революционной деятельности, связанный с советским строем); *палата* – помещение, *палата* – учреждение» [9, с. 117].

Далее Л.Я. Лачимова пишет, что «новые слова могут возникать в силу того, что за словом закрепляется лексическое значение, которое не связано как производное с присущим ранее

этому слову лексическим значением, и происходит переосмысление существующего в языке слова. Например, в советский период появилось слово *бригадир* (руководитель производственного коллектива) – *бригадир* (офицерский чин в русской армии XVIII в.); в годы Великой Отечественной войны слово *гвардия* приобрело значение «отборные, лучшие войска» – *гвардия* – «личные воинские части правителя». При лексико-семантическом словообразовании новые слова образуются как на базе отдельных слов, так и на базе устойчивых словосочетаний: *атмосферные осадки* – *осадки*, *сахарный песок* – *песок*. В результате лексико-семантического словообразования фонетически новых слов не возникает. Образованное слово всегда принадлежит к той же части речи, что и исходное. Процесс образования новых слов лексико-семантическим способом – результат длительного словоупотребления» [9, с. 117].

Л.Я. Лачимова, анализируя деривационную активность данного способа в современном русском языке, делает вывод, что этот способ словообразования представлен широко почти во всех семантических группах (*август*, *Антей*, *бордо*, *Бостон*, *Камчатка*, *монета*). В последние годы, однако, пополнение словарного запаса за счет «чистого» перехода значений слова, как отмечает она, не является продуктивным; чаще всего лексико-семантический способ в основном используется для создания фирменных названий [9, с. 117].

Следует отметить, что лексико-семантический способ словообразования функционирует и в других языках, входящих в ту же индоевропейскую языковую семью, что и русский язык. Е.И. Науменко, исследуя лексико-семантическое словообразование в английском языке, пишет, что «в отличие от морфологического словообразования (словосложения, аффиксации, конверсии, аббревиации), семантический путь обогащения словарного состава состоит не столько в образовании новых лексем, сколько в образовании новых значений уже существующих слов (или, по терминологии А.И. Смирницкого, лексико-семантических вариантов слова – ЛСВ). Поэтому семантический способ обогащения лексики охватывает правила образования новых значений и – в случае отделения омонимов – правила образования новых слов (это лексико-семантический способ)» [10, с. 117]. Далее, вслед за Блумфилдом, она отмечает, что не только сами слова, но и их значения имеют историю. Семантический процесс переосмысления слов происходит по определённым правилам, закономерностям образования переносного значения, обусловленным расширением сферы употребления слова, изменениями в реальном мире: изменением самих вещей или отношения к ним, появлением новых реалий в жизни общества, различными потребностями языкового коллектива, включая «экспрессивную потребность» – стремление придать наименованию будущую образность [11: с. 466-476]. Всё это приводит к изменению, обогащению семантической структуры слова и отдалению его значений.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в русском языкознании лексико-семантическим называется неморфемный способ деривации, при котором новое слово образуется в результате изменения значения уже существующей в языке лексической единицы.

Лексико-семантический способ получил одинаково широкое распространение в сопоставляемых нами русском и башкирском языках.

Суть этого способа учёный-тюрколог К.Г. Ишбаев видит в том, что «ранее существующее в языке слово, сохраняя своё прежнее фоно-морфемное строение», принимает новое дополнительное значение, в соответствии с этим изменяет в определённой степени свои морфологические категории и синтаксико-стилистические функции. Значит, в данном случае словообразующим средством, пишет он, выступает изменение лексического значения производящей основы, в результате мы имеем дело с новым словом, которое отличается от производящей основы своими лексико-грамматическими признаками и стилистической окраской [12, с. 61]. Например:

1) *ай* 'небесное тело': а) употребляется лишь в форме единственного числа (*Күктә ай калкты* 'Взошла луна'); б) может выступать в составе следующих словосочетаний: *ай тотолоу* 'затмение луны', *тулған ай* 'полнолуние', *яты тулған ай* 'новолуние' и др.; *ай*² 'единица измерения времени, равная 1/12 части года': а) может употребляться в формах единственного и множественного числа (*Ай үтте* 'Прошёл месяц' – *Айзар үтте* 'Прошли месяцы'); б) может выступать в составе

словосочетаний типа *бер ай* 'один месяц', *ике ай* 'два месяца', *кышкы ай* 'зимний месяц', *йәйге айзар* 'летние месяцы' и т.д.;

2) *баҫ* 'вставать, ступать': а) непреходящий глагол (*туһаға баҫ* 'встать на порог'), б) имеет синтетические функции категории меры и степени (*баҫ-ыштыр*-, *баҫ-ы+кыра*-, *баҫ-кыла*-); в) обычно управляет направительным падежом (*ергә баҫма* 'не наступай на землю', *изәнгә баҫ* 'встань на пол'); *баҫ*² 'печатать': а) переходный глагол (китап(ты) *баҫ* 'печатать книгу'); б) не принимает аффиксов категории меры и степени; в) управляет винительным и местным падежами (*журнал(ды) баҫ* 'печатать (издавать) журнал', *журналда баҫ* 'печатать в журнале').

В современном башкирском языке образование новых слов с помощью лексико-семантического способа является живым процессом. Это наблюдается прежде всего в образовании новых терминов, относящихся к различным областям науки, техники, искусства, культуры и т.д. В качестве примеров можно привести лингвистические термины: а) по морфологии: *исем* 'имя; название, наименование' → *исем*² 'имя существительное', *сифат* 'качество' → *сифат*² 'имя прилагательное', *һан* 'число, количество, численность' → *һан*² 'имя числительное' *алмаш* 'смена, замена' → *алмаш*² 'местоимение' *рәүеш* 'образ, вид, уклад, манера' → *рәүеш*² 'наречие'; б) по синтаксису: *эйә* 'владелец, собственник, хозяин' → *эйә*² 'подлежащее', *хәбәр* 'известие, извещение, весть, сообщение, слух, молва' → *хәбәр*² 'сказуемое', *аныклаусы* 'уточняющий' → *аныклаусы*² 'определение', *тултырыусы* 'наполняющий, дополняющий' → *тултырыусы*² 'дополнение', *хәл* 'положение, состояние, обстановка, обстоятельство; сила, бодрость' → *хәл*² 'обстоятельство'.

Следует отметить, что лексико-семантический способ в башкирском языке, как и в сопоставляемом русском языке, является наиболее продуктивным в образовании самостоятельных частей речи, а именно, в образовании 1) имен существительных, 2) имен прилагательных, 3) глаголов. Примеры: 1) *ағым*¹ 'течение, поток, струя' → *ағым*² 'общественно-политические, литературные и др. течения, направления'; *инеш*¹ 'родник' → *инеш*² 'введение к литературному (музыкальному) произведению'; *юл*¹ 'дорога, путь' → *юл*² 'способ, средство, приём'; 2) *елле*¹ 'ветреный' → *елле*² 'хороший, замечательный'; *оло*¹ 'пожил, старый' → *оло*² 'главный, большой'; *тиҫкәре*¹ 'обратный, противоположный' → *тиҫкәре*² 'упрямый, неуступчивый, непослушный'; 3) *акла*¹ 'белить' → *акла*² 'оправдать'; *из*¹ 'толочь' → *из*² 'эксплуатировать, угнетать'; *кара*¹ 'смотреть, глядеть' → *кара*² 'присматривать, воспитывать'.

Исходя из вышеизложенного материала, можно сделать следующие выводы:

1. Лексико-семантический способ как в русском, так и в башкирском языках развивается на базе полисемии и омонимии. Процессы, приводящие к созданию новых лексических единиц, могут быть двух видов: 1) появление новых слов возможно в результате того, что разные значения многозначного слова превращаются в разные слова, т.е. в омонимы: *долг* 'задолженность' – *долг* 'обязанность'; *кабатла* 'повторять' – *кабатла* – 'умножать'; 2) новые слова могут возникать и в силу того, что за словом закрепляется лексическое значение, которое не связано с присущей ранее этому слову семантикой, т.е. происходит переосмысление уже существующего в языке слова: *бригадир* 'руководитель производственного коллектива' ← *бригадир* 'офицерский чин в русской армии'.

2. В результате лексико-семантического словообразования в обоих сопоставляемых языках новых фонетических слов не возникает.

3. В русском языке вновь образованное слово, как и исходное, всегда принадлежит к одной и той же части речи, например: *удел* 'судьба, участь' (сущ.) ← *удел* 'область, управляемая князем-феодалом на Руси' (сущ.); *губка* 'пористое, упругое изделие из резины или поролон, используемое для мытья' (сущ.) ← *губка* 'пористый остов некоторых видов беспозвоночных животных, хорошо впитывающий влагу' (сущ.); *успевать* 'хорошо учиться' (гл.) ← *успевать* 'успеть' (гл.).

В башкирском же языке производное слово в некоторых случаях может относиться к другой части речи, чем исходное слово, например: *аныклаусы* 'определение' (сущ.) ← *аныклаусы* 'уточняющий' (причастие); *тултырыусы* 'дополнение' (сущ.) ← *тултырыусы* 'наполняющий, дополняющий' (причастие).

4. Хотя по степени продуктивности лексико-семантический способ нельзя ставить в один ряд, например, с аффиксацией, но можно констатировать тот факт, что слова в обоих сопоставляемых языках при помощи этого способа продолжают образовываться и поныне.

Библиографический список

1. Мурясов, Р.З. Об актуальных проблемах контрастно-типологических исследований в многоязычном регионе // Проблемы востоковедения. – 2009. – № 1.
2. Земская, Е.Г. Современный русский язык. Словообразование. – М., 2005.
3. Немченко, В.Н. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1984.
4. Виноградов, В.В. Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике. – М, 1975.
5. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
6. Стариченко, В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов-на-Дону, 2008.
7. Мартинович, Г.А. Терминологический словарь: русский язык, стилистика, культура речи / Г.А. Мартинович, П.А. Семенов. – СПб., 2006.
8. Жеребило, Т.В. Термины и понятия: Морфемика. Словообразование: Словарь-справочник. – Назрань, 2011.
9. Лачимова, Л.Я. Лексико-семантическое словообразование (возникновение омонимов) // Современный русский язык: Практическое пособие [Э/р]. – Р/д: http://www.manybooks.org/auth/14675/book/100160/lachimova_lya/sovremenniy_russkiy_yazyk_prakticheskoe_posobie
10. Науменко, Е.Э. Лексико-семантический способ словообразования английской идиоматической лексики // [Э/р]. – Р/д: http://www.pglu.ru/lib/publications/University.../II/uch_2009_II_00023
11. Блумфилд, Л. Язык. – М., 1968.
12. Ишбаев, К.Г. Башкирский язык. Морфемика. Словообразование. – Уфа, 2000.

Bibliography

1. Murasov, R.Z. Ob aktualnykh problemakh kontrastivno-tipologicheskikh issledovaniy v mnogoyazychnom regione // Problemy vostoovedeniya. – 2009. – № 1.
2. Zemskaya, E.G. Sovremenniy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie. – M., 2005.
3. Nemchenko, V.N. Sovremenniy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie. – M., 1984.
4. Vinogradov, V.V. Voprosy sovremennogo russkogo slovoobrazovaniya // Issledovaniya po russkoy grammatike. – M, 1975.
5. Akhmanova, O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M., 1966.
6. Starichenok, V.D. Bol'shoy lingvisticheskiy slovar'. – Rostov-na-Donu, 2008.
7. Martinovich, G.A. Terminologicheskii slovar': russkiy yazyk, stilistika, kul'tura rechi / G.A. Martinovich, P.A. Semenov. – SPb., 2006.
8. Zherebilo, T.V. Terminy i ponyatiya: Morfemika. Slovoobrazovanie: Slovar'-spravochnik. – Nazranj, 2011.
9. Lachimova, L.Ya. Leksiko-semanticheskoe slovoobrazovanie (vozniknovenie omonimov) // Sovremenniy russkiy yazyk: Prakticheskoe posobie [Eh/r]. – R/d: http://www.manybooks.org/auth/14675/book/100160/lachimova_lya/sovremenniy_russkiy_yazyk_prakticheskoe_posobie
10. Naumenko, E.Eh. Leksiko-semanticheskii sposob slovoobrazovaniya angliyskoy idiomaticheskoy leksiki // [Eh/r]. – R/d: http://www.pglu.ru/lib/publications/University.../II/uch_2009_II_00023
11. Blumfild, L. Yazyk. – M., 1968.
12. Ishbaev, K.G. Bashkirskiy yazyk. Morfemika. Slovoobrazovanie. – Ufa, 2000.

Статья поступила в редакцию 12.02.14

УДК 81'33

Kulundary V.V. THE NATURE OF INDUCEMENT. The article presents the overview of theoretical research approaches and definitions of the inducement category including philosophical, psychological and linguistic points of view on this category. The analysis of inducement terminology evidenced the great variety of terms which need to be clarified, defined more precisely and systematized.

Key words: inducement category, incentive sentences, pragmlinguistic approach, imperative, prescriptive, advice, request, suggestive.

В.В. Кулундарий, аспирант Московского городского педагогического университета, г. Москва, ст. преподаватель каф. английского языка Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: velmon@rambler.ru

О ПРИРОДЕ ПОБУЖДЕНИЯ И ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ

Данная статья посвящена краткому обзору научных подходов к изучению категории побудительности, а также анализу различных терминов, используемых в лингвистике при определении данной категории. Результаты анализа указывают на необходимость комплексного изучения категории побудительности как языковой категории, выявления и систематизации всевозможных способов и средств выражения побуждения в языке и живой речи, включая ритмомелодический аспект.

Ключевые слова: категория побудительности, побудительное предложение, прагмалингвистический подход, императив, прескриптив, совет, реквестив, суггестив.

Многими учеными лингвистами (Лобанова Е.В. (2011), Маслова А.Ю. (2009), Неустроев К.С. (2008), Петрова Е.Б. (2008) и др.) отмечено, что человек в своей жизнедеятельности довольно часто использует побудительные предложения. Это объясняется тем, что социально-экономические отношения в обществе регулируются довольно часто речевым поведением человека, который в свою очередь, осознавая значимость своего речевого поведения, формулирует свою речь так, чтобы более эффективно взаимодействовать с коммуникантом и при необходимости воздействовать на партнера по коммуникации.

Научное исследование категории побудительности актуально и сегодня, так как побудительные высказывания представляют широкое поле для исследования и «насыщения» возрастающего интереса лингвистов к функционированию языка в живой речи. Как известно, вплоть до второй половины XX в. категория побудительности рассматривалась через призму традиционного подхода к изучению языка, когда принцип «от формы к значению» [1, с. 240] отбирал только императивные предложения, а конструкции с побудительным значением, но выраженные неимперативными средствами языка, оставались вне фокуса на-

учного интереса исследователей. Иными словами, ученые изучали структуру языка, а не особенности его употребления в речи [2, с.156]. В настоящее время прагмалингвистический подход признан более точным для изучения побудительных конструкций по сравнению с традиционным подходом «от формы к значению» (см. труды Н.В. Гуровой (2011), И.А. Кудиновой (2010), А.О. Любимова (1984), Е.В. Лобановой (2011), А.Ю. Масловой (2009), и многих других. Данный подход рассматривает побудительное высказывание как побудительный речевой акт (ПРА) при этом, например, основатели теории речевого акта Дж. Остин и Дж. Серль используют термин «иллокутивный акт» [3] со всеми сопутствующими компонентами, о которых речь пойдет ниже.

Многие отечественные и зарубежные ученые по разному изучают побуждение к какому-либо действию в языке. А.В. Бондарко разработал понятия функционально-семантического поля императивности и императивной ситуации (1973, 1984, 1990, 2002). В.С. Храковский и Л.А. Бирулин представили формулировку трехуровневого содержательного определения побудительного высказывания и прагматических факторов, влияющих на семантическую интерпретацию побуждения (1986, 1987, 1992). Некоторые проблемы побудительности и побуждения также рассматривались в трудах Дж. Р. Серля (1969, 1979, 1986), Дж. Остина (1986, 1999), Г.Г. Почепцова (1981), Р.О. Якобсона (1985), А. Вежбицкой (1986), Н.И. Формановской (2002) и во многих других научных трудах.

Различные виды побуждения довольно хорошо изучены в английском языке, но интонационный аспект данной категории малоизучен и требует специального исследования. В целом, терминология категории побудительности представлена неоднозначно в мировой научной литературе, именно поэтому есть необходимость представить системное описание структурных компонентов данной категории, а также глубже изучить выбор языковых средств, наиболее эффективно реализующих побудительную интенцию говорящего. Таким образом, есть необходимость в комплексном изучении категории побудительности, как языковой категории и выявлении всевозможных способов и средств выражения побуждения в языке и живой речи.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что она способствует системному лингвистическому осмыслению категории побудительности, а также установить закономерности взаимосвязи побудительных языковых средств на синтаксическом и ритмомелодическом уровнях живого языка. При этом учитывать взаимодействия и воздействия участников коммуникативного акта. Детальное изучение структуры и семантики предложения, выражающего побуждение, позволит выявить комплексную модель побудительного высказывания как средство выражения речевого воздействия на собеседника. Практическая ценность работы состоит в возможности применения результатов исследования в лекционных курсах по языкознанию, в спецкур-

сах по теории коммуникации и межкультурной коммуникации, при написании курсовых и дипломных работ, а также в практике преподавания английского языка.

Данная статья посвящена начальному этапу работы над диссертационным исследованием по теме категории побудительности, которая в дальнейшем войдет в состав более сложного исследования явлений побудительности и побуждения разноструктурных языков в сравнительно-сопоставительном плане. В данной статье сделан краткий обзор научных взглядов на побудительность и побуждение как с лингвистической, так и с точки зрения философии, психологии и физиологии именно для того, чтобы глубже понять саму природу побудительности и особенности ее функционирования в языке. Проведен анализ терминологии и дефиниций категории побудительности с целью их сопоставления, уточнения и систематизации. Результаты анализа указывают на необходимость комплексного изучения побудительности и побуждения как языкового явления, включая ритмомелодический аспект, а также на выявление и систематизацию всевозможных способов и средств выражения побуждения в языке и живой речи.

С точки зрения философии побудительность представляет собой особое свойство, присущее не только людям, но и предметам и явлениям природы, которое «заключается в каузировании определенного действия или изменения состояния элемента окружающей действительности» [4, с. 1]. На психологическом уровне побуждение рассматривается как «чувственная форма, в которой проявляется намерение к совершению какого-либо поступка. Это двигательный импульс, эмоционально-волевое устремление, направляющее действия человека» [5, с. 13]. В физиологии синонимом побуждения является импульс, определяемый как происходящий в нервной системе процесс возбуждения, приводящий иннервируемые органы в состояние деятельности или торможения [6]. В лингвистическом отношении побуждение представляет собой речевой акт, который «представляет собой попытки ...со стороны говорящего...от весьма скромных до весьма агрессивных...добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» [7, с. 182].

Исходя из множества трактовок «побудительность» и «побуждение» закономерным встает вопрос о тождественности и/или эквивалентности этих двух терминов. А.Н. Рамазанова (2005) в своей кандидатской диссертации, посвященной побудительному потенциалу английских пословиц и Н.И. Формановская (2002), которая имеет многочисленные научные труды по речевому общению, используя коммуникативно-прагматический подход, дают ясное определение этим терминам. Н.И. Формановская определяет побудительность как «одно из ведущих целеполаганий говорящего, отражающее его волеизъявление с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата», тем самым, указывая на «двусубъектность» побудительно-

Классификации побудительных речевых актов (ПРА)

Таблица 1

Группа I	Группа II	Группа III	Авторы
<u>Прескриптивы</u> приказ, распоряжение, разрешение, запрещение, инструкция	<u>Реквестивы</u> просьба, мольба, приглашение	<u>Суггестивы</u> совет, предложение, предупреждение	Лобанова Е.В., 2011
<u>Инъюнктивы/облигативы</u> приказы, требования, команды, распоряжения, предписания, наставления, запрещения, разрешения, принуждения	<u>Реквестивы</u> просьбы, мольбы, заклинания	<u>Адвисивы</u> советы, рецепты, рекомендации, инструкции, предложения, приглашения	Формановская Н.И., 2002
<u>Директивное побуждение</u> приказ, распоряжение, требование	<u>Оплативное побуждение</u> просьба, мольба, призыв, приглашение предложение	<u>Нейтральное побуждение</u> совет, рекомендация инструкция, предостережение, предложение	Любимов А.О., 1984
<u>Побудительная интенция категорического директивного типа</u> приказ, приказание, распоряжение, команда, запрет	<u>Побудительная интенция смягченного директивного типа</u> просьба, мольба, заклинание	<u>Побудительная интенция нейтрального директивного типа</u> предложение, приглашение, совет, рекомендация, предписание совершить действие	Маслова А.Ю., 2009.

го высказывания «говорящий – адресат» по схеме «я хочу – ты должен» [8, с. 1]. Однако, по мнению А.Н. Рамазановой, если побуждение выражает желание говорящего воздействовать на слушающего или третье лицо с целью изменения ситуации, то термин «побудительность» имеет более широкое значение: это свойство людей и других явлений действительности каузировать изменение окружающей действительности [4, с. 3]. Таким образом, эти два понятия не эквивалентны, но взаимосвязаны.

Исходя из логики раннего традиционного подхода к изучению побудительных предложений, таковыми считались в основном императивные предложения, т.е. высказывания, содержащие глагол в повелительном наклонении. Но результаты множества исследований побудительности в рамках прагмалингвистического подхода показали, что побудительные предложения не есть равно императивные предложения. Согласно философскому определению, императив – это общезначимое нравственное предписание (нравственный императив) в противоположность личному принципу [9]. В грамматике императив или повелительное наклонение – это форма наклонения, выражающая волеизъявления (приказ, просьбу или совет). Императив является ядром функционально-семантического поля (ФСП) категория побудительности в английском языке. Все периферийные средства имеют общее значение побудительности. ФСП побудительности наглядно представлено на примере английского языка в исследовании Е.В. Фомичевой (2009).

Как было упомянуто выше, в фокусе прагмалингвистического подхода при исследовании категории побудительности и побудительных высказываний находятся побудительные речевые акты (как прямые, так и косвенные), которые включают в себя следующие компоненты: а) побудитель (источник побуждения), б) действие, к которому побуждают, в) побуждаемый (исполнитель действия), г) сам акт побуждения [1, с. 241]. Побудительные речевые акты (ПРА) организованы в три основных группы. Анализ теоретической и методической литературы по теме побудительности выявил разнообразие терминологического обо-

значения трех основных групп ПРА. Таблица ниже наглядно показывает данное явление.

Таким образом, первая группа ПРА включают в себя побудительные предложения обозначенные терминами «прескриптивы», «инъюнктивы», «облигативы», «директивное побуждение», и «побудительная интенция категорического директивного типа». Во всех классификациях ядром данной группы можно назвать ПРА приказа и распоряжения. ПРА запрещения относят к категорическому типу побуждения в трех классификациях из четырех, а разрешение только в двух случаях из четырех. Ко второй группе ПРА относятся побудительные предложения, именуемые тремя терминами – «реквестивы», «оптативное побуждение»,

«побудительная интенция смягченного директивного типа». ПРА просьбы, мольбы и заклипания являются основными типами, тогда как приглашение, призыв и предложение имеют спорное положение в различных классификациях – некоторые ученые относят их к третьей группе ПРА – к «суггестивам», «адвизивам», «нейтральному побуждению» или иначе к «побудительной интенции нейтрального директивного типа», к которым исследователи единогласно относят совет и рекомендацию.

Сведения, собранные только из нескольких трудов по побудительным предложениям и представленные в таблице выше демонстрируют, что существует множество классификаций ПРА и используемая в них терминология неоднозначна и требует более полного описания и систематизации. В заключении также следует подчеркнуть, что, несомненно, побудительные высказывания играют важную роль в регулировании общественных и межличностных отношений. Языковые личности моделируют свое речевое поведение с целью более эффективного воздействия и взаимодействия с партнерами по коммуникации, отбирая наиболее действенные языковые средства выражения побуждения в той или иной ситуации, для лингвистов тема побудительности остается обширным полем для исследования в условиях изменяющейся действительности, глобализации и стремительного прогресса.

Библиографический список

1. Лобанова, Е.В. Базовые параметры категории побудительности в английском языке: когнитивно-онтологический подход // Вестник ЧГПУ 2011. – Вып. 2.
2. Фомичева, Е.В. Средства выражения побудительности в английском языке в свете семантики и прагматики // Современные проблемы науки и образования. – 2009. – Вып. 4.
3. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Б.Ю. Городецкого. – М., 1986. – Вып. 17.
4. Рамазанова, А.Н. Побудительный потенциал английских пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005.
5. Побуждение // Словарь по этике / под ред. И. Кона, 1981 [Э/п]. – П/д: <http://terme.ru/dictionary/522/word/pobuzhdenie>
6. Побуждение // Antinazi / Энциклопедия социологии, 2009 [Э/п]. – П/д: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/2827>
7. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17.
8. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М., 2002.
9. Императив // Философский энциклопедический словарь, 2010 [Э/п]. – П/д: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Императив_\(философия\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Императив_(философия)).
10. Любимов, А.О. Средства выражения побуждения в современном португальском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984.
11. Маслова, А.Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – СПб., 2009.
12. Неустроев, К.С. Способы выражения побуждения и воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2008.
13. Петрова, Е.Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике // Вестник ВГУ. – 2008. – Вып. 3. – Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация.
14. Гурова, Н.В. Категория побудительности и ее функции в политической коммуникации // Политическая лингвистика. – 2011. – Вып. 4.
15. Кудинова, И.А. Категория имплицитности в рекламном дискурсе (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2010.
16. Остин, Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 12.
17. Остин, Дж. Л. Избранное // Истина, Как совершать действия при помощи слов, Смысл и сенсibili, Чужое сознание. – М., 1999.
18. Бондарко, А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий / отв. ред. А.В. Бондарко. – Л., 1973.
19. Бондарко, А.В. О грамматике функционально-семантических полей // Известия АН СССР. – 1984. – Т. 43. – Вып. 6. – Сер. литературы и языка.
20. Бондарко, А.В. Структура императивной ситуации (на материале русского языка) // Функционально-типологические аспекты анализа императива / отв. ред. Л.А. Бирилин, В.С. Храковский. – М., 1990. – Ч. 2: Семантика и прагматика повелительных предложений.
21. Бондарко, А.В. Функционально-семантическое поле и категориальная ситуация в системе грамматического описания // *Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 28)*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 2002.
22. Храковский, В.С. Семантика и типология императива. Русский императив / отв. ред. В.Б. Касевич. – Л., 1986.
23. Бирилин, Л.А. Волюнтаривные рамки в структуре побуждения // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте: тезисы докладов рабочего совещания. – М., 1987.
24. Бирилин, Л.А. Типология императивных конструкций / Л.А. Бирилин, В.С. Храковский, Е.Ю. Груздева. – СПб., 1992.
25. Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт? Косвенные речевые акты. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17.
26. Searle, J.R. Expression and meaning // *Studies in the Theory of Speech Acts*. – Cambridge University Press, 1979.
27. Почепцов, Г.Г. Прагматика предложения / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов // Теоретическая грамматика современного английского языка. – М., 1981.
28. Якобсон, Р.О. Избранные работы: сб. науч. трудов. – М., 1985.
29. Вежицка, А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике / Теория речевых актов. – М., 1986. – Вып. 17.

Bibliography

1. Lobanova, E.V. Bazovihe parametrov kategorii pobuditel'nosti v angliyskom yazihke: kognitivno-ontologicheskii podkhod // Vestnik ChGPU. 2011. – Vihp. 2.
2. Fomicheva, E.V. Sredstva vihrazheniya pobuditel'nosti v angliyskom yazihke v svete semantiki i pragmatiki // Sovremennye problem nauki i obrazovaniya. – 2009. – Vihp. 4.
3. Serlj, Dzh. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov // Novoe v zarubezhnoy lingvistike / pod red. B.Yu. Gorodeckogo. – M., 1986. – Vihp. 17.
4. Ramazanova, A.N. Pobuditel'nyiye potentsial angliyskikh poslovic: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ufa, 2005.
5. Pobuzhdenie // Slovarj po ehlike / pod red. I. Kona, 1981 [Eh/r]. – R/d: <http://terme.ru/dictionary/522/word/pobuzhdenie>
6. Pobuzhdenie // Antinazi / Ehnciklopediya sociologii, 2009 [Eh/r]. – R/d: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/2827>
7. Serlj, Dzh. R. Chto takoe rechevoy akt // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. – 1986. – Vihp. 17.
8. Formanovskaya, N.I. Rechevoye obshenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod. – M., 2002.
9. Imperativ // Filosofskiiy ehnciklopedicheskiiy slovarj, 2010 [Eh/r]. – R/d: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Imperativ_\(filosofiya\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Imperativ_(filosofiya)).
10. Lyubimov, A.O. Sredstva vihrazheniya pobuzhdeniya v sovremennom portugalskom yazihke: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1984.
11. Maslova, A.Yu. Kommunikativno-semanticheskaya kategoriya pobuditel'nosti i ee realizatsiya v slavyanskikh yazihkakh (na materiale serbskogo i bolgarskogo yazihkov v sopostavlenii s russkim): avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk. – SPb., 2009.
12. Neustroev, K.S. Sposobi vihrazheniya pobuzhdeniya i vozdeystviya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Rostov-na-Donu, 2008.
13. Petrova, E.B. Katalogizatsiya pobuditel'nykh rechevykh aktov v lingvisticheskoy pragmatike // Vestnik VGU. – 2008. – Vihp. 3. – Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya.
14. Gurova, N.V. Kategoriya pobuditel'nosti i ee funktsii v politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. – 2011. – Vihp. 4.
15. Kudina, I.A. Kategoriya implicitnosti v reklamnom diskurse (na materiale sovremennogo angliyskogo yazihka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Belgorod, 2010.
16. Ostin, Dzh. L. Slovo kak deystvie // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. – M., 1986. – Vihp. 12.
17. Ostin, Dzh. L. Izbrannoe // Istina, Kak sovershat' deystviya pri pomoshi slov, Smisl i sensibillii, Chuzhoe soznanie. – M., 1999.
18. Bondarko, A.V. O nekotorykh aspektakh funktsional'nogo analiza grammaticheskikh yavleniy // Funktsionalnyiye analiz grammaticheskikh kategoriye / otv. red. A.V. Bondarko. – L., 1973.
19. Bondarko, A.V. O grammatike funktsional'no-semanticheskikh poley // Izvestiya AN SSSR. – 1984. – T. 43. – Vihp. 6. – Ser. literatury i yazihka.
20. Bondarko, A.V. Struktura imperativnoy situatsii (na materiale russkogo yazihka) // Funktsional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa / otv. red. L.A. Biryulin, V.S. Khrakovskiy. – M., 1990. – Ch. 2: Semantika i pragmatika povelitel'nykh predlozheniy.
21. Bondarko, A.V. Funktsional'no-semanticheskoe pole i kategorial'naya situatsiya v sisteme grammaticheskogo opisaniya // Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 28). Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 2002.
22. Khrakovskiy, V.S. Semantika i tipologiya imperativa. Russkiiy imperativ / otv. red. V.B. Kasevich. – L., 1986.
23. Biryulin, L.A. Volyuntativnye ramki v strukture pobuzhdeniya // Propozitsionalnye predikativy v logicheskoy i lingvisticheskoy aspekty: tezisy dokladov rabochey sovetaniya. – M., 1987.
24. Biryulin, L.A. Tipologiya imperativnykh konstruktsiy / L.A. Biryulin, V.S. Khrakovskiy, E.Yu. Gruzdeva. – SPb., 1992.
25. Serlj, Dzh. R. Chto takoe rechevoy akt? Kosvennye rechevyie akti. Klassifikatsiya rechevykh aktov // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. – M., 1986. – Vihp. 17.
26. Searle, J.R. Expression and meaning // Studies in the Theory of Speech Acts. – Cambridge University Press, 1979.
27. Pohepcov, G.G. Pragmatika predlozheniya / I.P. Ivanova, V.V. Burlakova, G.G. Pohepcov // Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliyskogo yazihka. – M., 1981.
28. Jakobson, R.O. Izbranniye raboty: sb. nauch. trudov. – M., 1985.
29. Vezhicka, A. Rechevyie akti // Novoe v zarubezhnoy lingvistike / Teoriya rechevykh aktov. – M., 1986. – Vihp. 17.

Статья поступила в редакцию 19.02.14

УДК 801

Khantakova V.M., Pjatchina S.V. **SYNONYMIC RELATIONS IN THE SYSTEM OF TERMOLOGY OF LAW (BASED ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE).** The paper presents one of the ways to arrange terms on the basis of their synonymous relations. Special attention is paid to the importance of the development of problems of synonymy in the terminology of law, and to the choice of information in a relatively homogeneous semantic space.

Key words: synonymy, synonymic relations, terminology, homogeneous semantic space.

В.М. Хантакова, д-р филологических наук, проф. Иркутского гос. лингвистического университета, г. Иркутск, E-mail: achinj@mail.ru; **С.В. Пятчина**, канд. филологических наук, проф. Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, E-mail: achinj@mail.ru

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ ПРАВА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье предложена одна из возможностей упорядочения терминов на основе синонимических отношений между ними. Особое внимание уделено значимости разработки проблемы синонимии в терминосистеме права и информационно адекватному выбору в относительно однородном смысловом пространстве.

Ключевые слова: синонимия, синонимические отношения, терминология, однозначное смысловое пространство.

На современном этапе развития лингвистической науки проблема синонимии, несмотря на достаточно большое количество глубоких, обобщающих исследований на материале различных языков, выявление и характеристику синонимических отношений между языковыми единицами, продолжает оставаться в центре внимания многих исследователей.

Неугасающий научный интерес к изучению синонимии проявляется не только в расширении объекта исследования (синонимия, долгое время оставаясь предметом лексической семантики,

«раздвинула» свои границы и перешла в разряд междисциплинарных, включив в себя лексику, морфологию, синтаксис и текст), но и в использовании достижений современной науки, а именно, в изучении языка в тесной связи с миропониманием человека, использующего язык как действенный инструмент в своей познавательной и коммуникативной деятельности. Такое понимание позволило включить рассмотрение синонимии в качестве неотъемлемой части в приоритетную на сегодняшний день проблему науки, важной для понимания, познания и общения – проблему значения и смысла языковых единиц.

Конструктивность описания синонимии в непосредственной связи с поиском и установлением смысла языковых единиц подоглована рядом семантических исследований в философии и лингвистике. Так, У. Куайн, обращаясь в одной из работ к проблеме толкования значений языкового выражения, отмечает: «то, что обычно называется толкованием значения высказывания, есть просто произнесение синонима, формулируемого более ясным языком, чем оригинал» [1, с. 199]. В его другой работе предлагается определение смысла языковых выражений исходя из множества толкований-перифраз: «Если мы принимаем как данное отношение синонимии, то понятие значения легко вывести следующим образом: значение выражения есть класс всех выражений, синонимичных с данным» [2, с. 43].

В лингвистике идея рассмотрения отношения синонимии языковых единиц в качестве основного орудия описания смысла прослеживается в работах по модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», признанной «одной из самых захватывающих и парадоксальных мыслей» в исследовании языка XX столетия [3, с. 177]. Положенные в основу теоретической модели описания языка «Смысл \Leftrightarrow Текст» посылки о роли синонимических преобразований внутри языка и важности понятия смысла языковых выражений в целом, а не отдельной языковой единицы предопределили во многом множественность объяснения-описания значения языковых единиц. Обращаясь к определению семантики предложения, Е.В. Падучева уделяет внимание анализу синонимии между высказываниями, а также тех формальных преобразований, которые их соединяют [4, с. 549]. Сходная методика описания смысла языковых выражений прослеживается и в исследовании текста, где смысл есть «инвариант всех синонимических преобразований, т.е. то общее, что имеется в равнозначных текстах» [5, с. 35; 6, с. 10].

Как легко увидеть, исходные постулаты рассуждений в аналитической философии и лингвистике соотносятся также с ситуациями из повседневной жизни человека. Когда спрашивают о значении того или иного слова, то одной и его первичных реакций человека является не обращение к дефиниции слова, а поиск синонимичных ему слов. Такая процедура определения значения и смысла языковых выражений применима и при описании терминологических единиц языка, коммуникативно и когнитивно значимых в особом семиотическом пространстве – в пространстве той или иной профессиональной деятельности. Для современной лингвистики стала очевидной необходимость разработки проблемы синонимических отношений в терминологии разных научных дисциплин.

Известно, что существование синонимов в терминологии долгое время в лингвистической науке считалось спорным. Появление синонимов в терминосистемах расценивалось как случайное и нежелательное явление, а отдельные случаи синонимии были объяснены начальным этапом развития той или иной терминосистемы, а также недостаточной полнотой изученностью научного явления. Потребность в однозначном понимании людей, решающих одни и те же научно и социально значимые задачи, определяет стремление к четкому указанию на значение и смысл терминологических средств, с помощью которых организуется профессиональное общение. Это объясняет, почему целый ряд исследователей долгое время придерживались точки зрения об однозначности термина, считавшейся в лингвистической науке незыблемой. Ввиду этого и анализ многих языковых единиц, в смысловом отношении близких к терминам, оставался вне поля зрения исследователей.

Однако многочисленные факты выражения одного и того же значения двумя и более языковыми единицами в терминосистемах различных областей знания и имеющие тенденцию к их увеличению в связи с развитием науки и ее дифференциацией, потребовали аргументированных объяснений выбора того или иного термина из спектра возможных. Примером этому может служить достаточно большое количество примеров синонимических пар или даже синонимических рядов терминов, наличие которых трудно объяснить только начальным этапом развития терминосистемы, ее несовершенностью и неустойчивостью.

Термины, представляющие собой средство репрезентации экспертных знаний и мнений в той или иной научной области знания, обозначают явления и процессы, значимые не только для определенной категории людей (специалистов) в их профессиональной сфере, но и для других участников дискурса. Так, например, всем знакомы трудности взаимопонимания, когда знаток компьютерных технологий обсуждает проблемы, связан-

ные с компьютером, с обычным пользователем, или проблемы, возникающие при обмене научной или производственной информацией между специалистами разных наук, привыкших говорить со своими коллегами и не умеющих «приспособить» свою речь к другой аудитории. Другими словами, используются только те терминологические средства, которые свойственны лишь в данной профессиональной сфере без обращения к его синонимам. Причиной тому – знание и оперирование только одним, а не всеми синонимическими средствами, что может иметь определенные как положительные, так и негативные следствия.

Известно, что формирование информации о мире или его фрагментах и ее фиксация в близких в смысловом отношении языковых выражениях соотносимо с рассказом о своей жизни, которая описывается не так, как она есть на самом деле.

В большинстве случаев жизнь или события жизни описываются так, чтобы сформировать в сознании слушающего или читающего такое представление о них, которое устраивает говорящего и которое отвечает интересам его жизнедеятельности. При выборе синонима, как и в жизни, человек прямо или косвенно ориентируется на будущий результат или его последующие действия. Поэтому для достижения определенного результата положения дел в мире описываются так, чтобы сформировать в сознании слушающего или читающего такое представление о них, которое устраивает говорящего и которое отвечает интересам его жизнедеятельности.

Поэтому не исключено, что могут быть (намеренно или ненамеренно) неточности, некоторые упущения, несоответствия реальному положению дел, отсутствие аналогии во внешнем мире, элементы фантазии и т.д. Ведь человек, описывая какой-либо фрагмент окружающего его мира, «дорисовывает» некоторые детали, подключая свою систему воображения, что ведет волно и невольно к неточностям или даже к намеренным искажениям. Рассмотрим в качестве примера выбор одного из слов из синонимической пары *системный* и *систематический* в терминосистеме права. Так, на одном из судебных заседаний, когда речь шла о систематических нарушениях режима работы подсудимого, было использовано адвокатом слова *системный* вместо его синонима *систематический*. Используемый манипулятивный прием подмены понятий адвоката мог повлиять на ход (что действительно имело место в начале судебного разбирательства), например, на затягивание или результаты судебного процесса [7, с. 146]. Обычно слово *системный* соотносится с понятием системы, т.е. установленной формой организации чего-либо, устройство. Следовательно, *системные нарушения* есть закономерность действий в сложном целом, составные части которого находятся во взаимной связи. Другими словами, системные нарушения обусловлены формой организации предприятия, и, как правило, не зависят от конкретного человека. Несомненно иная картина возникает в случае использования слова *систематический*.

Всё сказанное выше свидетельствует о неправомерности вынесения рассмотрения проблемы синонимии в терминологии права на периферию исследовательских интересов (как это имело место) и необходимости ее дальнейшей разработки. Отправным при разработке проблемы синонимии в терминологии права является популяризация в современном обществе научных знаний, следствием которой являются взаимодействие системы специальных (научных) и общих понятий, научной и наивной картины мира, что создает условия для синонимических отношений между научным термином и общеупотребительным словом. В связи с этим рассмотрим использование двух синонимов немецкого языка *Mörder* и *Totschläger*, обладающих, согласно данным словаря, общим для обоих слов значением «j-d, der einen Mord begangen hat» [8, с. 395]:

«Steig auf, du Mörder», zischte Karsten und stieß Theo Höding zum Wagen. Der verfärbte sich, verlor sein verächtliches Gesicht und blickte verstört um sich. «Ich – ? Was sagst du da?» murmelte er, stellte sich mit dem Rücken gegen die Wagenwand und blickte von einem zum andern. «Er weiß es nicht einmal», sagte einer der Männer. «Was weiß ich nicht – ?» forschte Theo und leckte die plötzlich trocken gewordenen, farblosen Lippen. Er sah aus wie ein in die Enge getriebenes Tier, als sie ihn so umstanden. Da sagte einer dumpf und drohend: «Hulke ist tot – von deiner Kugel erschossen, du Totschläger» [Voelkner, 1971:357].

На первый взгляд может сложиться впечатление, что использование в данном фрагменте текста двух синонимов *Mörder*

и Totschläger объясняется стремлением избежать повтора одного и того же слова при реализации одной из важнейших текстовых категорий – интегративности. Взаимодействием двух синонимов возвращается внимание читающего к началу отрывка, заставляя все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе, создавая единство и целостность текста.

При этом общее для синонимов значение, повторяясь в каждом синониме и сцепляя их, отодвигается затем на задний план. Одновременно с этим актуализируются те значения, которыми различаются синонимы. В смысловом объеме слова Totschläger, в отличие от Mörder, имеется уточнение, т.е. каким образом совершено убийство, что актуализируется одним из его значений: «der Stock mit Bleiknopf als Waffe» [9, с. 1205]. Это и попадает в фокус их синонимического соотношения слов Mörder и Totschläger.

Первый синоним – Mörder – вводится без наличия четкой семантической перспективы ко второму синониму, а второй синоним, Totschläger, соотносён с первым и в смысловом плане дополняет его. Семантическая асимметрия синонимов, а также уточнения в тексте («von deiner Kugel erschossen») показывают, что вторая лексема синонимического соотношения является важной для дальнейшего смыслового развёртывания текста. С введением второго синонима в фокус внимания попадает уже не общее значение, а то значение, которым отличается второй синоним от первого, что создает сильный эффект эмоциональной экспрессии.

Вполне очевидно, что варьирование синонимичных слов не является свободным. Ощущаются определенные закономерности употребления синонимов: выбор или предпочтительное использование одного из синонимов из имеющегося запаса слов зависит от прагматической направленности текста. Именно этим объясняется возрастание в текстовом фрагменте эмоционально-аффективной напряженности, следствием которой является, как правило, градационный эффект. А это, в свою очередь, может вызвать приглушение смысловой дифференциации синонимов в сфере разговорного общения, несмотря на то, что все смысловозначительные оппозиции синонимов и их семантические свойства имеют логическую природу. Становится очевидной необходимость не только дифференцированного изучения групп и классов синонимов, но и описания их использования в сфере профессионального общения, так как профессионально-ориентированному языку присущи свои особенности использования синонимов, а понятие о синонимических отношениях терминов получают свои специфические характеристики по отношению к общеобиходному языку.

Так, в языке права, несмотря на стремление термина вторгнуться в семантическую зону своих синонимов, отличающихся небольшим сдвигом в семантике и обозначающих «то же, да не то же», четко очерчены границы их семантического объема, о чем свидетельствуют определения понятий, обозначаемых синонимами Mörder и Totschläger. В параграфе 211 Уголовного кодекса ФРГ первое понятие определяется как «Mörder wird mit lebenslanger Freiheitsstrafe bestraft» [10].

Здесь акцентируется степень наказания, что является существенным для данной профессиональной сферы и терминосистемы права. Этим отличается терминологическое понятие от общеупотребительной лексемы Mörder, определение которой можно установить, если обратиться к слову Mord, имеющему значение «vorsätzliche Tötung eines Menschen aus niedrigen Beweggründen» [11, с. 454]. В другом словаре немецкого языка у слова Mord отмечается еще один семантический признак. Сравните: Mord – это есть «Bezeichnung für eine vorsätzliche, heimtückische Tötung eines Menschen» [12, с. 585].

Следующее отличие терминов языка права от общеупотребительных слов заключается в более подробном уточнении свойств, присущих данному понятию, поэтому в дефиниции понятия Mörder, данном в параграфе 211 Уголовного кодекса Германии, наряду со значением «Mörder wird mit lebenslanger Freiheitsstrafe bestraft» отражается представление о мотивах и способе преступления: «Mörder ist, wer aus Mordlust, zur Befriedigung des Geschlechtstriebes, aus Habgier oder sonst aus niedrigen Beweggründen, heimtückisch oder grausam oder mit gemeingefährlichen Mitteln oder um eine andere Straftat zu ermöglichen oder zu verdecken, einen Menschen tötet» [10]. В данном случае мы имеем дело со специальными

знаниями, отражающими строгие характеристики понятия, необходимые в дальнейшем при судебных разбирательствах и в профессиональной дискуссии.

Специальные знания, выработанные в языке права, не позволяют в профессиональной деятельности «приглушать» смысловую дифференциацию синонимов, как это может иметь место в сфере общеобиходного языка, поскольку от этого зависит судьба подсудимого. Поэтому, слова Totschläger и Mörder в языке права, обладая одним и тем же значением, имеют определенные различия, связанные со спецификой каждого из них, отраженной в их распределении в Уголовном кодексе ФРГ по разным параграфам. Так, согласно параграфу 212, Totschläger, в отличие от Mörder (это параграф 211), определяется как тот, «wer einen Menschen tötet, ohne Mörder zu sein, wird als Totschläger mit Freiheitsstrafe nicht unter fünf Jahren bestraft». Далее следует примечание относительно меры наказания: «In besonders schweren Fällen ist auf lebenslange Freiheitsstrafe zu erkennen» [10].

Нельзя не отметить, что в словарном толковании слова Totschlag в общеобиходном языке также имеется указание на его специфику: Totschlag – *Rechtswissenschaft* eine unüberlegte, aber vorsätzliche Tötung [12, с. 885]. В другом словаре толкование данного слова содержит информацию и о состоянии человека, совершившего убийство: «Totschlag – T. im Affekt, auf Totschlag steht Freiheitsstrafe» [13, с. 867].

Отличительная черта синонимических отношений единиц в терминологии права обусловлена широким распространением заимствований, в большинстве случаев слов греко-латинского происхождения, поскольку на ранних этапах становления и развития языка права немецкий язык не мог обеспечить наименование научным понятиям с необходимой точностью. Но, тем не менее, усвоение немецким языком научных и интернационализированных средств их выражения сопровождалось развитием собственных средств их выражения.

Длительный процесс заимствования слов греко-латинского происхождения в терминологическую систему языка права сопровождался также образованием синонимических рядов в немецком языке, состоящих из заимствованных и исконных терминов, например, синонимический ряд со значением «kleinere strafbare Handlung» включает как заимствование латинского происхождения, так и исконно немецкие термины: Vergehen, Delikt, Straftat, Verstoß, Verfehlung, Unrecht, Verbrechen [7, с. 569]. Деликтом называется всякое противоправное действие (все равно, преступление ли это, проступок или простое имущественное повреждение), вторгающееся в личную или имущественную сферу личности и причиняющее ей тот или иной ущерб, независимо от существующих между лицами гражданско-правовых отношений.

Одной из причин, обуславливавших трансляцию заимствованных слов, является денотативная точность, краткость, меткость в представлении референта по сравнению с немецкими словами, например, еще одна синонимичная выше рассмотренным словам Mörder и Totschläger лексема Killer [14, с. 418]. Отличаясь от своих немецких синонимов узнаваемостью и известной распространенностью в других языках, заимствования способствуют общению специалистов в рамках международного сотрудничества, повышая тем самым когнитивно-информационный потенциал научно-профессиональных обменов. Заимствованная лексема не представляет трудностей для восприятия и понимания в дискурсе и интердискурсе и является единицей достаточно узкой системы специального подязыка, где стремление к максимальной четкости и адекватности выражения мысли решается не расширением контекстного окружения, а в обращении к его синонимам.

Следующая отличительная черта синонимических отношений в терминологии права обусловлена широким распространением родо-видовых различий между терминологическими единицами, нейтрализация которых реализуется включением частного в общее или общего в частное. Отметим, что нейтрализация родо-видовых различий между синонимами в языке права не является свободным, она в большей степени сознательно регламентируется и зависит во многом от прагматических установок пользователя языка, исследование которых приобретает в профессиональной деятельности специалиста в области права особую актуальность. В связи с этим необходим анализ ус-

ловий нейтрализации родо-видовых различий и выявление закономерностей синонимического варьирования в терминологии права.

Своеобразие синонимических отношений в терминологии права наряду с отражением языковыми единицами специальных знаний в области юриспруденции составляет также специфика их формальной стороны. Она заключается в том, что именно в области терминологии в синонимические отношения наряду с простыми и сложными по структуре терминами и терминологическими словосочетаниями вступают аббревиатуры, сокращения, сочетания слов и буквенные символы, изучение которых находится пока в начальной стадии.

Вполне очевидно, что синонимический ряд, в котором представлено множество однородных в смысловом отношении язы-

ковых единиц и содержатся исходные основания для выбора одной из них. Это «предоставляет», с одной стороны, максимальную свободу выбора пользователю языка, с другой – ограничения с определенными условиями, т.е. не дает полной свободы выбора. Синонимический ряд как «спектр возможностей» есть нечто целое, и оно устроено не хаотично, а организовано так, что каждая отдельная возможность обретает свою определенность через соотношение со всеми другими, через занимаемое ею «место» внутри этого целого. И если имеем дело со смысловой адекватностью, то ясно, какую важную роль играет при этом знание специалистов особенностей синонимических отношений в терминосистеме права и насколько сложна и актуальна проблематика употребления терминов-синонимов.

Библиографический список

1. Quine, W. Bemerkungen über Existenz und Notwendigkeit [Text] / W.Quine // Zur Philosophie der idealen Sprache. – München: Deutscher Taschenbuchverlag. Wissenschaftliche Reihe, 1972.
2. Quine, W. From a logical point of view: Nine logical-philosophical essays[Text] / W. Quine. – Cambridge, Mass., 1953.
3. Апресян, Ю.Д. Перифразирование на компьютере / Ю.Д. Апресян, Л.Л. Цинманн // Семиотика и информатика. – М., 1998. – Вып. 36.
4. Падучева, Е.В. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке // Изв. АН СССР. – 1975. – Т. 34. – № 6. – Сер. лит. и яз.
5. Жолковский, А.К. К построению действующей модели языка «Смысл <=> Текст» / А.К. Жолковский, И.А. Мельчук // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – 1969. – Вып. 11.
6. Мельчук, И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл <=> Текст». – М., 1999.
7. Доценко, Е.Л. Вербальные средства в современном судебном дискурсе // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. – М., 2008.
8. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache [Text] / H. Gurner und G. Kempcke. – Leipzig: VEB: Bibliographisches Institut, 1980.
9. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Duden. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1996.
10. Strafgesetzbuch [Э/п]. – Р/д: www.gesetze-im-internet.de/stgb/
11. Der Sprach-Brockhaus : dt. Bildwörterbuch von A-Z. – 9., neu bearb. U.erw.Aufl. – Wiesbaden: Brockhaus, 1984.
12. Neues deutsches Wörterbuch. – A-Y. – Köln: Lingen Verlag, 2003.
13. Duden, Das Stilwörterbuch. – 9., völlig bearbeitete Auflage. Band 2. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2010
14. Wahrig, G. Synonymwörterbuch. Das zuverlässige Nachschlagewerk für den treffenden Ausdruck und für variationsreiche Texte. – Gutersloh/München: Wissen Media Verlag, 2006.

Bibliography

1. Quine, W. Bemerkungen über Existenz und Notwendigkeit [Text] / W.Quine // Zur Philosophie der idealen Sprache. – München: Deutscher Taschenbuchverlag. Wissenschaftliche Reihe, 1972.
2. Quine, W. From a logical point of view: Nine logical-philosophical essays[Text] / W. Quine. – Cambridge, Mass., 1953.
3. Апресян, Ю.Д. Перифразирование на компьютере / Ю.Д. Апресян, Л.Л. Цинманн // Семиотика и информатика. – М., 1998. – Вып. 36.
4. Paducheva, E.V. Nekotore problemih modelirovaniya sootvetstviya mezhdu tekstom i smyslom v yazyke // Izv. AN SSSR. – 1975. – Т. 34. – № 6. – Ser. lit. i yaz.
5. Zholkovskiy, A.K. K postroeniyu deystvuyuyey modeli yazhka «Smysl <=> Tekst» / A.K. Zholkovskiy, I.A. Melchuk // Mashinniy perevod i prikladnaya lingvistika. – 1969. – Vihp. 11.
6. Melchuk, I.A. Opiht teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl <=> Tekst». – М., 1999.
7. Docenko, E.L. Verbalnihe sredstva v sovremennom sudebnom diskurse // Logicheskij analiz yazhka. Mezhdz lozhju i fantaziej. – М., 2008.
8. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache [Text] / H. Gurner und G. Kempcke. – Leipzig: VEB: Bibliographisches Institut, 1980.
9. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Duden. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1996.
10. Strafgesetzbuch [Eh/r]. – R/d: www.gesetze-im-internet.de/stgb/
11. Der Sprach-Brockhaus : dt. Bildwörterbuch von A-Z. – 9., neu bearb. U.erw.Aufl. – Wiesbaden: Brockhaus, 1984.
12. Neues deutsches Wörterbuch. – A-Y. – Köln: Lingen Verlag, 2003.
13. Duden, Das Stilwörterbuch. – 9., völlig bearbeitete Auflage. Band 2. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2010
14. Wahrig, G. Synonymwörterbuch. Das zuverlässige Nachschlagewerk für den treffenden Ausdruck und für variationsreiche Texte. – Gutersloh/München: Wissen Media Verlag, 2006.

Статья поступила в редакцию 16.02.14

УДК 81.373

Zagryadskaya N.A. **SOME DISTINCTIVE FEATURES OF THE STRUCTURE AND SEMANTICS OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL NICKNAMES.** The article deals with the phraseological nicknames of outstanding people in Great Britain and USA. These units are considered as a part of the English language phraseological system. Their structural and semantic features are touched upon. Particular attention is paid to the modern tendencies in their formation.

Key words: phraseological unit, set expression, idiom, nickname (byname), semantic and structural distinctive features, proper names, political discourse, evaluation.

Н.А. Загрядская, канд. филол. наук, доц., зав. каф. филологии и гуманитарной подготовки БФ МГГУ им. М.А. Шолохова, г. Балабаново, E-mail: nalie@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЗВИЩ

Статья посвящена сверхсловным прозвищам известных личностей Великобритании и США. Данные единицы рассматриваются как часть фразеологической системы. Особое внимание уделяется их семантическим и структурным особенностям, а также современным тенденциям в образовании единиц данного класса.

Ключевые слова: фразеологизм, устойчивое выражение, прозвище, имя собственное, идиома, оценочный компонент значения, политический дискурс.

За последние десятилетия отечественное и зарубежное языкознание достигло больших успехов в изучении фразеологических систем различных языков. Предметом исследования становятся основные свойства фразеологических единиц как единиц языка, особенности их функционирования в художественной литературе, публицистике и поэзии. Большое внимание уделяется разработке структурных и семантических классификаций фразеологизмов, основанных на самых различных принципах.

Данная статья посвящена рассмотрению особого класса фразеологизмов – фразеологических прозвищ. Фразеологические прозвища неоднократно подвергались исследованию в самых разных своих аспектах. В работах разных лет учеными предпринимались попытки описать их структурные особенности, проанализировать их лингвострановедческую ценность. К данной проблематике обращаются М.П. Тарасевич [1], С.И. Гарагула [2], Ю.В. Кавалюк [3], Л.А. Труфанова [4]. В центре внимания лингвистов оказывались особенности их семантики, номинативные признаки, способы переосмысления значений и, конечно, сам статус единиц данного класса. Последняя проблема, в действительности, является ключевой, так как принадлежность сверхсловных прозвищ к фразеологическому фонду языка потребовала тщательной разработки и сбора данных. При этом объектом изучения в разное время становились весьма различные виды имен собственных, от топонимов всех родов до антропонимов, функционирующих в современных Британии и США. Определенная уникальность прозвищ-фразеологизмов состоит в их двойственной природе. Являясь именами собственными и выполняя номинативную функцию, они обладают свойствами устойчивых словосочетаний и воспроизводятся в готовом виде. Их характерной чертой является то, что они уже прошли стадию потенциальной фразеологичности. Следуя определению А.В. Кунина, можно сказать, что данные единицы обладают таким свойством, как фразеологическая устойчивость не ниже минимальной. А.В. Кунин определил такие общие показатели устойчивости, как а) устойчивость употребления; б) семантическая сложность; в) раздельнооформленность; г) невозможность образования по порождающей структурно-семантической модели переменного сочетания слов [5]. Доказательством этого служит не только их применение в текстах различного характера, но и фиксация их во многих словарях и справочниках, что свидетельствует об их статусе как единиц языка. Вместе с тем, в их «задачу» входит также емкая, точная характеристика референта, включающая разнообразные коннотативные вкрапления, главным из которых представляется оценочность. В отличие имен, прозвища обычно даются по той или иной причине. Любое имя творчество предполагает причину, повод и мотив номинации. Мотивировка имени – это комплекс причинно-следственных связей, по-разному представленный у имен разных типов и в разной степени доступный для наблюдения и изучения. По словам Дж. Франклина, прозвища «не даются намеренно, как имена, но вдруг расцветают с целью пошутить, насмеяться или в порыве гнева, и обстоятельства этого, если они и известны, скоро забываются» [6, с. 319]. Как прозвища они именуют и выделяют, как фразеологические единицы – значат больше, чем слова их составляющие.

Среди различных классов фразеологических прозвищ самым обширным и неоднородным представляется класс антропонимических устойчивых сочетаний, называющих известных личностей в той или иной стране. Далее объектом нашего внимания будут фразеологические прозвища персоналий англоязычного мира. Являясь одним из аспектов богатого англоязычного ономастикона, единицы этого подкласса, называют выдающихся людей прошлого и настоящего и характерны для военных, деятелей искусства и культуры, политиков и спортсменов. В литературе они получили название «личностные фразеологизмы» [7]. Представляя безусловный интерес с лингвистической точки зрения, эти единицы, кроме того, несут в себе большой пласт информации страноведческого характера и значительный культурно-исторический потенциал. Присваиваемые как современниками, так и потомками, такие прозвища зачастую сообщают о личности больше, чем справочники и энциклопедии. Ведь последние сообщают о месте, времени и условиях происходящего, но далеко не всегда – о реальном отношении к нему участников

событий. Так называемые «официальные» источники редко отмечают, например, двойную роль политических лидеров или организаторов общественных мероприятий. Они либо восхваляются, либо рассматриваются достаточно беспристрастно. Оппозиционные или негативно настроенные источники стремятся «очернить» объект, что также не добавляет ситуации объективности. В этой связи личностные фразеологизмы являются бесценным носителем информации «из первых рук», напрямую связанной с обстоятельствами происходящего. В каком-то смысле, это информация из толпы, с ее непостоянством, противоречиями и поиском нового героя. Ученому-историку не очень важно, какой длины был нос у герцога Веллингтона или каков характер у Хилари Клинтон. И то, и другое лишено для него фактической значимости. Однако для более живого понимания событий это представляет большой интерес. Существует великое множество подобных прозвищ, при этом они распадаются на разные группы, состав которых также неоднороден. Некоторые единицы являются уникальными для номинируемого лица, другие входят в целый ряд наименований объекта и имеют несколько синонимов, каждый из которых описывает этот объект со своей стороны. Обладая устойчивостью значения, данные единицы демонстрируют разную степень переосмысления. Среди них есть единицы с полностью переосмысленным, частично переосмысленным и осложненным значением компонентов. Основными способами переосмысления являются метафора и метонимия, а дополнительными, выступающими в содружестве с ними – гипербола и ирония. Большую часть исследуемых единиц образуют обороты с двойным, то есть метафоро-метонимическим переосмыслением. Фразеологические прозвища с частично переосмысленным значением весьма разнородны. Это словосочетания, имеющие, как правило, двухкомпонентную структуру, при этом один компонент употребляется в буквальном значении, а другой – переосмысливается. Из двух типов способов переосмысления метонимия обладает наименьшим весом образности, она менее представительна, чем метафора. Метонимия менее информативна, так как вычленяя определенную деталь, становящуюся представителем объекта, она полностью гасит его остальные характеристики. Метонимия более предсказуема, легче дешифруется, чем метафора.

Метонимические переносы основываются на различных видах смежности, которые приобретают свои особенности в личностных фразеологизмах.

Так для исследуемых единиц типичным является наименование лица в связи с его собственными действиями, сказанными им словами или месту его жительства. Метонимически переосмысленный компонент в таком случае часто выступает в функции своеобразного эпитета-определения к имени собственному, входящему в состав фразеологического прозвища. Эти единицы составляют большую часть всех личностных фразеологизмов, образованных на основе метонимии. Метафорически переосмысленные единицы также не составляют абсолютно однородного класса. Среди них выделяются прозвища с переосмысленным второстепенным компонентом, прозвища, в которых переосмыслению подвергся стержневой компонент, и единицы с полностью переосмысленным значением компонентов.

Большая часть личностных фразеологизмов относится к единицам с аналитической номинацией, то есть в основе названия находится только один признак. Определенное, хотя и меньшее число личностных фразеологизмов представляют собой единицы, образованные в результате синтетической номинации. В их основе находятся несколько признаков обозначаемого объекта.

Причина превалирования фразеологических прозвищ с аналитической номинацией лежит в самом характере процесса номинации. В процессе направленного познания окружающего мира познающий субъект знакомится с различными предметами и явлениями действительности, создавая, таким образом, обобщенное представление об именуемом объекте в своем сознании. Оно складывается из совокупности черт, характеризующих данный объект, но внимание именуемого фиксирует, как правило, один из его признаков, необходимый для реализации целей, установок человека на каждый конкретный момент, так как невозможно одновременно познать и зафиксировать

в языке безграничное множество свойств, присущих предметам и явлениям. Именование присваивается многогранному объекту, и выбор признака зависит от задач именующего лица. С одной стороны, для того чтобы стимулировать употребление прозвища другими членами общества, сделать его легко запоминающимся, ему необходимо создать яркое, точное и, по мере возможности короткое наименование. С другой стороны, чтобы вызвать интерес к самому необычному имени, а также его носителю, необходимо, совершая наименование, что называется «попасть в точку», то есть выделить именно то качество объекта, которое представляется наиболее актуальным в данной конкретной ситуации.

Выбор признака, в соответствии с которым осуществляется означивание объекта, носит субъективный характер. Многогранность, многопризнаковость объектов окружающей действительности обуславливает возможность рассмотрения одних и тех же объектов с разных позиций и, следовательно, возможность выбора говорящим наиболее важного «на каждый конкретный момент» аспекта рассмотрения конкретного объекта. Признак, который находится в центре внимания номинатора, представляется ему в определенной ситуации наиболее релевантным.

Рассмотрение одного и того же объекта в разнообразных аспектах и отношениях позволяет давать ему различные наименования.

Традиционно принято говорить о произвольности выбора номинативных признаков, и это положение является вполне справедливым и для исследуемых единиц. Потенциально прозвище может иметь в своей основе любой возможный признак или признаки и невозможно предсказать по какому из них будет совершаться номинация того или иного лица. В ее основе может находиться любой из существенных или самых незначительных признаков. Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что, несмотря на всю субъективность вычленения номинативных признаков, существует более или менее узко очерченный круг признаков, лежащих в основе номинации при образовании личностных фразеологизмов.

Как класс единиц, называющих и характеризующих известных людей разных времен, личностные фразеологизмы не являлись изобретением какого-то одного периода из прошлого. Более того, в современном мире этот вид номинации исключительно продуктивен и популярен. Наиболее широко он представлен в англоязычном мире. Газетные тексты разных жанров в Британии и США содержат примеры подобных единиц, называющих политиков, членов правительства, деятелей искусства и спортсменов. Фразеологические прозвища присваиваются как личностям, вызывающим уважение и гордость (н: победители спортивных соревнований- *the King of the Road* – велосипедист *Брэдли Уиггинс* (Bradley Wiggins)), так и личностям, становящимся своего рода притчей во языцех за провальную политику или неподобающее поведение (н: *Mad Nad* – британский политик *Надин Доррис* (Nadine Dorris), любительница поучаствовать в телевизионных шоу). Однако, обратившись к истории двух главных англоязычных стран (Великобритании и Соединенных Штатов Америки), мы увидим, что в веках подобное именование знаменитостей было явлением, если и не столь же частым, как сегодня, то и весьма не редким. XX век прославился наречением всевозможными прозвищами большого числа спортсменов, особенно американских. Число фразеологических прозвищ только бейсболистов исчисляется сотнями (н: *Wild Horse* – бейсболист *Леонард Мартин* (Leonard Martin)). Представители других сфер деятельности также вошли в историю под разными дополнительными «именами». XVIII и XIX «специализировались» на членах парламента, военно-начальниках и деятелях литературы и искусства (н: *The Grand Old Man* – политик *Уильям Гладстон* (William Gladstone); *Dynamo of Power* – президент США *Теодор Рузвельт* (Theodore Roosevelt)). Тогда присвоение таких прозвищ, очевидно, считалось не просто допустимым, а даже желаемым. Так, сохранившаяся переписка Ч. Диккенса содержит прозвища, даваемые им друзьям и знакомым, и наоборот. А каждый из детей Диккенса получил от него прозвище, состоящее из двух или более слов и являющееся устойчивым (н: *Lucifer Box* – младшая дочь *Кэтрин*; *Mr. Popular Sentiment* – сам Ч. Диккенс (было дано Э. Троллопом)). XVII и Возрождение сохранили для нас память о религиозных деятелях и разбойниках (н: *Weeping Prophet* – американский священник *Джозеф Сьюэлл* (Joseph Sewell)); *Black Barty* – английский пират *Бартоломью*

Робертс (Bartholomew Roberts)). Наконец, Средневековые запечатлели образы королей, королев, мятежных баронов и преданных царедворцев (н: *Burst Belly* – граф *Линкольн*, придворный *Эдуарда II* (The Earl of Lincoln)); *John Amend All* – Джон Кейд, лидер восстания жителей графства *Кент* в конце XIVв (John Cade)).

При изучении личностных фразеологизмов с точки зрения их национально-культурной составляющей, возникает вопрос о наличии определенных семантических и, возможно, структурных особенностей, переходящих из века в век и ставших своего рода моделями для возникновения новых единиц.

Известно, что номинативные признаки, лежащие в основе возникновения фразеологических прозвищ людей, весьма разнообразны и охватывают довольно широкий спектр проявлений человеческого бытия. Как указывает Н.Д. Арутюнова, «человек получает в языке множество разнообразных наименований. Он может быть назван по своим общественным функциям, взглядам, моральному облику, нравственным склонностям и вкусам, по своим поступкам и поведению, семейному статусу, родственным связям, внешнему виду, участию в тех или иных событиях и происшествиях, отношению к нему говорящего и многому другому» [8, с. 347]. В этой связи представляется интересным выяснить, изменялись ли в ходе истории признаки, лежащие в основе номинации разных персоналий.

Еще одним важным моментом является структура личностных фразеологизмов и ее модификации сквозь века. Традиционно невозможность образования фразеологических единиц по порождающей структурно-семантической модели переменного сочетания слов рассматривалась фразеологами как одна из их основных характеристик. Сейчас моделированность в сфере фразеологии не отрицается, хотя существование единичных образований также не исключается. Структурная сторона фразеологической модели реализуется в грамматических конструкциях, лежащих в основе совокупности устойчивых словосочетаний, а семантический аспект выявляется на основании специфики внутренней формы фразеологизма.

Далее мы будем говорить о наличии моделей у личностных фразеологизмов именно с позиций описания уже существующих единиц. В целом положение о невозможности наличия у фразеологических единиц продуктивных моделей справедливо и для исследуемого материала. Большинство фразеологических прозвищ представляют собой уникальные наименования, присвоенные только одному объекту в связи столько ему свойственными качествами. Образование новых единиц по этой модели невозможно уже потому, что в каждом конкретном случае в основе номинации находится единственный в своем роде признак, каждая единица имеет свою собственную уникальную историю. Вместе с тем, в ходе исследования рядов личностных фразеологизмов, возникших с XIII века по настоящее время, становится очевидным наличие определенных тенденций в построении единиц данного класса. Несмотря на многообразие примеров, существуют определенные привычные модели, позволяющие возникать фразеологическим прозвищам, называющим новых и новых референтов. Представляется необходимым, обратить особое внимание на целую группу личностных фразеологизмов, появившихся в разное время и содержащих в себе одни и те же повторяющиеся компоненты: *Father* (Grandfather), *Mother* (Grandmother, Mum), *Old, Great, Big, Good, King, Queen* и др. В этом случае возникает возможность говорить об определенной степени семантической моделированности, так как наблюдается регулярность соответствия между передаваемой ими семантической информацией и грамматической структурой. Однако сами эти модели не являются регулярными, так как в каждом отдельном случае значение того или иного прозвища имеет дополнительные оттенки. Среди единиц с данными компонентами прослеживается тенденция совершать номинацию по определенным признакам, главным из которых являются «вклад личности в определенное дело» или «моральные качества». В большинстве случаев это частично переосмысленные единицы с положительной коннотацией: *Mother of the Maids* – прозвище *Миссис Стонор* (Mrs Stonor) (XVI век) – фрейлины Анны Болейн; *Grandmother of Boston* – прозвище *Элизабет Палмер* (Elizabeth Palmer) (XVIII век), учительницы и общественного деятеля; *Queen Mum of Literature* – прозвище ирландской писательницы *Медэ Бинчи* (Maevie Binchy) (XXвек); *Grandma of the United States* – прозвище *Линн Чейни*, жены бывшего вице-президента США (Lynne Cheney) (XXI век). В единицах этого типа присут-

стует структура *n+of+n*, а первый компонент называет неких женщин по их роли в определенной сфере. Гриценко Е.С. отмечает значительное число таких прозвищ, возникших во время предвыборной кампании в США [9]. При этом выполняемая объектом номинации функция сродни роли матери или бабушки, то есть героиня является либо основательницей, либо покровительницей определенного института или рода занятий. Иногда отмечается проявляемая ей забота. Примечательно, что данная модель не только была продуктивной в начале Новоанглийского периода, но и остается таковой по сей день. Последние два прозвища появились весьма недавно и характеризуют наших современниц.

Другой частотной структурой является *adj+n(personal name)*. *Bloody Bonner* – прозвище Архиепископа Лестерского Эдмунда Боннера, активного борца с еретиками в эпоху Марии I (Edmund Bonner) (XVI век); *Illustrious George* – прозвище английского художника, иллюстратора произведений Диккенса Джорджа Круикшенка (George Cruikshank) (XIX век); *Dismal Jemmy* – прозвище одного из героев Ч. Диккенса (XIX век); *Mad Nad* – прозвище британского политика Надин Доррис (Nadine Dorris) (XXI век); *Gorgeous George* – прозвище британского парламентария Джорджа Галлоуэя (George Galloway) (XXI век). Имя собственное в вышеперечисленных единицах также приобретает дополнительную коннотацию, так как в не просто называет своего носителя, а является неотъемлемым компонентом сверхсловного образования с частично переосмысленным значением.

Как видно из приведенных примеров, достаточно простые структуры повторяются из века в век, в некотором смысле делая предсказуемым появление новых личностных фразеологизмов. Безусловно, полностью переосмысленные единицы отличаются большей оригинальностью и уникальностью. Они более редки и обычно присваиваются по совокупности признаков. Большинство из них принадлежит прошлому: *The Vicar of Hell* – прозвище сэра Фрэнсиса Брайна, сторонника партии Катерины

Арагонской в ее противостоянии Генриху VIII (Sir Francis Bryan)(XVI век); *Plumed Knight* – прозвище американского политика Джеймса Блэйна (James Blaine) (XIX век); *White Beaver* – прозвище американского врача Дэвида Пауэлла, лечившего индейцев (David Powell) (нач. XX века). В наше время более популярна аналитическая номинация и неполное переосмысление. Это не означает полное отсутствие новых единиц – идиоматизмов. Они образны, яркие и менее привычны. Их создание требует большей фантазии автора, а закрепление за объектом номинации требует пояснений и, в случае отрицательной оценки, наносит больше обиды. Вместе с тем, и в наши дни появляются единицы вроде *The Fun Bus* – прозвище известного игрока в регби Джейсона Леонарда (Jason Leonard). Правда, иногда к самому прозвищу добавляется фамилия спортсмена «*The Fun Bus*» *Leonard* (например, в публикациях City A.M.). Очевидно, авторы статьи опасаются определенного «неузнавания» упоминаемого референта. С другой стороны, тенденцией последних лет стало появление прозвищ, с редко встречающейся структурой, а именно содержащих в себе глагол в повелительном наклонении. Так в период подготовки и проведению Олимпиады 2012 в Лондоне некоторые британские политики и государственные деятели удостоились довольно сомнительных, даже грубых наименований, вызванных недобросовестным исполнением ими своих обязанностей. Например, мэр Лондона Борис Джонсон (Boris Johnson) получил прозвище *Put a Sock in it Boris Johnson*. Причиной, очевидно, стала попытка чиновника скрыть информацию о невыполнении контракта одной из охранных фирм, в результате чего были потрачены впустую большие суммы денег, а охрану объектов пришлось осуществлять армии.

Данная работа не претендует на всесторонний охват проблемы, в ней лишь намечаются возможности дальнейшего исследования такого разнородного и с ложного класса единиц, как личностные фразеологизмы.

Библиографический список

1. Тарасевич, М.П. Американская фразеологическая топонимика: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985.
2. Гарагуля, С.И. Английское личное имя как объект изучения языка, истории, культуры. – Белгород, 2002.
3. Ковалюк, Ю.В. Коннотация фразеологизмов с именем собственным: вариантологический подход // Материалы международного научного симпозиума (Четвертые Жуковские чтения). – Великий Новгород, 2009.
4. Труфанова, Л.А. Национально-культурная специфика фразеологизмов (на материале фразеологических единиц неантропоцентрической направленности в английском и русском языках // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 99.
5. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М., 1996.
6. Franclyn, J. A Dictionary of Nicknames. – London: Hamilton, 1962.
7. Загрядская, Н.А. Личностные фразеологизмы английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.
8. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
9. Гриценко, Е.С. Женщины и женственность в американском предвыборном дискурсе // Вестник МГУ. – 2009. – № 3. – Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация.

Bibliography

1. Tarasevich, M.P. Amerikanskaya frazeologicheskaya toponimika: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1985.
2. Garagulya, S.I. Angliyskoe lichnoe imya kak ob'ekt izucheniya yazyka, istorii, kul'turi. – Belgorod, 2002.
3. Kovalyuk, Yu.V. Konnotatsiya frazeologizmov s imenem sobstvennim: variantologicheskij podkhod // Materiali mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma (Chetvertie Zhukovskie chteniya). – Velikiy Novgorod, 2009.
4. Trufanova, L.A. Nacionalno-kul'turnaya specifiika frazeologizmov (na materiale frazeologicheskikh edinic neantropocentricheskoy napravlenosti v angliyskom i russkom yazhikhakh // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2009. – № 99.
5. Kunin, A.V. Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazhika: ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. – M., 1996.
6. Franclyn, J. A Dictionary of Nicknames. – London: Hamilton, 1962.
7. Zagryadskaya, N.A. Lichnostnye frazeologizmy angliyskogo yazhika: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2003.
8. Arutyunova, N.D. Predlozhenie i ego smysl. – M., 1976.
9. Grichenko, E.S. Zhenstvennost' i zhenstvennost' v amerikanskom predvibornom diskurse // Vestnik MGU. – 2009. – № 3. – Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya.

Статья поступила в редакцию 26.02.14

УД.К. 81'367:398

Isakova A.A. FEATURES OF ADVERTISING PRAGMONOMIC DISCURS. Any person has to be guided in a powerful stream of information, defining their attitude to any realities. This fact is very interesting for the Tyumen region with the developed infrastructure of the oil and gas industry. Tyumen regional advertising is one of the forms of mass communication. The relevance of this study is determined by the daily life, man is obliged to a greater degree of self-oriented among urban stream media in order to adapt to the conditions of everyday reality. Thus, the aim of the research is a scientific assessment of influence of the advertising text on the ordinary consciousness of the different layers and cohorts of the population of the region.

Key words: nuclear peripheral structure, trade marks, pragmonims, multicultural framework, advertising language of Tyumen region, creation of national color and expressiveness.

А.А. Исакова, канд. филол. наук, доц. каф. иностранных языков Тюменского гос. нефтегазового университета, г. Тюмень, E-mail: IsakovaAA@yandex.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ РЕКЛАМНО-ПРАГМАНИМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Актуальность данного исследования определяется самой повседневной жизнью, поскольку, чтобы адаптироваться в условиях повседневной действительности человек вынужден в большей степени самостоятельно ориентироваться среди городского потока средств массовой информации. Вместе с развитием рекламного бизнеса в Тюмени сформировалась особая сфера коммуникации со своеобразным русским языком на основе языка рекламы Тюменской области, которая требует определенного контроля и тщательного изучения.

Ключевые слова: ядерно-периферийная структура, товарные марки или словесные товарные знаки, прагматизм, поликультурная основа, язык рекламы Тюменской области, лингвокультурологический подход.

Испокон веков человек осваивал окружающий мир и закреплял образы предметов, обозначая их. Современный человек не только называет окружающие его предметы, но и сам попадает под воздействие этих наименований. Анализ новых тенденций языкового развития, появление современных областей знания о языке и изменение картины мира выявляют незаполненные лакуны, поэтому система прагматимических единиц, функционирующих в коммуникативном пространстве современной России и образующих соответственно русское прагматимическое пространство, и стала во главу угла нашего исследования.

Любой человек вынужден самостоятельно ориентироваться в мощном информационном потоке, определяя свое отношение к тем или иным реалиям. В этом плане очень интересен Тюменский регион, где развита инфраструктура нефтегазовой промышленности, население постоянно увеличивается (за счет интеграции производства и трудовых ресурсов), и, следовательно, прибывая в регион, спускаясь с трапа самолета, человек сразу вступает в коммуникацию, попадая под влияние региональной рекламы. Вопросам изучения коммуникативного пространства региона уделяется пристальное внимание с конца XX века, в это время происходит наиболее активное освоение нефтегазовых месторождений и в свою очередь фундаментальное развитие и становление северного региона. Но особенно актуальной данная проблема становится в настоящее время, поскольку Тюменский регион выбран в качестве «пилотной» площадки основных трудовых ресурсов страны. Одновременно с этим происходит процесс стихийного, нерегулируемого притока иностранных слов в русский язык, поскольку он тесно связан с активизацией деловых, научных, торговых и культурных связей между народами ближнего и дальнего зарубежья, особенно сейчас тюменский север изобилует совместными русско-иностранскими предприятиями (например, Шлюмберже, Бритиш петролиум и др.), очень часто на улицах Тюмени можно встретить иностранных граждан, приехавших на работу или в служебную командировку [1]. Все это порождает интенсивность коммуникативных контактов носителей русского языка с носителями других языков, что является важным условием не только для непосредственного заимствования лексики, но и для приобщения к интернациональному пласту лексики, чаще созданному на базе германских (что объяснимо современными процессами глобализации) и тюркских языков (в результате тесных контактов с местным тюркским населением).

В настоящее время именно реклама является одним из ярких показателей заимствования и адаптации иностранной лексики в русском языке. Региональная реклама Тюмени является одной из форм массовой коммуникации.

Актуальность данного исследования определяется самой повседневной жизнью, поскольку, чтобы адаптироваться в условиях современной действительности человек вынужден в большей степени самостоятельно ориентироваться среди городского потока средств массовой информации.

Вместе с развитием рекламного бизнеса в Тюмени сформировалась особая сфера коммуникации со своеобразным русским языком на основе языка рекламы Тюменской области, которая требует определенного контроля и дальнейшего изучения.

В связи с этими наше исследование имеет вполне конкретную практическую направленность: прежде чем начать формировать целенаправленную, грамотную рекламу, необходимо иметь максимально возможную точную информацию о реальной языковой и социокультурной ситуации в рекламе российской провинции, которая в настоящее время находится в стадии

становления. Наряду с этим, целью исследования является и научная оценка суггестивного влияния рекламного текста на обыденное сознание различных слоев и когорт населения региона. Благодаря своей биологической природе человек подвержен внушению, подражательности и заразительности, однако, на наш взгляд, сущность внушения не сводится только к физиологическим или психологическим явлениям. Значим также социальный аспект, поскольку внушение реализуется во взаимодействии людей в процессе общественной жизни. Восприятие и усвоение информации зависит от готовности людей принять её воздействие. Данная проблема достаточно интересна и по-разному решается в различных регионах и странах.

Безусловно, рассматривая рекламный текст, невозможно обойти стороной прагматимический дискурс, поскольку именно хорошо придуманное название того или иного товара, является залогом успешной его продвижения. Следовательно, исследование имен собственных товаров (ономастическое исследование) становится архиважным для ученых-лингвистов.

Ономастическое пространство России имеет ядерно-периферийную структуру, причем в последнее время периферия ономастического пространства переживает наиболее бурное свое развитие в связи с формированием в России общества потребления. Рынок товаров и услуг стал стремительно развиваться, а вследствие этого и стал расширяться сам корпус ономастических единиц.

Наряду с указанными группами имен собственных выделяется обширная группа имен собственных товаров, мультиязыковых по происхождению, которые называют товарными марками или словесными товарными знаками. Выделяя такие имена собственные в отдельную группу ономастики, З.П. Комолова предлагает их обозначать термином **прагматизм** (от греч. *pragmata* «вещь, товар» + *onoma* «имя») [2]. А.В. Суперанская считает, что данные названия стоят на грани между именами собственными и апеллятивами [3]. В основу номинации многих товарных знаков положен мотивирующий фактор, как название фирмы (например: Bentley – легковой автомобиль и компании «Bentley Motors», Kawasaki – мотоцикл и авиалайнер Kawasaki той же фирмы, KATO – мобильный кран и компания «Kato Works» и т.п.). Поэтому довольно часто структура товарного знака повторяет структуру эргонима и, наоборот, товарный знак может служить производящей основой для эргонима. В качестве признаков, характерных и для того и для другого пласта лексики, следует назвать также широкое вовлечение антропонимов в состав названий, использование греко-латинских словообразовательных средств, создание искусственных образований, представляющих собой своеобразный «язык» торговли и рекламы.

Функционируя в сфере производства и торговли, прагматизмы появляются в силу экономической необходимости, тем самым, подвергаясь действию экстралингвистических факторов. Споры об отнесении прагматизма к сфере онома и апеллятива можно считать законченными, поскольку, несмотря на принадлежность к периферии ономастического пространства, этот ряд ономастической лексики функционирует по законам имени собственного. В то же время, на наш взгляд, налицо омонимия между ономом и апеллятивом.

А.В. Суперанская справедливо говорит об индивидуальной закреплённости за именуемым объектом определенного имени. Вместе с тем исследовательница утверждает, что способностью быть собственным именем обладают различные лексические единицы: отдельные слова, группы слов, фразы и целые предложения. В этой связи, перефразируя А.В. Суперанскую,

можно было бы говорить о том, что именем собственным является не только прагматиком, но и слоган. Однако, по нашему мнению, в таких случаях, можно утверждать, что мы имеем дело с прагматическим рекламным дискурсом [4]. Иными словами, можно констатировать некое прагматическое единство, в которое входит прагматиком с окружающим его контекстом (например: «Тойота» – управляй мечтой!, «Лада Калина» – наш город, кажется, влюбился, «Рено» – искусство создавать автомобили), поскольку рекламное окружение (контекст), тесно сцеплено в памяти говорящих/слушающих.

Главную роль в определении границ ономастического пространства играют денотаты собственных имен. Однако в случае с прагматиком необходимо хорошее знание других языков, кроме русского, чтобы понять значение имени, а также историю создания той или иной марки автомобиля. Сосуществование функционально мощных языков в едином коммуникативном пространстве привело к взаимодействию ономастических единиц разных зон русского и другого ономастического пространства, что приводит к появлению адаптированных ономов, заимствованию имен собственных из одной национальной системы (английской, немецкой, японской, французской и т.д.) в другую. Процесс адаптации ономов наглядно иллюстрируют различные рекламные объявления частных граждан, где встречается разное написание одного и того же названия. Кроме того, процесс развертывания ономастического мифа заключен в ассоциативной цепочке прагматиком, а само ассоциативное прагматическое поле «представляет собой аналог набора ключевых слов потенциальных текстов, описывающий обозначенный стимулом объект». Характеризуя заимствованные и иностранные личные имена в сопоставлении с русскими именами собственными, исследователи ранее затрагивали специфику семантической структуры имени собственного, хотя при этом основной упор делается, главным образом, на исследовании «звуковой оболочки» личного имени [5]. Эта «оболочка», по мнению ряда исследователей, приобретает «первостепенную важность»; в связи с этим подвергались анализу фиксированные формы выражения эмоциональности тех или иных суффиксальных форм личных имен.

Всем нам известно, насколько возрос интерес современной лингвистики к изучению языковых контактов разных народов («мир в языке»). Поэтому значительная роль в рекламно-прагматическом дискурсе принадлежит экстралингвистическим факторам – историческим, социально-экономическим, культурным, которые, при их рассмотрении, помогают глубже проникнуть в особенности номинативных процессов. Лингвокультурологический подход к описанию рассматриваемой глобальной проблемы рассматривается как системное и паритетное рассмотрение диалога «культура-язык», образующих полевые структуры. Доминантой мышления здесь становится не познание, а взаимопонимание, что неизбежно приводит к исследованию взаимодействия языка, культуры и личности. Аналогичным следствием положения о взаимосвязи языка и культуры является то, что язык «прорастает» в культуру и, будучи предпосылкой ее развития, выражает и составляет важную часть ее символической системы. Поэтому триада «язык-культура-личность (нация)» является центральной триадой лингвокультурологии. Общая тенденция современного языкознания – переход от лингвистики «имманентной», структурной, к лингвистике антропологической, рассматривающей явления языка в тесной связи с культурной

и духовно-практической деятельностью человека говорящего – является на сегодняшний день наиболее актуальной.

Равноценное внимание уделяется и тому, «как человек использует язык в качестве орудия общения», а также тому, «как в языковых единицах отразился сам человек» [6] («человек в языке»). Язык закономерно рассматривается как система, через структуру которой объективно интерпретируются феномены культурных ценностей. Например: реклама автомобиля **Дэу** (Я узбеков люблю, они хорошо заводятся – соотношение с восточным темпераментом), автомобиля **Мерседес** (Настоящее немецкое качество), автомобиля Урал (Сильные машины для сильной России). Таким образом, прагматическое рекламное поле активно эксплуатирует этнические стереотипы восприятия того или иного народа.

Вместе с развитием рекламного бизнеса в Тюмени сформировалась особая сфера коммуникации со своеобразным русским языком. Многие тюменцы употребляют следующие выражения: отскерить (вместо откопировать), выпьем колу (при этом покупая любую газ. воду), моя Тойоточка (ласково называют автомобиль Тойота), купим памперсы (вместо купим подгузники). Язык рекламы выделяется в особый язык благодаря наличию в нем характерных особенностей, реализуемых на грамматическом и семантическом уровнях. Результаты проведенных нами исследований показали, что в рекламном тексте часто используются различные риторические приемы: метафора, персонификация, игра слов (каламбур, словообразовательный перифраз, слова-«матрешки», сознательные ошибки, использование устойчивых выражений (фразеологизмов) и т.д.

Следовательно, можно говорить о своего рода поликультурной основе языка рекламы Тюменской области, которая требует определенного контроля и дальнейшего изучения. Ономастическое пространство современной России – «сложное полиобъемное, полиязычное, ядерно-периферийное образование, дифференцирующееся в соответствии с зонально-полевым принципом и характеризующееся определенными особыми системообразующими элементами внутри каждого поля» [7]. Ономастическое пространство современного полиэтнического региона представляет собой активно развивающееся образование, которое обусловлено мощными преобразованиями, продиктованными сменой геополитических, социальных и экономических приоритетов, проявляющимися в массовых переименованиях и новых номинациях объектов, обеспечивающих жизнедеятельность современного человека; в реставрации и возрождении ранее существовавших имен собственных; создании национального колорита, пассионарности; расширении корпуса именуемых объектов; обновлении ономастического состава (вовлечение в номинацию социально и национально маркированных языковых единиц, включение иноязычных элементов) и др.

Таким образом, нетривиальность проблематики исследования рекламно-прагматического дискурса представляет собой весьма плодотворное научное направление в современной лингвистике; более того, необходимо изучение когнитивных процессов, стоящим за формированием определенного класса языковых единиц, рассматривая тем самым язык как средство доступа к знанию иного рода, поскольку современный этап развития гуманитарного знания характеризуется востребованностью приближенных к производственной активности человека исследований.

Библиографический список

1. Иванов, В.А. Становление углеводородной энергетики России / В.А. Иванов, И.А. Иванов, Н.Н. Карнаухов [и др.]; под ред. В.А. Иванова – СПб., 2007.
2. Суперанская, А.В. Проблемы передачи заимствованной ономастической лексики в русском языке // Ономастика и норма. – М., 1978.
3. Суперанская, А.В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская [и др.]. – М., 1989.
4. Гиляревский, Р.С. Иностранные имена и названия в русском тексте / Р.С. Гиляревский, Б.А. Старостин. – М., 1985.
5. Кочеткова, Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1999.
6. Карабулатова, И.С. Тайна имени автомобиля: краткий словарь механонимов и механонимических ассоциаций / И.С. Карабулатова, А.А. Исакова. – Тюмень, 2006.
7. Исакова, А.А. Основные языковые тенденции в современном ономастическом дискурсе рекламного пространства полиэтнического региона (на примере Тюменской области) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб., 2007. – Вып. 4 (ч. II). – С. 9.

Bibliography

1. Ivanov, V.A. Stanovlenie uglevodorodnoy ehnergetiki Rossii / V.A. Ivanov, I.A. Ivanov, N.N. Karnaukhov [i dr.]; pod red. V.A. Ivanova – SPb., 2007.
2. Superanskaya, A.V. Problemih peredachi zaimstvovannoy onomasticheskoy leksiki v russkom yazhke // Onomastika i norma. – M., 1978.
3. Superanskaya, A.V. Obshaya terminologiya: Voprosih teorii / A.V. Superanskaya [i dr.]. – M., 1989.
4. Gilyarevskiy, R.S. Inostranniih imena i nazvaniya v russkom tekste / R.S. Gilyarevskiy, B.A. Starostin. – M., 1985.
5. Kochetkova, T.V. Yazhkovaya lichnostj nositelya ehilitarnoy rechevoy kuljturih: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Saratov, 1999.

6. Karabulatova, I.S. Tayjna imeni avtomobilya: kratkiy slovarj mekhanonimov i mekhanonimicheskikh asociacij / I.S. Karabulatova, A.A. Isakova. – Tyumenj, 2006.
7. Isakova, A.A. Osnovniye yazykhovye tendencii v sovremennom onomasticheskom diskurse reklamnogo prostranstva poliehtnichnogo regiona (na primere Tyumenskoy oblasti) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – SPb., 2007. – Vyp. 4 (ch. II). – Ser. 9. *Статья поступила в редакцию 14.02.14*

УДК 811.512.141+391470.57

Zaynullin M.V., Khismatullina A.R. TO THE MODERN ANTHROPONYMIC CULTURE OF THE BASHKIR. The following article is devoted to one of the most important problems of Bashkir anthroponymics that is being formed during the period of globalization. The article studies anthroponyms borrowed from the Indo-European languages and other «new» names, formed from hydronyms, toponyms, also some other «made up» names are analysed. The authors make a conclusion about national mentality and self-identity of the Bashkir people being weak in conditions of the modern time.

Key words: anthroponyms, proper names, borrowed words, globalization, anthroponymic culture, literary onomatology, nihilism.

М.В. Зайнуллин, академик АН РБ, д-р. филол. наук, проф., зав. каф. башкирского языкознания и этнокультурного образования Башкирского государственного университета, г. Уфа, E-mail: bdu_bashkaf@rambler.ru; **А.Р. Хисматуллина**, соискатель каф. башкирского языкознания и этнокультурного образования Башкирского гос. университета, г. Уфа, E-mail: bdu_bashkaf@rambler.ru

О СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПТОНИМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Статья посвящена одной из важных проблем формирования башкирского антропонимикона в период глобализации. Подробно анализируются заимствованные антропонимы из индоевропейских языков и «новые» имена образованные от гидронимов, топонимов и другие «искусственные» имена. В статье также рассматриваются функции антропонимов в художественной литературе. Авторы приходят к выводу, что у башкирского народа в современных условиях происходит некоторое ослабление национальной ментальности и самосознания.

Ключевые слова: антропоним, личные имена, заимствования, глобализация, антропонимическая культура, литературная ономастика, нигилизм.

В имени всегда, независимо от воли называющих, отражается культура и социальная жизнь общества.

А.В. Суперанская

Общеизвестно, что антропонимическая культура народа является составной частью его общей духовной культуры. «Имена собственные – важнейшая национальная составляющая и языковой, и культурной картины мира» [1, с. 172]. Система и состав антропонимов башкирского народа тесно связаны с его историей, культурой и менталитетом.

В башкирских личных именах отражены все аспекты жизни народа, его мировоззрение и древние тотемистические взгляды, традиции. Иначе говоря, мотивы имянаречения. Общеизвестно, что каждый этнос имеет свой реестр личных имен, который характеризуется отличительными свойствами в каждый период своего развития. «Каждая культура порождает определенные типы собственных имен, в каждом имени отражаются крупницы данной культуры. Изменения в культурной жизни страны обычно сопровождаются сменой как отдельных имен, так и целых онимических категорий» [2, с. 1]. Еще во второй половине XX века А.Н. Никонов отметил: «Состав именника татар и башкир очень изменился. Даже в женском именнике, который у тюркоязычных народов был особенно консервативен, произошли глубокие перемены» [3, с. 29]. Так, например, в башкирской семье, к сожалению, личных имен, связанных с национальными традициями, т.е. менталитетом башкирского народа, в современном именнике весьма невысок. Сегодня мы весьма редко встречаем древние башкирские красивые женские и мужские имена такие, как Алмабикә, Алтынбикә, Бибисара, Вәлиә, Гәлиәзәм, Зифа, Зәйтүнә, Ҡарлуғас, Мәзинә, һәзиә, Нәфисә, Сәмбәл, Сөйәмбикә, Таһһилу, Хәзисә, Шәүрә; Айсолтан, Аксура, Алтынсура, Байморат, Баязит, Ғәзиз, Даян, Зәйтүн, Ибраһим, Исмәғил, Моразым, Иштуған, Ишбулат, Сынбулат, Буранбай, Нурсолтан, Нурмөхәмәт, Хәсән, Хәсәйен и др.

Эти собственные имена, многие из которых и являются по своему происхождению арабо-персидскими, они воспринимаются как башкирские имена. Особенно много женских имен, которые активно функционируют в европейских языках. Это такие имена как Аделина, Аэлиа, Анжелика, Анфиса, Зарина, Карина, Виолетта, Алина, Алиса, Дарина, Ленария, Лиана, Эльвира // Ильвира, Джульетта, Эльмира, Ильнара, Регина, Розалина, Снежа-

на, Минура, Эллина, Эвелина, Роля, Лифа, Ленира, Элиза, Эльвина, Эльнара, Лолита, Линара, Рина, Айдарина, Ильдарина, Ирена, Ирна, Ирэн, Лаура, Инесса, Элла, Эсмира, Жаннета, Илона, Зильда, Джулия, Инера, Изольда, Диана // Деана, Эмма, Грета, Доминика, Долорес и др. Нашим мужчинам и женщинам в последние десятилетия дали искусственные имена, совпадающие с названиями стран (Индия, Иран, Палестина), городов и гор (Казбек, Париж, Памир, Марсель, Эльбрус, Рязань, Альп, Сибай, Ишимбай, Ирамель, Ирандык, Вильнус // Вильнюс, Самара, Инесса, Альмера, Альмира, Эльмира, Лидия, Лариса), рек и озер (Байкал, Дон, Амур, Дунай, Нил, Эльба, Сырдарья) и другие несуразные имена, которые подтверждают низкую антропонимическую культуру, например: Земфир(а) // Зимфир(а) // Зефир // Зинфар // Зинфер // Зинфир(а) // Зельфир // Зильфир(а) // Зинфира // Зимфера // Зимфира // Зимфира // Зунфира; Альфред // Альфред // Альфрет // Альфрид // Альфрида // Альфрит // Альфарит // Альфарт // Анфит; Альмир // Альмера // Альмира // Эльмир(а); Альберт // Альбирт // Альбирит // Альверт // Альберт // Ильверт // Эльверт; Радмир // Редмир // Ратмир // Ротмир // Рутмер; Винарис // Венарис // Виларис // Винарис // Винария // Винарит // Винарис // Линарис; Вингаль; Динарик // Динарис // Дирарит; Франц // Франс // Франсис // Франис; Флор(а) // Фларит // Фалорит // Филярида // Фларид(а) // Флорид(а) // Флориса // Фелорида // Филорит // Фларик // Филор // Флор(а) // Фларис(а) // Филарис // Флер(а) // Флория // Флур(а) // Фулура // Флюрия // Флюрия; Даниел // Даниель // Даниил // Даниила // Дания // Данила // Даниэль // Донаиль; Рыда // Рида // Рюда; Рабинзон // Робинзон; Рафинад // Рафинат; Рафаэль // Рафаель // Рафаэля // Рафозл; Тимур // Темур; Лирон // Лирун; Лутция // Людция // Лютция // Лютсия // Лютцир(а) // Лютцина; Рамзис // (Рамзес); Рабинзон // Робинзон; Элмир // Илмир // Ильмир; Реналь // Риналь, Артур; Артем, Джон, Эмиль, Эдуард, Фикус, Иридит, Фердинант, Флюн, Флюс, Франгиз(а), Иридит, Данис, Риф, Зиф, Эрик, Вильсон, Линар, Дилкус, Ракит, Мариус, Фрат, Зариус, Нурис и многие другие.

Большая часть заимствованных антропонимов в башкирский антропонимикон приходит через русский именник. «Башкирский народ одним из первых вошел в состав России; с тех пор он в развитии своей культуры испытывает прогрессивное русское влияние» [4, с. 184]. Если после октябрьской революции башкирский антропонимикон активно освобождался от имен личных религиозного содержания, то в последнее десятилетие

начинает вытеснять из системы имен личных исконно башкирские имена.

В башкирской лингвистической науке совершенно не исследованы функции антропонимов в художественной литературе. В связи с тем, что в последнее время в гуманитарных науках антропоцентрические принципы являются ведущими, особенно в художественном творчестве, этому приему уделяется большое внимание. Это естественно, ибо антропонимия является основой литературной ономастики. Иначе говоря, имена персонажей имеют большое значение для понимания художественного текста. Исследование проблем литературной ономастики в последние десятилетия находится в центре внимания антропологической лингвистики. Это естественно, так как имена собственные имеют важное значение в познании истории, культуры и языка этноса. Многие личные имена, использованные в качестве персонажа, в произведениях З.Бишевой являются прототипами, т.е. именами прототипов. Безусловно, персонаж – не фотография прототипа, писательница в силу своего таланта создает выразительный и яркий образ. Произведения З. Бишевой глубоко представляют, что в жизни имянаречение – не случайное явление. Весьма характерно, что в трилогии «К свету!» главной героиней является сама автор. Писательница в нижеследующих примерах, извлеченных из произведений З. Бишевой, мы убеждаемся, как автор глубоко понимал значимость персонажей для интерпретации художественного текста. Примеры:

Таиба (Тайба). С приношением первого слога чувствуется строгость и суровость характера, в то же время второй слог дает понять, что носитель этого имени «человек души», то есть по своей натуре мягка и добра.

«Таиба привыкла надеяться на свои силы. Но полной мейрой она хлебнула все тяготы жизни, когда муж погиб в русско-японскую войну под Порт-Артуром, оставив ее вдовой с тремя малыми детьми, и на ее неокрепшие плечи свалились все заботы о семье. Смолodu старательная, работящая, не любящая сетовать на судьбу, она не чуралась никакого труда. Наравне с мужчинами она выходила на все полевые работы. И хлеб сеяла, и сено косила, и дрова из дальнего леса возила. И в доме у нее всегда была особенная чистота и порядок».

Тимербай (пер. с баш.: «Железо» + бай).

«Тимербай, единственный сын бабки Карасэс, был веселым джигитом, острым на язык, как и его мать. Односельчане, молодежь, любили его за то, что он был искусным курастом, певцом и сзэном. Они были готовы слушать его часами. Парни гурьбой ходили за Тимербаем, подолгу не возвращаясь с лугов, где он пас табун старшины Собхана. То, что Тимербай завладел умами молодых, очень не нравилось людям вроде Шимбая-Куштана».

По мнению многих лингвистов, в частности, антропонимистов А.Г. Шайхулова и З.М. Раемгужиной, основной пласт башкирского антропонимикона составляют исконно башкирские и древнетюркские антропонимы. Как отметила Т.Х. Кусимова: «По имени можем определить принадлежность человека к определенной нации. Имя личное служит визитной карточкой, удостоверением личности, определяет гражданство и национальную принадлежность личности» [5, с. 5]. К сожалению, в настоящее время с такой же уверенностью не можем утверждать о сегодняшних именах молодого поколения.

В последние годы в башкирской антропонимии наблюдаются две абсолютно противоречивые тенденции: возрождение исконно башкирских имен личных и ориентация на запад (заимствованные антропонимы из индоевропейских языков). Не беспочвенны наши волнения по поводу иноязычных личных имен, т.к. по нашим наблюдениям, вторая тенденция начинает доминировать над первой. Основная причина этого явления кроется в процессах глобализации. «Процесс глобализации приводит к аккультурации общества. Аккультурация – процесс и результат взаимовлияния национальных культур и языков, заключающийся в приспособлении индивида или культурного сообщества к инокультурному окружению» [6, с. 20]. Многие ученые, признавая объективность процесса глобализации и оценивая его положительные стороны, выражают свои опасения относительно результатов данного процесса в области языка и культуры. Эти опасения в значительной степени связаны с проблемой духовной жизни общества, прежде всего с проблемой сохранения родных языков, национально-культурной самобытности современных народов. О реальности утраты культурной языковой идентичности в результате процессов глобализации говорят представители интеллигенции не только многочисленных, но и многочисленных народов.

Национальная идентичность – это самопознание, а самопознание опирается на познание своего прошлого во всем его богатстве и многообразии. Обращение к культурному наследию признано обеспечить приверженность символам, нормам и ценностям, сложившимся в данном обществе. Следование этим образцам, проверенным многолетней практикой, обеспечивает привычное условия жизни, самобытности культуры. Следует отметить, что сохранение идентичности должно осуществляться на государственном уровне.

Имя личное является носителем национальной памяти народа, это есть фамилия народа. Как отметила Г.Р. Галиуллина: «Воздействие глобализации на национальный антропонимикон может иметь непредсказуемые последствия, способствующие потере функции этнического идентификатора имени» [7, с. 192]. Изменения начавшиеся в 20-е годы 19 в башкирском антропонимиконе приобретают более масштабный характер. В условиях нестабильности, быстрых перемен людям необходимы стабильные, проверенные ориентиры. В условиях глобализации при проводимой политике унификации и стандартизации национальных традиций, человеку нужно научиться видеть этнокультурную самобытность, которая является функционально необходимым компонентом современного общества.

Таким образом, следует отметить, что в последние десятилетия уровень культуры (населения) башкирского народа значительно снизился, что ведет к национальному нигилизму, к отрицанию своей принадлежности к своему этносу, национального самосознания. «Возникнув однажды, нигилизм имеет тенденцию к распространению своего влияния, расширяя свое действие не только в отдельных жизни общества, но «заражая» собой все новые поколения людей» [8, с. 240]. Наш ориентир на западную культуру, несомненно, повлечет за собой потерю национальной самобытности, самоидентификации. Предстоит большая работа по воспитанию национальной антропонимической культуры, иначе мы потеряем свою антропонимическую систему, которая формировалась в течение длительного времени.

Библиографический список

1. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной коммуникации. – М., 2007.
2. Суперанская, А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов / отв. ред. А.П. Непокупный. – М., 2007.
3. Никонов, В.А. Актуальные процессы в антропонимии татар и башкир // Ономастика Поволжья – 32. – Уфа, 1973.
4. Харисова, З.А. Состав башкирских имен и фамилий // Ономастика Поволжья – 3. – Уфа, 1973.
5. Кусимова, Т.Х. Башкирские имена / Т.Х. Кусимова, С.А. Биккулова. – Уфа, 2000.
6. Словарь социолонгвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко. – М., 2006.
7. Галиуллина, Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. – Казань, 2008.
8. Константинова, Т.В. Модусы нигилизма в культуре транзитивного общества // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 3.

Bibliography

1. Ter-Minasova, S.G. Vojna i mir yazikhov i kultjur: voprosih teorii i praktiki mezhkultturnoy kommunikacii. – M., 2007.
2. Superanskaya, A.V. Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy / A.V. Superanskaya, V.Eh. Staltmane, N.V. Podoljskaya, A.Kh. Sultanov / otv. red. A.P. Nepokupniy. – M., 2007.
3. Nikonov, V.A. Aktualniye processih v antroponomii tatar i bashkir // Onomatika Povolzhya – 32. – Ufa, 1973.
4. Kharisova, Z.A. Sostav bashkirskikh imen i familiy // Onomatika Povolzhya – 3. – Ufa, 1973.
5. Kusimova, T.Kh. Bashkirskie imena / T.Kh. Kusimova, S.A. Bikkulova. – Ufa, 2000.
6. Slovarj sociolingvisticheskikh terminov / pod red. V.Yu. Mikhailchenko. – M., 2006.
7. Galilullina, G.R. Tatarskie lichniye imena v kontekste lingvokulturnih traditsiy. – Kazanj, 2008.
8. Konstantinova, T.V. Modusih nigilizma v kul'ture tranzitivnogo obshchestva // Gumanitariye i socialniye nauki. – 2010. – № 3.

Статья поступила в редакцию 27.02.14

УДК. 81.366.512.141

Amirgalina G.A. THE PROBLEM OF TRANSLATION OF NICKNAMES (referring to translations of the Bashkir written works into the Russian language). This paper analyzes the nicknames in the works of the Bashkir literature. The problems in translation of nicknames from the Bashkir language into the Russian language are studied.

Key words: Bashkir language, vocabulary, nicknames, translation problems.

Г.А. Амиргалина, аспирант каф. башкирского языка Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский гос. университет», г. Стерлитамак, E-mail: gulsiasack@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ПРОЗВИЩ И КЛИЧЕК (на материале перевода башкирских произведений на русский язык)*

В работе анализируются прозвища и клички в произведениях башкирской литературы. Исследуются проблемы при переводе прозвищ и кличек с башкирского языка на русский язык.

Ключевые слова: башкирский язык, лексика прозвищ и кличек, проблемы перевода.

«Перевести произведение с одного языка на другой – все равно, что снять с него кожу, перевести через границу и там нарядить в национальный язык».

Карл Краус

Перевод художественного текста всегда вызывал интерес у многих ученых. К примеру, Л.С. Бархударов, рассматривая с лингвистической точки зрения проблему эквивалентности перевода оригиналу, предлагает разделять типы семантических соответствий лексических единиц двух языков на три группы: 1) полного соответствия (математические термины, названия дней недели, времен года, месяцев и т.д.; 2) частичного соответствия (многозначные слова, у которых есть иные варианты); 3) отсутствия соответствия (безэквивалентная лексика, имена собственные, названия учреждений, организаций, географические наименования) [1, с. 74].

В практике перевода сегодня стоит проблема передачи безэквивалентной лексики, так как в переводе переводчиком недостаточно изучается исторический, культурный колорит художественного текста.

Избрание объектом нашего исследования перевода прозвищ и кличек объясняется тем, что к вышеуказанным проблемам добавляется отсутствие единого подхода к транскрибированию данных онимов. Материалом для исследования послужили произведения классиков башкирской литературы.

Анализ показывает, что трудности в переводе имеют прозвища, образованные от лексем широко известных в рамках исходной культуры, но практически не имеющих аналога или вообще неизвестные в другой культуре. Например, в трилогии Зайнаб Бишевой «К свету» прозвище Сэсэн Бибекай дает ли русскоязычному читателю в буквальном переводе исходное значение? Обратимся к переводу данной лексики в башкирско-русском словаре: Сэсэн – (русс.) импровизатор, сказитель [2, с. 573]. Для владеющего в совершенстве башкирским языком данное прозвище может дать нужную ассоциацию через глагол сэсэнләнеү – (русс.) стать мастером слова, стать острым на язык [2, с. 573]. Выходит, что без знания особенностей употребления данных лексем в исходной культуре возможна и утрата смысла.

В некоторых переводах дается смысл прозвищ прямо в контексте, что очень удобно для доведения до сознания читателя внутреннего его содержания: башк. *Бына шул Изрис картты Собхан старшина, йәнәһе, шаяртып, «Иблес» тип йөрәтә*; русск. *Старшина Собхан, якобы в шутку, называет его не Идрисом, а Иблисом – Сатаной*.

Переводческая проблема возникает тогда, когда переводчик сталкивается со смысловыми прозвищами. По существу, это обычно прозвища, указывающие на какую-либо примечательную черту характера, наружности, деятельности, что обеспечивает тесную связь с контекстом. Проанализируем функционирование прозвищ в литературном тексте башкирского писателя М. Карима «Долгое-долгое детство».

Пупок (башк. Кендек) – прозвище главного героя повести.

Коннотация прозвища дана в повести от имени другого персонажа, Асхата: «Нет, прозвище у тебя хоть куда – Пупок! Самая нужная вещь на свете – пупок. Передок телеги с кузовом что соединяет? Ось, пупок. А ребенок в утробе с матерью чем связан – пупком! А как самого почтенного, знатного человека называют – “земной пуповиной”, не как-нибудь! К тому же родится где ребенок, ты уже со Старшей Матерью там, от дома к дому, от застолья к застолью ходишь. А кому спасибо – всё ему же, пупку!».

В тексте также имеются некоторые противоречия данного онима. Лексическое значение слова «Пупок» может быть и положительным, и отрицательным. Примеры: русск. пословица – *глуп, как пуп*, также фразеологизм *пуп земли*, что означает самонадеянного человека; башк. пословица – *у змеи нет пупка*; у башкир принято почетного, знатного человека называть *земной пуповиной*. Из этого следует, что прозвище в переводе на другой язык не будет отражать всю семантику лексики, в данном случае даже может взять отрицательную характеристику.

Ассоциация к мотивации прозвищ может быть настолько случайной, что затем не поддается расшифровке. В художественных произведениях такая ассоциация раскрывается в самом тексте. На наш взгляд, при переводе ситуативных прозвищ нужно сохранить ориентированность на определенную ситуацию, яркую мотивированность образной номинации, как это сделано в следующих примерах:

1. «Пей, Осьмушка, – сказала она, ставя перед ним чашку, и опять с ним рассмеялась. Только она так и не забыла свое шутовское прозвище, которое дала мужу в первый день знакомства. Она не хотела обижать мужа. Потому что в устах Гульгайши прозвище звучало скорее вызовом безжалостной судьбе, а не насмешкой над мужем»;

2. «Чернопузая», – подумала Емеш, и ей в голову пришел вопрос: почему старшину Собхана, муллу Габбаса, старика Шымбая называют «чернопузыми»? Из-за того ли, что они богатые, злые или много едят?

3. А вот Карасэс иней, Хаммат-агай – из «войлочного». Карасэс-абей рассказывала, что когда-то давно на сход в день выборов старшины один бедный тощий старичок явился, намотав себе под чекмень войлочную кошму. Народ хохочет, спрашивает, зачем он это сделал. А он отвечает: – Старшиной всегда выбирают такого, у кого шея как у быка, а живот с добрый казан. Авось, думаю, и меня выберут, коли у меня есть пузо.

Отсутствие единого подхода к транскрибированию прозвищ и кличек создают проблему и в переводе. Так, например, одна и та же кличка лошади Ерэнсэй в двух разных произведениях переводится по-разному, да и к тому же в романе «Униженные» от имени собственного перешел в разряд нарицательных: башк. *Йонсота төшкәндәр, ахырыны, үзәнде бөгән, Ерэнсэй*; русск. *Да, Рыжий, погоняли тебя сегодня...*; башк. *Әйтерһең дә, уның өсөн хәҙер бәтә донъяла ошо Ерэнсәйҙән башка бер нәмә лә юҡ ине*; русск. *Для него во всем мире были сейчас только двое: он сам да этот рыжий*.

Кличка *Рыжий* в башкирском языке имеет перевод как *Ерэн*: Ер инәһе Ерэн ат – Мать земли Рыжая лошадь [3]. Выходит, перевод данной лексики в обоих вариантах неправильный. На наш взгляд, прозвище *Ерәнсәй* нужно оставить без смыслового перевода, а только транскрибируя как *Еренсей*.

Значения онимов важны не только для специалистов, но и для обычных читателей перевода, так как писатель с их помощью выражает свое отношение к героям. Каждое художественное произведение содержит в себе что-то неповторимое. В силу

этого возникают трудности, связанные с точной передачей оригинала, поэтому перевод всегда является бесценным опытом.

Таким образом, можно отметить, что от умелого, тактичного перевода прозвищ зависит успех в передаче сохранения национального колорита всего произведения.

** Издание осуществлено при поддержке гранта Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, проект № В14-24 «Лексика прозвищ и кличек в современном башкирском языке»*

Библиографический список

1. Бархударов, Л.С. Язык и перевод // Вопросы общей теории перевода. – М., 1975.
2. Башкирско-русский словарь: 32000 слов / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук РБ; под редакцией З.Г. Ураксина – М., 1996.
3. Мифологический словарь башкирского языка / Ф.Г. Хисамитдинова [Э/п]. – Р/д: <http://ru.convdocs.org/navigate/index-192921>

Bibliography

1. Barkhudarov, L.S. Yazihk i perevod // Voprosih obtheiy teorii perevoda. – M., 1975.
2. Bashkirsko-russkiy slovarj: 32000 slov / Rossiyskaya akademiya nauk. Ufmskiy nauchniy centr. Akademiya nauk RB; pod redakciey Z.G. Uraksina – M., 1996.
3. Mifologicheskij slovarj bashkirskogo yazihka / F.G. Khisamitdinova [Eh/r]. – R/d: <http://ru.convdocs.org/navigate/index-192921>

Статья поступила в редакцию 05.03.14

УДК 80

Kasyanova N.V., Lomteva T. N. THE ACCENTUATION OF A VALUE SYSTEM OF LINGUOCULTURE IN CORPORATE BLOG-COMMUNICATION (WITH THE MATERIALS FROM THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES). This article studies the way of singling out the dominant values of the national culture within the meaning of the texts of English-speaking and Russian-speaking corporate blogs.

Key words: linguoculture, blog-communication, corporate blog, national characteristics, values system.

Н.В. Касьянова, ассистент каф. иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: cherkasovanatas@mail.ru; Т.Н. Ломтева, д-р пед. наук, проф., зав. каф. романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», E-mail: al_lomtev@mail.ru

АКЦЕНТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В КОРПОРАТИВНОЙ БЛОГ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматривается проявления ценностных доминант национальной культуры в рамках содержания текстов англоязычных и русскоязычных корпоративных блогов.

Ключевые слова: лингвокультура, блог-коммуникация, корпоративный блог, национальные особенности, ценностные установки.

Сегодня общество подвержено влиянию со стороны интернет-сообществ, в частности блогов, им доверяют, перенимают из них модели поведения, корректируют свою систему ценностей. Корпоративные блоги не просто служат средством обсуждения и анализа товара или услуги, но и, помещая в некоторый социальный контекст, переводят их в сферу ценностных ориентаций, формируя соответствующий стиль жизни [1]. Корпоративные блоги отличаются национально-культурное своеобразие, так как через них передаются и концентрируются изменения социокультурных течений, где происходит фильтрация и детализация, передача новых тенденций, культурных инноваций, стандартов эстетического поведения. Следовательно, тексты блогов можно рассматривать с двух точек зрения, с одной стороны – в них проявляются ценностные установки, которые присущи тому или иному носителю культуры, с другой – в них отражаются ценностные характеристики, которые необходимо интегрировать в общество.

Корпоративный блог в сознании носителей различной культуры представлен в виде одной и той же модели. Но в зависимости от того, для представителей какой культуры предназначен тот или иной текст блога, модель получает соответствующее языковое наполнение, которое зависит от тех ценностей, к которым он апеллирует и которые эксплицируются с помощью соответствующих лексических единиц и синтаксических конструкций.

Мы будем анализировать то, как проявляются ценностные установки национальной культуры в рамках содержания текстов

англоязычного (Google Official Blog) и русскоязычного (Google Россия) блогов американской компании в сфере IT-бизнеса.

На сегодняшний день компания Google является крупнейшей американской транснациональной корпорацией, инвестирующей в интернет-поиск, облачные вычисления и рекламные технологии.

The Official Google Blog является наиболее популярным, живым и ярким корпоративным блогом в области IT-коммуникаций. В нём публикуются самые последние новости из жизни компании: выпуск нового продукта, расширение функционала популярного приложения или очередная захватывающая инициатива Google. Блог появился в мае 2004 года, и сейчас сформировалась целая сеть корпоративных блогов Google, включая и блог Google Россия, который так же представлен различной информацией о новых IT-продуктах и развивается очень большими темпами.

Основной ценностной доминантой как англоязычного, так и русскоязычного блога Google является информирование клиентов о новых информационно-коммуникационных продуктах и услугах компании. Соответственно для данного блога характерно использование большого количества специализированных IT-терминов, например:

«We have developed tools such as AddressSanitizer (finds errors in memory usage) and ThreadSanitizer (finding synchronization errors in multithreaded programs), both tools we use in the process of testing the Google Chrome browser and our server applications.

Developers Mozilla Firefox and other open source applications also use AddressSanitizer to test their products. Thanks to its know-how have been found thousands of errors in the different programs» [2].

В русскоязычном блоге Google частотное использование в основном так называемых макаризмов – лексических единиц иноязычного происхождения, нетранслитерированных, которые не входят в систему использующего их языка. Это связано с современной ситуацией в мире, характеризующейся доминирующим влиянием американского варианта английского языка на русский и многие другие европейские языки, например:

«Chromium использует несколько иную многопроцессовую архитектуру, нежели другие браузеры, работающие на WebKit. Результатом этого стало снижение общей динамики внедрения инноваций, поэтому на днях мы представили Blink, новый браузерный движок с открытым исходным кодом, разработанный на основе WebKit» [2].

Сегодня русская ментальность переживает активное вторжение американских культурных концептов во всех сферах деятельности, а в технологической – в особенности нивелируются типичные национальные особенности, тем более что утилитарные ценности русских мало отличаются от американских. Поэтому основная общая ценностная доминанта блогов Google выражается в ориентации на заботу о клиенте, сопричастности, учет клиентских мнений: «We work every day to create a more seamless, beautiful user experience – to give you a better, easier-to-use Google. This means continuously improving the products we offer. Over the past year, we've made changes to around 50 products, features and services so we can focus on the high-impact products that millions of people use, multiple times a day. This enables us to devote more time and resources giving you products you love, and making them better for you» [3].

«Мы призываем организации, предоставляющие бесплатные круглосуточные консультации детям и взрослым, оказавшимся в трудной психологической ситуации, присылать нам свои контакты, чтобы мы оповещали пользователей о таких ресурсах на страницах сервисов Google» (Google Россия).

Особенности американского характера наиболее отчетливо проявляются в отношении к основным общественным институтам и, прежде всего, к политической власти. Так, в одном из постов англоязычного блога Google говорится о том, что граждане должны активно участвовать в политическом процессе и этому должна способствовать транспарентность законодательных данных, что выражается обилием лексики политико-правового содержания:

«Google believes that policy-making should be grounded in sound analysis of data. We take this to heart – it's why we launch tools like the Transparency Report, which shows when and what information is accessible on Google services around the world. Similarly, when governments are transparent with their legislative data, their citizens can be more active participants in the political process» [3].

Такой атрибут как благотворительность выступает для американцев как моральная норма и культурная ценность. Поэтому Google Blog открыто заявляет о значимости благотворительных проектов в своей работе. Следующая запись автора англоязычного блога подчеркивает социально-благотворительную направленность компании для расширения возможностей ветеранов и семей военнослужащих:

«There are almost 22 million military veterans in the United States today and millions more around the world. Google has created some new tools to help these vets – and their families – find new ways of connecting online. In honor of Veteran's Day, we've just announced a new YouTube channel, Vet Connect page, and a resume builder powered by Google Docs» [3].

Одной из особенностей российского менталитета является стремление к повышению уровня образованности и интеллекта, это проявляется и в русскоязычных блоговых сообщениях

Google, в которых делается акцент на воспитании и образовании молодежи:

«Сегодняшний рассказ – о северном научном лагере, проведенном недавно Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М.В. Ломоносова, с целью формирования интереса к программированию и математике у молодежи из региона. Программа была ориентирована на девочек и представителей малых народностей. Проект позволил порядка 40 талантливым ребятам из отдаленных уголков Архангельской области приехать в областной центр, чтобы повысить свой уровень знаний в области информационных и коммуникационных технологий» [2].

Россияне в отличие от американцев отличаются большей естественностью, открытостью и эмоциональностью, поэтому тексты русскоязычного блога компании апеллируют к чувствам, эмоциям, часто встречается эмоционально-экспрессивная лексика.

Одной из традиционных особенностей американского характера является традиционный прагматизм, их поведение определяется, главным образом, прагматическими интересами. Для них характерны такие качества как трезвость ума, расчетливость, практичность. Поэтому в англоязычном блоге Google обильно использованы словосочетания таких смысловых сфер, как улучшение, реализация, расширение возможностей, рост, развитие, мощь, активность: to make people's lives better (делать жизнь людей лучше), advanced computer science (передовые компьютерные науки), to be encouraged by this progress (быть воодушевленным этим прогрессом), to provide the best experience (обеспечить лучший опыт), to be more productive (быть продуктивным).

Однако, в настоящее время русские, как и американцы пытаются быть «суперменами». Это проявляется в их позитивном настроении будущее, в стремлении выразить признаки материального благополучия, состоятельности и высокого социального положения, поэтому как в англоязычном, так и в русскоязычном блоге Google встречается лексика со значением результативности, выполнения, эффективности, например:

«Создание научного проекта мирового значения – задача не из простых, однако в этом году тысячи детей в возрасте от 13 до 18 лет из более чем 120 стран мира представили свои проекты в рамках третьего ежегодного конкурса Google Science Fair. Масштаб проектов свидетельствует о том, что юные ученые действительно могут выдвигать идеи, способные изменить наш мир к лучшему. Разнообразие работ и их находчивое воплощение поражает!» [2].

«The ultimate goal is better and fresher content, and more meaningful interactions. People today can make their voices heard in ways that were previously impossible, and Wildfire helps businesses uphold their end of the conversation. In a complex and changing landscape, businesses want to manage and measure these efforts in an integrated way. We've been working towards this end for some time» [3].

На основе проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что в корпоративной блог-коммуникации проявляются кроме типичных национальных особенностей также новые, связанные с современной англоамериканизацией. В блогах компании Google в основном это влияние проявляется на лексико-семантическом уровне.

Таким образом, экспликация ценностных установок основывается на принципе учета национальных особенностей адресатов постов. Тексты англоязычных и русскоязычных блогов апеллируют к тем или иным ценностям и культурным доминантам в зависимости от той нации, для которой они предназначены.

Однако в процессе глобальной англоамериканизации и интеграции русского и других языков национальные культуры будут все более сближаться, образуя единую культуру, а компоненты, символизирующие национальную идентичность в современном мире, нивелируются.

Библиографический список

1. Горелова, Ю.Н. Коммуникативно-прагматические и этнокультурные особенности рекламного текста: на материале англоязычной и русскоязычной печатной рекламы: дис.. канд. фил. наук. – Казань, 2005.
2. [Э/п]. – Р/д: <http://googleblog.blogspot.ru/>
3. [Э/п]. – Р/д: <http://googlerussiablog.blogspot.ru/>

Bibliography

1. Gorelova, Yu.N. Kommunikativno-pragmaticheskie i ethnokulturniye osobennosti reklamnogo teksta: na materiale angloyazichnoy i russkoyazichnoy pechatnoy reklamih: dis.. kand. fil. nauk. – Kazanj, 2005.

2. [Eh/r]. – R/d: <http://googleblog.blogspot.ru/>
 3. [Eh/r]. – R/d: <http://googlerussiablog.blogspot.ru/>

Статья поступила в редакцию 16.03.14

УДК 811.111'42

Savina A.A. DIALECTICISMS AS A FACTOR OF STRUCTURAL-SEMANTIC INTEGRITY IN POLYPHONIC LITERARY TEXTS. The article supplies a complex analysis of dialecticisms in literary texts with the reference to the English regional novels of 19-20 c. The author specifies functions of dialectal words in literary texts. As a means of vivid characterization, dialecticisms express the personage's point of view (thus contributing to text polyphony). They also function as nonce means of expressing text categories of locality and personality, being conducive to the coherence of a literary text.

Key words: dialecticisms, text categories, point of view, polyphony.

А.А. Савина, ассистент каф. основ английского языка ФГБОУ ВПО НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, E-mail: ann-owl@yandex.ru

ДИАЛЕКТИЗМЫ КАК ФАКТОР СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ПОЛИФОНИЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье проводится комплексный анализ диалектизмов на материале английских региональных романов 19-20 веков, уточняются функции диалектных вкраплений в художественном тексте. Являясь способом яркой речевой характеристики, диалектизмы участвуют в экспликации точки зрения персонажа (создании эффекта полифонии), в то же время служат специфическим средством выражения категории локальности и персональности, способствуя цельности художественного текста.

Ключевые слова: диалектизмы, категории текста, точка зрения, полифония.

К числу особенностей художественной литературы следует отнести возможность несовпадения субъекта речи, то есть говорящего, и автора. Фигура повествователя становится некой промежуточной инстанцией, которой автор доверяет повествование. Повествователь является обязательным условием успешной коммуникации посредством художественного текста [1, с. 199]. В теории нарратива всем потенциальным отправителям сообщения в коммуникативной ситуации «художественный текст» приписывают свой потенциальный голос. В соответствии с уровнем коммуникации различают внутренние ('intratextual') голоса повествователя и персонажей и внешний ('extratextual'), авторский голос [2]. Авторский голос в произведении наиболее отчетливо эксплицируется в лирических отступлениях, метатекстовых комментариях, в случае, когда автор поручает повествование рассказчику, чью идеологическую позицию не разделяет. При сочетании двух противоположных оценочных позиций в тексте актуализируется авторская ирония.

Учет широкого контекста и совокупности содержащихся в художественном тексте субъективных значений позволяет сформировать вертикальную проекцию текста и дает возможность его многомерного прочтения. Полифоническим (полифоничным) текстом, по мнению О.И. Валентиновой, можно назвать текст, в котором отсутствует жесткая соотнесенность между высказыванием и субъектом высказывания; а также между высказыванием и значением высказывания [3, с. 10]. Эффект многоголосия (полифонии) возникает не в ходе простого восприятия линейного соположения лингвистических единиц, принадлежащих голосам разных субъектов речи, а в результате партитурного прочтения одной единицы – словосочетания или даже отдельного слова. И.Р. Гальперин впервые относит к числу категорий текста партитурность, определяя ее как структурную категорию, которая выявляется на основе наличия в тексте двух видов информации: содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, образующих соответственно горизонтальный и вертикальный срезы текста [4, с. 524-530]. Под партитурностью мы понимаем функционально-семантическую текстообразующую категорию, базирующуюся на оппозиции точек зрения субъектов речи и/или восприятия. Ведущий немецкий нарратолог В. Шмид определяет точку зрения как «образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющий на восприятие и передачу событий», при этом повествуемые события служат объектом точки зрения [5, с. 121]. Выбирая определенную точку зрения, повествователь задает читателю некую перспективу восприятия описываемых событий. В. Шмид выделяет

основные планы, в которых может быть зафиксирована та или иная точка зрения: идеология (оценка), язык, перцепция, пространство и время [5, с. 122-127]. Данная типология представляется наиболее применимой к анализу художественного текста, так как на практике учитывает не только голосовой и визуальный аспект точки зрения, но и степень осведомленности повествователя/персонажа, которая наиболее отчетливо эксплицируется в пространственно-временном плане.

Материалом для исследования послужили произведения А. Беннета и романы «Уэссекской серии» Т. Гарди, которые можно отнести к английским региональным романам рубежа XIX-XX веков. Региональный роман, действие в котором четко локализовано по месту и времени, на протяжении полутора столетий является одним из самых востребованных направлений в европейской и американской художественной прозе. Выбор материала для исследования обусловлен использованием указанными авторами значительного объема социально- и территориально-маркированных элементов с целью характеристики персонажей.

Стилистически маркированные языковые средства создают, по мнению М. Фладерник, иллюзию дословной передачи реальности, а «диалектные единицы становятся ядром дейктической и субъективной инородности» в повествовании [6, р. 261]. В связи с этим представляется интересным в рамках регионального текста оценить потенциал диалектизмов как полифонических единиц, т.е. единиц, участвующих в формировании категории партитурности текста.

Практическая ценность проведенного исследования заключается в релевантности его результатов для лекционных курсов по лингвистике текста, а также спецкурса по интерпретации художественного текста.

В ходе исследования применялись следующие методы лингвистического анализа: контекстуальный и трансформационный анализы, функционально-семантический анализ, элементы компонентного анализа семантической структуры слова, супралингарный стилистико-текстовый анализ. На отдельных этапах работы применялся синхронно-диахронический анализ языковых единиц.

Специфика жанрово-стилевого использования диалектизмов в художественных текстах обусловлена тем обособленным положением, которое диалекты заняли по отношению к литературному языку. Диалектный материал в литературных произведениях служит средством не только характеристики социальной принадлежности персонажа, но и характеристики обстанов-

ки, уточнения места и времени действия, выполняя в последнем случае этнографическую функцию, в соответствии с типологией М.А. Яковлевой. В поэзии диалектизмы применяются как средство архаизации стиля. Помимо вышеозначенных функций, М.А. Яковлева выделяет также идеологическую, или символическую, функцию диалектизмов в художественном произведении. Эта функция выполняется в случае, когда «автор сообщает образу и речи героя особые «идеологические» черты, отвечающие особой «идеологической» (философской) установке автора» [7, с. 19]. По мнению М.А. Яковлевой, функция создания социально-культурной характеристики присуща всем произведениям, в которых используется диалектная стилизация речи героя. Этнографическая и идеологическая функция могут ее дополнять в зависимости от характера произведения.

Как следует из определения жанра, в региональном романе этнографическая функция диалектизмов выходит на первый план. Изображая людей и нравы какой-то области, автор, естественно, передает своеобразие речи героев. В романах Т. Гарди повествование ведется от третьего лица, всезнающим рассказчиком, не вовлеченным в описываемые события. Однако отдельные фрагменты могут быть изложены самими персонажами, что посредством формы речи от первого лица позволяет автору дополнительно охарактеризовать героя-рассказчика, передать его точку зрения на описываемые события, его эмоции и оценки. Вот как, например, Рейбен Дьюи описывает визит участников деревенского хора к священнику, у которого робели попросить отсрочку закрытия хора:

«That's true; and you see,» continued Reuben, "at the very beginning it put me in a stud as to how to quarrel wi' en. In short, to save my soul, I couldn't quarrel wi' such a civil man without belying my conscience. Says he to father there, in a voice as quiet as a lamb's, 'William, you are a' old aged man, as all shall be, so sit down in my easy-chair, and rest yourself.' And down father zot. I could fa'n ha' laughed at thee, father; for thou'st take it so unconcerned at first, and then looked so frightened when the chair-bottom sunk in» [8].

В прямой речи возчика использованы архаизмы и диалектизмы: *fain* – диалектное наречие со значением «охотно, с готовностью», местная разговорная идиома «it put me in a stud» в значении «опешил», «остолбенел». Элементы уэльсского диалекта проявляются в том числе и в плане выражения категории персональности: личная форма глагола второго лица единственного числа *hast* в стяженной форме 'st (*thou'st take*), слабая форма объектного падежа местоимения третьего лица 'en (*wi'en* = with him), архаичные формы местоимения второго лица единственного числа *thou*, *thee* наряду с общеупотребительной *you*.

Однако в речи более образованных персонажей (местного пастора, школьной учительницы) независимо от ситуации общения фигурирует исключительно местоимение второго лица *you*. Подобное нормированное употребление является индикатором более высокого социального статуса говорящего. При этом своеобразное «двуязычие» некоторых персонажей выдает их социальное происхождение, о чем автор считает необходимым уведомить читателя в обособленном метаповествовательном комментарии: *«Y'll be fess enough, my poppet, when th'st know!» (Mrs Durbeyfield habitually spoke the dialect; her daughter, who had passed the Sixth Standard in the National School under a London-trained mistress, spoke two languages: the dialect at home, more or less; ordinary English abroad and to persons of quality)* [9, с. 27].

Употребление архаизмов и диалектизмов в повествовании от первого лица способствует субъективации повествования, служит способом яркой речевой характеристики персонажа.

Анализу использования социальных и территориальных вариантов языка в художественном тексте посвящен целый ряд работ по стилистике, лексикологии и переводоведению. В основном исследовательский интерес сфокусирован на диалектной речи в диалогах персонажей. Однако последовательную смену реплик в диалоге персонажей нельзя отождествлять с полифоническим текстом. По мнению О.И. Валентиновой, «эстетическая энергия, задействованная для создания полифонического текста, по происхождению исключительно интенсивна: она возникает за счет изменения внутренних, структурных свойств текста, а не за счет освоения новых вербальных пространств, таких как диалекты и просторечия, ранее не вовлеченных в художественно организованную вербальную систему» [3, с. 9].

Бесспорно, диалектные элементы, к которым прибегают авторы, употребляются в качестве ярких индивидуальных и социальных маркеров речи персонажей в ограниченном копи-

честве во избежание препятствий общему пониманию текста. Закономерно встает вопрос, насколько оправдана концентрация внимания языковедов, изучающих роль диалектизмов в художественном тексте, на прямой речи персонажей, и могут ли диалектизмы быть средством создания эффекта многоголосия в речи повествователя?

Голос персонажа в повествовании можно выявить, исследуя стилистически маркированные языковые единицы, отражающие социально-характерологические признаки субъекта речи и разговорный характер устной диалогической формы общения присущие персонажу и ситуации общения [10], – «*somebody's dialect, sociolect, idiolect, and genderlect*» [2].

Полифонический потенциал диалектизмов заключается, по нашему мнению, в возможности создавать условия для диалога нескольких иного рода – не персонажного, а, с учетом наличия уровней коммуникации в художественном тексте, диалога межуровневого – между повествователем (или даже самим автором, позиция которого проявляется посредством необходимых в таких случаях метаповествовательных комментариев) и персонажами.

Следующий фрагмент из романа «Мэр Кастербриджа» демонстрирует различие оценки повествователем и персонажем уместности диалектизмов в речи: *One grievous failing of Elizabeth's was her occasional pretty and picturesque use of dialect words – those terrible marks of the beast to the truly genteel* [11]. – Точки зрения повествователя и персонажа, Майкла Хенчарда, графически разделенные тире, противопоставлены в плане идеологии. Если рассказчик считает использование диалектных слов милой особенностью речи Элизабет-Джейн, то для Хенчарда диалектизмы в речи девушки, которую он публично признал своей дочерью, неприемлемы – дочери мэра города не пристало выражаться подобно простолюдинке. Вульгарная речь дочери воспринимается Хенчардом не только как признак ее низкого социального статуса, но и возможное косвенное свидетельство его собственной необразованности: *Henchard, being uncultivated himself, was the bitterest critic the fair girl could possibly have had of her own lapses* [11]. Впоследствии резкая критика из уст отца заставила Элизабет-Джейн изменить манеру общения, и это привнесло даже некоторую искусственность в ее речь, как отмечает ниже повествователь: *in time <...> when she had not slept she did not quaintly tell the servants next morning that she had been "hag-rid," but that she had "suffered from indigestion"* [11].

Географической заданностью действия обусловлена еще одна функция диалектизмов в региональном романе. Диалектные особенности произношения (акцент) служат способом разграничения собеседников на «свой-чужой». Так, жители Кастербриджа сразу распознали в Фарфрее приезжего с севера – его выдавал необычный для юго-запада Англии шотландский акцент: *Elizabeth Jane had seen his movements and heard the words, which attracted her both by their subject and by their accent – a strange one for those parts. It was quaint and northerly* [11]. – Субъектом речи во фрагменте является рассказчик, тогда как субъектом восприятия – персонаж. Точка зрения Элизабет-Джейн в плане перцепции актуализуется с помощью глаголов чувственного восприятия (*had seen* and *heard*). Языковым маркером персонажной точки зрения в плане идеологии служит прилагательное в предикативной функции *quaint* со значением «attractive with a slightly strange quality», семантически коррелирующее с основной партией повествователя (*attracted, a strange one*).

Персонажи романов А. Беннета, жители Стаффордшира, также безошибочно определяют выходцев с севера по акценту: *Then he heard a voice say, "Good night." It was undoubtedly Dr Stirling's voice. The Scotch accent was unmistakable* [12]. – Эдвин Клейхенгер не мог никого разглядеть в ночном тумане, но определил по голосу, что пришел доктор. Второе и третье предложения фрагмента представляют собой внутренний монолог Эдвина, в котором его точка зрения в плане идеологии актуализируется маркированными в отношении эпистемической модальности уверенности модальным словом *undoubtedly* и прилагательным *unmistakable* в предикативной функции.

Для восприятия жителями центральных графств непривычны как северные, так и южные говоры: *Her aristocratic southern accent proved that she did not belong to the Five Towns, and to Maggie, in excuse for certain questions as to the district, she said that she had only been at Pirehill a few weeks. Her demeanour was extraordinarily cheerful* [12]. Одновременно с голосом повествователя звучат голоса членов семьи Клейхенгеров. Точка зрения

персонажей реализуется в идеологическом и перцептивном планах: все домочадцы были несколько обескуражены решительностью и напором медсестры, которую наняли для ухода за главой семейства, а ее неместный акцент был воспринят как настораживающе-пугающий: *The nurse's accent intimidated all of them* [12].

Реализация точки зрения персонажа четко прослеживается как двуплановая во фрагменте, повествующем о молодом Эдвине Клейхенгере, который воспринимал даже произношение своего школьного товарища, живущего в другом, более зажиточном районе города, как необычное: *"Rats!" said the Sunday, with finality. In the pronunciation of this word the difference between his accent and Edwin's came out clear. The Sunday's accent was less local; there was a hint of a short "e" sound in the "a," and a briskness about the consonants, that Edwin could never have compassed [E_p]. The Sunday's accent was as carelessly superior as his clothes [E_p]. Evidently the Sunday had some one at home who had not learnt the art of speech in the Five Towns [E.]* [12]. На фоне речи повествователя точка зрения персонажа реализуется в перцептивном (E_p) и идеологическом (E_i) планах. Специфика регионального романа с его четко обозначенными географическими границами действия позволяет трактовать глагол compass по партитуре:

[Edwin could never have] compassed	1) постигать, улавливать 2) очертить границы чего-л.
------------------------------------	---

1. В первом значении сказуемое [could never have] compassed актуализирует точку зрения персонажа в плане перцепции: акцент друга казался Эдвину чужим, неместным, однако он никак не мог уловить, чем именно произношение Сандея отличалось от принятого в Пяти Городах.

2. В плане идеологии точка зрения Эдвина подкрепляется модальным словом evidently со значением обоснованного предположения. Познания Эдвина были слишком малы (*he had never been instructed for five minutes in the geography of his native county*), чтобы определить происхождение акцента друга. Он мог только предполагать, судя по его манере речи, что в его семье были уроженцы другого города.

Представляется очевидным, что не все рассмотренные ранее фрагменты содержат непосредственно диалектное слово, однако влияние социально-территориального «разноречия», по выражению М.М. Бахтина, «распространяется далеко за пределами отведенного герою прямого слова» [13, с. 133]. Стилистически маркированные языковые средства создают в речи повествователя особые зоны влияния, которые М.М. Бахтин определяет как «район действия голоса героя, так или иначе примешивающегося к авторскому голосу». По мнению ученого, именно в зоне героя «разыгрывается диалог между автором и его героями» [13, с. 130, 134]. В этих персонажных зонах авторы используют все возможные формы передачи чужой речи, которые образуют различные гибридные конструкции, тесно спаянные семантически и синтаксически.

Тему нижеприводимого абзаца из романа «Клейхенгер» задает диалектное a-wakesing. Причастие I в стаффордском диалекте может иметь префиксальный элемент a-, который является ослабленным предлогом on. Структура 'on+отглагольное существительное' известна начиная с XV века. Конструкция с префиксом a- после глагола-связки и глаголов движения и состояния встречается в языке более позднего времени. Однако для литературного языка она не характерна. Форма a-wakesing со значением «отдыхать, праздновать» восходит к диалектному существительному wakes «храмовый праздник» (OE n. nihtwacu, -waesse f «night-watch», «vigil» [14, p. 125]). Семантическое развитие, своего рода секуляризация, данной формы (wake(s) «всенощное бдение как часть религиозного обряда» ! wakes week «праздники, каникулы»), обусловлено экстралингвистическими факторами. В каждой местности были установлены выходные на период престольных праздников. Со временем религиозные торжества стали сопровождаться широкими народными гуляньями, особенно в северных и центральных графствах. Отличительной чертой регионального романа является детальное воспроизведение не только манеры речи, но и образа жизни персонажей-обитателей определенной местности. Персонаж романа А. Беннета мистер Шушионс, житель центрального графства Стаффордшир, выступал против отъезда прихожан на долгие каникулы:

He had already been upset by news of a movement that was on foot for deferring Anniversary Sermons from August to September, so that people should be more free to go away for a holiday, and collections be more fruitful [N+E]. What! Put off God's ordinance, to enable chapel-members to go 'a-wakesing'! Monstrous! [Sh] Yet September was tried, in spite of Mr Shushions, and when even September would not work satisfactorily [N], God's ordinance was shifted boldly to May, in order to catch people, and their pockets well before the demoralisation incident to holidays [N+Sh] [12]. (N – narrator, E – Edwin, Sh – Mr Shushions). – Если анализировать текст по горизонтали, то первое предложение можно было бы трактовать как партию повествователя, вводящего тему беседы персонажей: перенос религиозного праздника обсуждают мистер Шушионс и Дариус Клейхенгер. Однако учет вертикального контекста помогает восстановить еще одного участника коммуникации – имплицитным слушателем выступает Эдвин, который впервые увидел этого загадочного старика (*"the mysterious old man"*) и с интересом наблюдал за ним: <...> *Edwin overheard that they were discussing a topic that had lately been rife in religious circles* [12]. Это дает основание говорить о наличии текстовой интерференции в первом предложении, а именно о наложении перцептивной точки зрения персонажа, Эдвина, на партию повествователя.

Далее, в выделенном нами жирным шрифтом отрезке произведения, персонаж вытесняет повествователя и, по образному выражению Е.В. Падучевой, «узурпирует» экспрессивно-диалогическую область. Данный отрезок не вводится ремаркой повествователя, в нем отсутствуют формальные дейктические элементы, указывающие на время и место действия относительно участников коммуникативной ситуации. На первый план выходят такие свойства языка, как экспрессивность и диалогичность [1, с. 336-337]. Восклицательные предложения, выбивающиеся из общей повествовательной тональности, служат средством выражения субъективной экспрессивности и максимально приближают выделенное высказывание к прямой речи персонажей. Однако отсутствие обрамляющих повествовательских ремарок и графического (пунктуационного) обозначения прямой речи (кавычек, тире) позволяют идентифицировать фрагмент как несобственно-прямую речь, или, пользуясь принятой за рубежом терминологией, свободный косвенный дискурс (free indirect discourse). По мнению М. Фладерник, восклицательные предложения являются «верным индикатором свободного косвенного дискурса, особенно при передаче сознания персонажа». Восклицания не только выражают эмоции говорящего, но и способствуют установлению контакта с адресатом (слушающим) [6, p. 154-159]. Тест М. Тулана (FID test) [2] позволяет определить субъект несобственно-прямой речи. Из трех возможных коммуникантов-персонажей – мистера Шушионса и Дариуса Клейхенгера, непосредственно обсуждавших новости прихода, а также Эдвина Клейхенгера, подслушавшего их разговор, подобное категоричное неприятие нововведений мог выразить только мистер Шушионс, обращаясь к своему собеседнику, Дариусу Клейхенгеру.

С точки зрения экспрессивного синтаксиса, реплика [Sh] по своей структуре может быть представлена как сочетание парцелляции с эллипсисом. В таком случае имеет место правая дислокация, когда значимый элемент – в данном случае смысловая часть составного именного сказуемого – выносится за границы предложения [6, p. 239], и опускается глагол-связка: **To put off God's ordinance, to enable chapel-members to go 'a-wakesing' is monstrous!* Данная конструкция выполняет характерологическую и эмоционально-выделительную функции. Суть характерологической функции усматривается А.П. Сковородниковым в воспроизведении речевой манеры персонажа при создании контекстов несобственно-прямой речи и характеристики состояния субъекта этой речи. Эмоционально-выразительная функция парцелляции заключается в усилении эмоциональности высказывания [15, с. 87-88]. Таким образом, эмоционально заряженная несобственно-прямая речь с иллюкативной функцией осуждения эксплицирует точку зрения мистера Шушионса в плане перцепции и идеологии. Употребление диалектизма 'to go a-wakesing' с целью имитации «подлинного» голоса персонажа в контексте несобственно-прямой речи реализует точку зрения персонажа в плане фразеологии.

Противительный союз yet вводит партию повествователя, на фоне которой звучит голос мистера Шушионса – его точка зрения в плане идеологии реализована посредством обстоятель-

ства образа действия, выраженного наречием с семей отрицательной оценки *boldly*, и существительным *demoralization* в атрибутивной функции. Подчеркнутая категоричность идеологической позиции персонажа выдает ироничное отношение автора к ретрограду Шушионсу, о чем также свидетельствует противопоставление интенций персонажей. Дариус Клейхенгер почтительно и сочувственно соглашался (*deferentially and feelingly agreed*) со своим старшим наставником, но даже его сыну было известно его равнодушие к вопросам религии: *the amused and non-committal impartiality of a man who only went to chapel when he specially felt like going* [12].

Диалектные элементы в речи повествователя можно разделить на две основные подгруппы. К первой относятся наименования профессий, рода занятий местных жителей и связанные с ними профессионализмы. Подобная контаминация (англоязычные термины *'tainting'*, *'colouring'*) может быть проиллюстрирована следующим образом: *Through the open doorway of a small inner room on the right hand, of a character between pantry and cellar, was Dick Dewy's father Reuben, by vocation a "tranter", or irregular carrier* [8]. – Образованное по типу неологизмов диалектное существительное *tranter* со значением «возчик» осуществляет трансляцию языкового плана точки зрения жителей Мэллстока в речь повествователя.

В большинстве случаев диалектные названия профессий, фигурирующие впервые, вводятся в кавычках как чужеродные и сопровождаются комментариями по поводу их значения, затем ассимилируются повествователем и повторно используются без кавычек и пояснений: *During the afternoon unusual activity was seen to prevail about the precincts of tranter Dewy's house* [8].

The traveller with the cart was a redleman – a person whose vocation it was to supply farmers with reding for their sheep [16]. – Примечательно, что комментарий к названию профессии *redleman* (также диалект., уст. *ruddleman* «someone who deals in ruddle» – «охряник», в переводе О. Холмской [17]) базируется на другом диалектизме – *redding* со значением «red ochre».

Ко второй подгруппе можно отнести диалектные лексические единицы, относящиеся к обиходно-бытовой сфере:

а) *<...> a couple more men had elevated themselves on a chest of drawers; another rested on the oak-carved 'cwoffer'; two on the wash-stand, another on the stool <...>* [9, p. 32].

б) *<...> she stood awhile, thoughtfully peeling the last bud; and then, awakening from her reverie, flung it <...> in an ebullition of displeasure with herself for her 'niaiseries' <...>* [9, p. 140]. – Подражая произношению жителей Дорсета, носителей диалекта юго-западного ареала, повествователь вставляет в нейтральное описание диалектное слово: а) *cwoffer* соответствует литературному *coffer* («сундук»), б) диалектное *niaiseries* в значении «ребячество, неразумные поступки» является семантическим переосмыслением литературного *nursery* («детская комната»). Эти случаи употребления диалектизмов уже рассматривались автором статьи как примеры специфических средств выражения категории локальности художественного текста [18, с. 72-74]. Выполняя этнографическую функцию, диалектизмы в то же время маркируют субъектно-речевой план персонажа. При помощи графонов, курсива и кавычек автор графически выделяет «чужой» голос в повествовании. В обоих примерах из романа Т. Гарди «Тесс из рода Д'Эрбервиллей» партия повествователя вступает в имитационные отношения с партией персонажа. Точка зрения Тесс проявляется в языковом и перцептивном планах. Таким образом, диалектные элементы участвуют в создании полифонии, то есть служат средством выражения текстовой категории партитурности.

К этой же подгруппе принадлежат названия предметов, используемых в играх. В следующем фрагменте романа А. Беннета «Клейхенгер» диалектные *rinkers* – местное название пест-

рых шариков для одноименной детской игры, не только вводит партию Эдвина в повествование, но и задает тему абзаца:

*"Here, [E₃]" he said [N₂]. "And you may as well have these, too, [E₃]" adding five more to the ten [N₁], all he possessed [E₃]. They were not the paltry marble of to-day, plaything of infants [N₂], but the majestic "rinker", black with white spots, the king of marbles [E+N₇] in an era when whole populations practised the game [N₈]. Edwin looked at them half regretfully as they lay in the Sunday's hands. They seemed prodigious wealth in those hands [E₃], and he felt somewhat as a condemned man might feel who bequeaths his jewels on the scaffold [E+N₁₀]. Then there was a rattle, and a tumour grew out larger on the Sunday's thigh [N+E₁₁] [12]. (N – narrator, E – Edwin). – Реплика повествователя (N₄) вступает в комплементарные отношения с перцептивной ТЗ персонажа, выраженной в придаточном пояснительном предложении (E₅). Этот конституент периода (E₅) можно рассматривать как внутреннюю речь персонажа, несущую в себе иллюкативный потенциал сожаления. Эдвину жаль расставаться с последним «сокровищем» (*prodigious wealth*), которое пропалорил другу (E₉). Перцептивный план персонажа на протяжении всего эпизода также актуализуется посредством глаголов чувственного восприятия и ментальной деятельности (*looked, felt, seemed*) и звукоподражательным существительным *rattle* (E₁₁). Маркированное в отношении субъективной модальности неуверенного предположения *might feel* передает ТЗ рассказчика в плане идеологии и фразеологии: рассказчик сравнивает Эдвина с обреченным на смерть, кладущим свои богатства у эшафота (E+N₁₀). Такое гротескное сравнение в отношении бытовой сцены детского спора выявляет авторскую ироничную позицию. Находясь вне изображаемого мира, экзегетический повествователь может перемещаться по оси времени (*to-day – in an era when whole populations practised the game*) и давать ретроспективную оценку описываемых событий: *the paltry marble* (N₈) – *the majestic "rinker"* (E+N₇). На последнем отрезке (E+N₇) ТЗ повествователя и Эдвина совпадают в плане идеологии и вступают в имитационные отношения в плане фразеологии, благодаря использованию диалектизма *rinker* для имитации голоса персонажа.*

Несколько ниже в тексте диалектное существительное *rinkers* оказывается интегрированным в речь повествователя и используется уже без кавычек: *A little farther on the open gates of a manufactory disclosed six men playing the noble game of rinkers on a smooth patch of ground near the weighing machine* [12].

Таким образом, расширяя влияние зоны героя на окружающий повествовательный контекст, диалектизмы, способствуя установлению семантической соотнесенности между разными типами композиционного членения текста, служат средством выражения целостности художественного текста. Это позволяет сформулировать еще одну важную функцию диалектизмов в региональном романе: композиционную функцию, которую можно назвать частным случаем текстообразующей функции категории партитурности (композиционную функцию партитурности подробно рассматривает А.Д. Прянишникова [19, с. 74-77]).

Очевидно, зона героя не ограничена только диалектальными вкраплениями. Фрагменты несобственно-прямой речи с использованием преферальной персонажной лексики, выбивающейся из стилистически нейтрального повествовательного контекста, трактуемые нами как примеры имитационных отношений между партиями различных субъектов высказывания, также могут служить примерами подобной экспансии персонажной зоны.

Являясь специфическим окказиональным средством выражения категории локальности и персональности в региональном романе, диалектизмы также участвуют в экспликации точки зрения персонажа, способствуя тем самым партитурному прочтению художественного произведения.

Библиографический список

1. Падучева, Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М., 2010.
2. Jahn, M. Narratology: A Guide to the Theory of Narrative. University of Cologne, 2005. [Э/п]. – П/д: <http://www.uni-koeln.de/~ame02/pppn.htm/>
3. Валентинова, О.И. Семиотика полифонии: монография. – М., 2005.
4. Гальперин, И.Р. Грамматические категории текста (опыт обобщения) // Известия Академии наук СССР. – М., 1977. – Т. 36. – № 6. – Сер. литературы и языка.
5. Шмид, В. Нарратология. – М., 2003.
6. Fludernik, M. The Fictions of Language and the Languages of Fiction. Adobe eReader Format. – London, New York, 2005.
7. Яковлева, М.А. Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
8. Hardy, Th. Under The Greenwood Tree [Э/п]. – П/д: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2662>
9. Hardy, Th. Tess of the D'Urbervilles. – Moscow, 1950.

10. Амвросова, С.В. Языковые средства полифонии в художественном тексте (на материале английских романов 20 века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984.
11. Hardy, Th. The Mayor of Casterbridge [Э/р]. – Р/д: <http://www.gutenberg.org/ebooks/143>
12. Bennett, A. Clayhanger [Э/р]. – Р/д: <http://www.gutenberg.org/ebooks/21249>
13. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М., 1975.
14. Sweet, Henry. The Student's Dictionary of Anglo-Saxon. – Oxford, 1897.
15. Сквородников, А.П. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. – 1980. – № 5.
16. Hardy, Th. The Return of the Native [Э/р]. – Р/д: <http://www.gutenberg.org/ebooks/122>
17. Гарди, Т. Возвращение на родину / пер. О. Холмской // Гарди Томас. Избранные произведения: в 3 т. – М., 1989. – Т. 1.
18. Савина, А.А. О неконвенциональных способах выражения художественного времени и пространства (на материале английского регионального романа) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск. – 2009. – № 17(155).
19. Прянишникова, А.Д. О композиционной функции партитурности // Филологические науки. – 1983. – № 2.

Bibliography

1. Paducheva, E.V. Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazihke. Semantika narrativa. – М., 2010.
2. Jahn, M. Narratology: A Guide to the Theory of Narrative. University of Cologne, 2005. [Eh/r]. – Р/д: <http://www.uni-koeln.de/~ame02/pppn.htm>
3. Valentinova, O.I. Semiotika polifonii: monografiya. – М., 2005.
4. Galjperin, I.R. Grammaticheskie kategorii teksta (opiht obobtheniya) // Izvestiya Akademii nauk SSSR. – М., 1977. – Т. 36. – № 6. – Ser. literaturih i yazihka.
5. Schmid, V. Narratologiya. – М., 2003.
6. Fludernik, M. The Fictions of Language and the Languages of Fiction. Adobe eReader Format. – London, New York, 2005.
7. Yakovleva, M.A. Kompensaciya pri peredache stilisticheski snizhennikh vihkazhvanij na raznikh urovnyakh teksta: dis. ... kand. filol. nauk. – М., 2008.
8. Hardy, Th. Under The Greenwood Tree [Eh/r]. – Р/д: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2662>
9. Hardy, Th. Tess of the D'Urbervilles. – Moscow, 1950.
10. Amvrosova, S.V. Yazihkovihe sredstva polifonii v khudozhestvennom tekste (na materiale angliyskikh romanov 20 veka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – М., 1984.
11. Hardy, Th. The Mayor of Casterbridge [Eh/r]. – Р/д: <http://www.gutenberg.org/ebooks/143>
12. Bennett, A. Clayhanger [Eh/r]. – Р/д: <http://www.gutenberg.org/ebooks/21249>
13. Bakhtin, M.M. Voprosih literaturih i ehstetiki. Issledovaniya raznikh let. – М., 1975.
14. Sweet, Henry. The Student's Dictionary of Anglo-Saxon. – Oxford, 1897.
15. Skovorodnikov, A.P. O funkciyakh parcelyacii v sovremennom russkom literaturnom yazihke // Russkiy yazihk v shkole. – 1980. – № 5.
16. Hardy, Th. The Return of the Native [Eh/r]. – Р/д: <http://www.gutenberg.org/ebooks/122>
17. Gardi, T. Vozvrashenie na rodinu / per. O. Kholmsoy // Gardi Tomas. Izbrannihe proizvedeniya: v 3 t. – М., 1989. – Т. 1.
18. Savina, A.A. O nekonvencionalnihkh sposobakh vihrasheniya khudozhestvennogo vremeni i prostranstva (na materiale angliyskogo regional'nogo romana) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskuststvovedenie. – Chelyabinsk. – 2009. – № 17(155).
19. Pryanishnikova, A.D. O kompozitsionnoy funktsii partiturnosti // Filologicheskie nauki. – 1983. – № 2.

Статья поступила в редакцию 10.03.14

УДК 808

Toujani Bader. AN APPROACH TO THE FORMATION OF SOCIOCULTURAL COMPETENCE AS A LINGUODIDACTIC PROBLEM. The article focuses on the synergetic approach to the formation of sociocultural competence of foreign students in Russian. This approach involves the integration of sociocultural, linguistic and pragmalinguistic communicative potential for achieving success in work with mass-media texts.

Key words: synergetic, synergetic approach, sociocultural competence, linguistic potential, pragmalinguistic potential, foreign students.

Бадер Тужани, аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, E-mail: badertoujani@gmail.com

О ПОДХОДЕ К ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК К ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ ЗАДАЧЕ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Статья посвящена синергетическому подходу к формированию социокультурной компетенции иностранных студентов на русском языке. Этот подход предполагает интегрирование социокультурного, лингвистического и прагматического потенциала для достижения коммуникативной успешности в работе с текстами СМИ.

Ключевые слова: синергетика, синергетический подход, социокультурная компетенция, лингвистический потенциал, прагматический потенциал, иностранные студенты.

Сейчас оформляется и развивается новое направление в лингводидактике – медиадидактика. Появление такого направления закономерно. Под этим понимается «технология использования СМИ в обучении, прежде всего – иностранных студентов» [1].

Современная медиадидактика во многом опирается на текст как коммуникативный продукт, создаваемый в процессе человеческого общения. При обучении русскому языку как иностранному проблемой является оптимизация использования текстов СМИ (в широком смысле) в качестве средства системного формирования различных видов коммуникативной компетенции.

Проблема эта многообразна – её составляют более частные дидактические и лингвистические вопросы.

Коммуникативная компетенция как способность к успешной деятельности общения в различных формах является системным феноменом, требующим синтеза нескольких компетенций, важнейшими из которых являются: социокультурная компетенция (СКК); лингвистическая (языковая) компетенция (ЯК); прагматическая (или прагматическая) компетенция (ПК).

Центральный аспект нашего предмета исследования – социокультурная компетенция – формируется, такими дисциплинами, как страноведение, лингвострановедение, лингвокультурология.

Поскольку существуют различные определения лингвистической (языковой) компетенции, мы придерживаемся позиции А.Н. Щукина, который считает, что лингвистическая компетенция: «... означает совокупность знаний о системе языка, о правилах функционирования единиц языка в речи и способность пользоваться этой системой для понимания чужих мыслей и выражения собственных суждений в устной и письменной форме. По Н. Хомскому, такая компетенция проявляется в способности понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соединения между собой» [2, с. 143]. К определению прагматической компетенции также существуют различные подходы. Мы придерживаемся позиции, сформулированной Н.И. Формановской: «Прагматическим пространством языка образно назовём ту обширную зону, где язык фиксирует многообразные отношения говорящего к действительности, и пользующийся языком в процессе коммуникативной деятельности а) называет, б) указывает, в) выражает эти отношения, а адресат воспринимает и истолковывает эти смыслы» [3, с. 9].

Существенным фактором языковой (лингвистической) компетенции, определяющим успешность текстовой деятельности субъекта, с точки зрения медиадидактики, является зрелое оперирование такими единицами и явлениями языка, как:

- лексико-фразеологические единицы;
- синтаксические структуры;
- устойчивые выражения и логосистемы;
- прецедентные тексты;
- референция и дейксис;
- интертекстуальные связи.

Наконец, показателем сформированности прагматической компетенции является умение определить в воспринимаемом тексте или выразить в продуцируемом тексте такие его показатели, как:

- цель коммуникативного продукта (интенция текста);
- адресат текста;
- модус текста (отношение реципиента к тексту).

Формирование ССК в рамках медиадидактики предполагает обучение студентов-иностранцев пониманию современных реалий, констант русской культуры и общественных отношений при восприятии и интериоризации содержания медиатекстов. Синергетический подход должен обеспечить необходимую глубину интерпретации медиатекста в интеграции с лингвистической и прагматической компетенций [4].

Каждая из компетенций, формирующих коммуникативную компетенцию, характеризуется наличием определённого когнитивного потенциала. Предлагая использовать принципы медиадидактики для решения задач методики обучения русскому языку как иностранному, мы хотим обнаружить и продемонстрировать возможности синергетического синтеза указанного потенциала для достижения студентом требуемого уровня коммуникативной компетенции.

Синергетика – в переводе с древнегреческого совместное действие «соучастие». Под синергетикой (чаще всего говорят о синергетическом подходе) понимают междисциплинарное направление научных исследований. «Суть синергетического подхода в том, что сложноорганизованные системы, состоящие из разнородных элементов, которые находятся в сложных взаимодействиях друг с другом, могут быть описаны некоторым небольшим числом существенных типов каждой из подсистем, а все остальные типы оказываются «подчиненными» (принцип подчинения) и могут быть достаточно точно выражены через параметры системной координации некоторых сущностей» [5].

Синергетический подход применительно к лингводидактическим учебным действиям с медиатекстами с целью формирования социокультурной компетенции основывается на следующих базовых положениях:

1. Коммуникативную компетенцию (КК) следует понимать как функциональную синергетику социокультурной компетенции (СКК), языковой компетенции (ЯК) и прагматической компетенции.
2. При лингводидактическом использовании медиатекста как средства формирования и расширения СКК необходима системная координация различных аспектов СКК с другими видами КК при обучении иностранцев русскому языку, которое рассматривается как система методических действий.

3. Оптимальная координация СКК с другими аспектами КК, особенно с ЯК, позволяет достичь необходимого уровня коммуникативной успешности и полноты КК как показателя результата обучения.

Для создания полноценной научно-методической картины, оптимально и наглядно представляющей возможности синергетического подхода к формированию СКК, принципиально значимо системно и в четкой логической последовательности выстраивать этапы и целеустановку исследовательских поступков, к числу которых относим следующие действия:

1. Уточнение лингводидактических и куррикулярных целей работы.
2. Определение системы когнитивных компетенций, на которых базируется анализ и описание объекта.
3. Отбор и определение лингвистических характеристик текстов, релевантных для объекта исследования.
4. Отбор и обработка репрезентативного корпуса медиатекстов для анализа и описания.
5. Определение системы учебных действий для достижения заданного уровня коммуникативных компетенций.
6. Описание обработанного корпуса медиатекстов и подготовка итоговых учебно-методических моделей использования потенциала отобранных типов медиатекстов при обучении РККИ.
7. Определение вариантов верификации итоговой модели предмета исследования.

- сравнительная оценка модельных параметров;
- пилотажный обучающий эксперимент.

Говоря о содержательном, действенном наполнении сформулированных исследовательских и учебно-методических действий, мы имеем в виду следующее.

Прежде всего, необходимо тщательно продумать способ предъявления студенту-иностранцу предварительного фоновое знания по тематике текста (или по тематически связанной подборке текстов), объём, характер и содержание этой предварительной информации, содержание. Предварительное фоновое знание, если это позволяет уровень подготовки студентов, предлагается студенту на русском языке, но может использоваться и родной язык студента или язык-посредник.

До предъявления текста должна проводиться его обработка с целью выделения лексических и лексико-фразеологических опорных точек. Выделение опорных точек может производиться различными техническими средствами, в том числе с помощью компьютерных программ, обучающих дискурсно-текстовой связи.

В тексте интервью с дирижёром В. Федосеевым имеются наглядные примеры дискурсно-текстовых связей:

(1) 1 – С чего всё начиналось, Владимир Иванович

2 – С радио в осаждённом Ленинграде

(2) 1 – В Ленинградской консерватории не было дирижёрского факультета, и я приехал в Москву, в Институт имени Гнесиных

2 – И в Москве стали руководителем оркестра народных институтов?

3 – Да, руководил 15 лет

(3) 1 – Как ни странно, стать дирижёром в России мне помогло приглашение на запад

2 – В Вену?

3 – Да

Во всех примерах используется эстафетный подхват реплик, а в репликах (2) и (3) примера 2 используется приём отраженной речи (эхо-высказывания). Кроме того, в примерах 2 и 3 дискурсная связь оформляется на основе антиципации (реплики 2 и 3 в примере 2) и с использованием уточняющего вопроса на основе фоновое знания (реплика 2 в примере 3) [6; 7].

Предтекстовое снятие различных языковых трудностей и их семантизация представляет собой традиционный методический приём, но современная методика требует делать эту работу максимально эвристической, мобилизуя уже имеющиеся когнитивные возможности студента.

В упомянутом выше интервью имеется интересный пример потенциальной возможности использования эвристической догадки. В. Федосеев говорит о том, как он слушал музыку по «радиотарелке». Такой реалии студент наверняка не знает, но с помощью преподавателем он может быть подведён к пониманию значения этого слова. В статье «Российской газеты» имеется заголовок «Ресурсы для Земства» с подзаголовком «Началось обсуждение реформы местного самоуправления» [8]. Уже забытое понятие «земство» в последнее время всё чаще появляется в русской публицистике. Студенту нужно помочь по контексту приблизиться к пониманию смысла этого понятия, а

затем преподаватель должен дать точное энциклопедическое определение этого явления российской политической культуры.

Различные формы презентации текста осуществляются с учётом особенностей медиатекста. Здесь проблемой является координация индивидуальной и групповой работы учащихся – вопрос малоработанный в медиадидактике. Основные преимущества работы в группе сводятся к следующим моментам:

1. Развиваются навыки устного интерактивного общения.
2. Отрабатываются умения вести аргументативный дискурс, закрепляются фреймы дискурсных стратегий и тактик.
3. Расширяются возможности использования ролевых игр.
4. Использование такой коммуникативной формы, как полилог, позволяет организовать «коалиционные коммуникативные игры», в которых участник может выражать индивидуальный коммуникативный модус.

Важнейшей методической задачей является обучение пониманию значения и смысла языковых выражений.

Библиографический список

1. Онкович, А. Медиадидактика. Масс-медиа в учебном процессе по русскому языку как иностранному. – Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2013.
2. Шукин, А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для вузов. – М., 2003.
3. Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М., 2007.
4. Степанов, Ю. Константы: словарь русской культуры. – М., 2004.
5. Князева, Е.Н. Синергетика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009 [Э/р]. – Р/д: http://epistemology_of_science.academic.ru/726/синергетика
6. Анненкова, Е.А. О компьютерном описании синтаксических связей. Проблема формализации лингвистических знаний: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004.
7. Известия, 3 февраля 2014 г. w18 (2018).
8. Российская газета, 18 декабря 2013, w285 (6261).

Bibliography

1. Onkovich, A. Mediadidaktika. Mass-media v uchebnom processe po russkomu yazhku kak inostrannomu. – Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2013.
2. Thukin, A.N. Metodika prepodavaniya russkogo yazhka kak inostrannogo: uchebnoe posobie dlya vuzov. – M., 2003.
3. Formanovskaya, N.I. Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikaciya i pragmatika. – M., 2007.
4. Stepanov, Yu. Konstanti: slovarj russkoj kuljturih. – M., 2004.
5. Knyazeva, E.N. Sinergetika // Ehnciklopediya ehpiistemologii i filosofii nauki. M., 2009 [Eh/r]. – R/d: http://epistemology_of_science.academic.ru/726/sinergetika
6. Annenkova, E.A. O kompjuuternom opisanii sintaksicheskikh svyazeyj. Problema formalizacii lingvisticheskikh znaniy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Rostov-na-Donu, 2004.
7. Izvestiya, 3 fevralya 2014 g. w18 (2018).
8. Rossijskaya gazeta, 18 dekabrya 2013, w285 (6261).

Статья поступила в редакцию 12.03.14

УДК 894.321 (092)

Urazmanova E.Sh. THE MAIN PERIODS OF SCIENTIFIC RESEARCH AND LITERARY ACTIVITY OF A.M. SHARIPOV. This article is dedicated to the periods of research and literary activity of A.M. Sharipov. The paper shows the role and important contribution of this scientist, poet and writer to the development of science and literature of the Republic of Tatarstan.

Key words: research and literary activity, Tatar literature, Kazan period, Elabuga and Chelny's period, genres.

Э.Ш. Уразманова, соискатель Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, ассистент каф. ИЯПК Казанского Национального Исследовательского Технологического Университета, г. Казань, E-mail: elmirochka.86@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО И ПИСАТЕЛЯ А.М. ШАРИПОВА

Статья посвящена основным этапам исследовательской и литературной деятельности А. Шарипова. В статье отражена роль и весомый вклад ученого, поэта и писателя в развитие татарской науки и литературы.

Ключевые слова: исследовательская и литературная деятельность, татарская литература, казанский этап, елабужско-челнинский этап, жанры.

Татарская общественность знает Анвара Шарипова прежде всего как ученого, знатока истории татарской литературы, и педагога. Однако деятельность доктора филологических наук,

профессора А.М. Шарипова не ограничивается только этим: она очень многогранна. А.М. Шарипов является доктором филологических наук¹, профессором², литературоведом, текстологом,

¹ Докторская диссертация защищена по теме «Система стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе VIII-XIV вв. (зарождение, становление и функционирование)» в 2001 г.

² Ученое звание «профессор» присуждено в 2005 г.

³ А.М. Шарипов принят в Союз писателей РТ в 2001 г.

⁴ А.М. Шарипову присуждено звание «Заслуженного учителя Республики Татарстан» в 2005 г.

поэтом, писателем³, литературным критиком, публицистом, переводчиком и педагогом⁴. Его разносторонняя деятельность принесла весомый вклад в татарскую литературу и науку, и стала, своего рода, наследием для последующего поколения.

В творчестве ученого можно выделить два больших этапа: казанский этап научно-исследовательской деятельности (1968-1978 гг.), и елабужско-челнинский этап (с 1978 г. по настоящее время).

Казанский этап деятельности ученого является продолжением раннего периода литературного творчества, и в то же время – одним из важнейших периодов его плодотворной деятельности в области текстологии и истории татарской средневековой литературы. А.М. Шарипов изучал и активно работал над темой о творческом наследии одного из неисследованных средневековых татарских поэтов XVIII-XIX веков – Габдурахима Утыз-Имьяни аль-Булгари (1752-1836). В ряде работ впервые были подвергнуты текстологическому исследованию древние рукописные произведения поэта, которыми автор работал в архивах разных городов России, и которые он искал в родных краях Утыз-Имьяни: первично были протранскрибированы стихотворные тексты, сопоставлена каждая строка различных списков одного и того же произведения, составлены подстрочные переложения текстов на современный татарский литературный язык, и написаны комментарии к этим текстам. Подавляющее большинство рукописных текстов было введено в научный оборот впервые. Итогом такой трудоемкой работы исследователя стала защита кандидатской диссертации «Творческое наследие Абдурахима Утыз Имьяни и светские мотивы в его поэзии» в 1973 году [1] и, на основе диссертации, выход в свет крупного сборника сочинений Г.Утыз Имьяни под названием «Стихотворения, поэмы» [2].

С 1978 года начинается второй этап научно-исследовательской и литературной деятельности А.М. Шарипова, сконцентрированный в городах Елабуга и Набережные Челны. После переезда из Казани в Елабугу ученый лишился возможности заниматься текстологией, поскольку все рукописные фонды остались в Казани. Но это не помешало Шарипову осуществить задуманное: еще в 1960-х годах, интересуясь творчеством Кул Шарифа, ученый решил вернуть татарскому народу творческое наследие знаменитого имама и поэта эпохи казанского ханства. А. Шарипов подверг тщательному текстологическому исследованию рукописные произведения поэта, составил их подстрочные переложения на современный татарский язык, и написал комментарии к этим стихам. Итогом этой работы стал выпуск в 1997 году сборника Кул Шарифа «Жизнь жестока, но прекрасна... Газели, кисса» [3]. Следует отметить, что до А.М. Шарипова творчество этого выдающегося поэта было неисследованным, и этот сборник явился первым в истории татарской литературы изданием, в которое вошли стихотворения Кул Шарифа.

Этот этап примечателен также тем, что ученый занялся изучением средневековых тюрко-татарских стихотворных жанров,

и, как результат долгой и кропотливой работы, в 2001 году А.М. Шарипов защитил докторскую диссертацию «Система стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе VIII-XIV вв.: зарождение, становление и функционирование» [4] и опубликовал монографию «Зарождение и становление системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе (VIII-XIV вв.)» [5], знакомящую читателей со стихотворным творчеством древних тюрко-татарских поэтов, которая используется в вузах как учебник для студентов-филологов.

Велика заслуга А.М. Шарипова и в том, что до этого в татарском литературоведении не было трудов, посвященных возникновению стихотворных жанров, их формированию и процессам роста, развития и изменения по древнетюркскому периоду. В этой монографии исследуются особенности системы стихотворных жанров и жанровых форм средневековой татарской литературы, которые рассматриваются в историческом плане: их зарождение в устном народном творчестве, их формирование в творчестве древнетюркских поэтов и их дальнейшее функционирование в средневековой тюрко-татарской письменной литературе. Также освещается история формирования таких жанров, как газель, касыда, рубаи, туюг, месневи, кытга, фард, наме, муназаре и другие, которые рассматриваются в качестве элементов поэтической жанровой системы. Этот научный труд был оценен специалистами как новое слово во всей тюркологической науке.

Анвар Шарипов всегда был неравнодушен к литературе, к которой его тянуло с детства. Однако в послевоенной татарской деревне, в условиях полуголодной жизни было не до литературного творчества [6, с. 7], – говорит сам ученый.

Основным кредо поэзии А.М. Шарипова является любовь к жизни и своему народу. В его поэзии, которая отличается искренностью и лирико-эмоциональным началом, воспеваются любовь к родителям («Мама»), родному языку («Родной язык»), татарскому народу («Моему народу»), своей возлюбленной («Кто ты, моя незнакомка?», «Ты не знаешь», «Файрузе»), своей профессии («Я – учитель!»), великим личностям и современникам О. Бальзаку, Г. Тукаю, М. Бакирову, Ф. Шаеху и др. («Ладно хоть Тукай не женился», «Лев науки»). В своей поэзии А. Шарипов не оперирует сложными образами, всегда старается передать свои мысли, личные чувства и переживания. Также он является автором текстов многих песен, рассказов и очерков. Его многочисленные стихотворения вошли в сборники «Кто ты, моя незнакомка?» (2006) [7] и «Остановись, время!» (2013) [8].

А. Шарипов является новатором и не ограничивается деятельностью только в одном направлении, что говорит о многогранности его таланта. Он занимает свою значимую нишу в области истории татарской литературы, поэзии и образования республики и, несомненно, является видным ученым и известным поэтом-писателем, обладающим глубокими знаниями, и имеющим свою концепцию, свои взгляды по многим направлениям.

Библиографический список

1. Шарипов, А.М. Творческое наследие Абдурахима Утыз Имьяни и светские мотивы в его поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1973.
2. Утыз Имьяни аль-Булгари, Г. Стихи, поэмы (на татар. яз.) / сост., первич. транскрибир. текстов, автор введ. статьи и коммент. к текстам – А.М. Шарипов. – Казань, 1986.
3. Шариф, К. Жизнь жестока, но прекрасна... (Газели, кисса) (на татар. яз.) / сост., первич. транскрибир. текстов, автор введ. статьи и коммент. к текстам А.М. Шарипов. – Казань, 1997.
4. Шарипов, А.М. Система стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе VIII-XIV вв.: Зарождение, становление и функционирование: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Казань, 2001.
5. Шарипов, А.М. Зарождение и становление системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе (VIII-XIV вв.). – Казань, 2001.
6. Беседа с доктором филологических наук, профессором А.М. Шариповым (беседовал В.Б. Туплинский) // Вестник Набережночелнинского Государственного педагогического института: сб. научно-методич. трудов. – 2011. – Вып. 21.
7. Шарипов, А.М. Кто ты, моя незнакомка: стихи, поэма, песни. – Казань, 2006.
8. Шарипов, А.М. Остановись, время!: стихотворения, поэма, песни. – Казань, 2013.

Bibliography

1. Sharipov, A.M. Tvorcheskoe nasledie Abdurakhima Utihz Imyani i svetskie motivy v ego poehzii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Kazanj, 1973.
2. Utihz Imyani alj-Bulgari, G. Stikhi, poehmih (na tatar. yaz.) / sost., pervich. transkribir. tekstov, avtor vvod.statij i komment. k tekstam – A.M. Sharipov. – Kazanj, 1986.
3. Sharif, K. Zhiznj zhestoka, no prekrasna... (Gazeli, kissa) (na tatar. yaz.) / sost., pervich. transkribir. tekstov, avtor vvod. statij i komment. k tekstam A.M. Sharipov. – Kazanj, 1997.
4. Sharipov, A.M. Sistema stikhotvornihkh zhanrov v drevnetyurkskoj i tyurko-tatarskoj literature VIII-XIV vv.: Zarozhdenie, stanovlenie i funkcionirovanie: avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk. – Kazanj, 2001.
5. Sharipov, A.M. Zarozhdenie i stanovlenie sistemih stikhotvornihkh zhanrov v drevnetyurkskoj i tyurko-tatarskoj literature (VIII-XIV vv.). – Kazanj, 2001.

6. Beseda s doktorom filologicheskikh nauk, professorom A.M. Sharipovim (besedoval V.B. Tulvinskiy) // Vestnik Naberezhnochelninskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta: sb. nauchno-metodich. trudov. – 2011. – Vihp. 21.
7. Sharipov, A.M. Kto tih, moya neznakomka: stikhi, poehma, pesni. – Kazanj, 2006.
8. Sharipov, A.M. Ostanovisj, vremya!: stikhotvoreniya, poehma, pesni. – Kazanj, 2013.

Статья поступила в редакцию 12.03.14

УДК 811.11

Cherepanova Ye. A. THE SEMANTIC COMPONENT OF DONATIVE ACTION “RELEASE” IN GERMAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS. The present article considers the semantic component of donative action “release” in German language consciousness. In this work the analysis of the factual language and the verbal systems foregrounding release is carried out to determine the interrelation of this action with the key concepts of German linguistic culture.

Key words: donative action, subject and object interaction, release, semantic component language consciousness.

Е.А. Черепанова, ст. преп. каф. иностранных языков Горно-Алтайского гос. университета, г. Горно-Алтайск, E-mail: ekaterinacherepanova@rambler.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ «ОСВОБОЖДЕНИЕ» ДОНАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ*

Настоящая статья рассматривает семантический компонент донативного действия «освобождение» в немецком языковом сознании. В работе проводится анализ фактологии и глагольных лексем, актуализирующих освобождение для установления взаимосвязи данного действия с ключевыми концептами немецкой лингвокультуры.

Ключевые слова: донативное действие, субъектно-объектное взаимодействие, освобождение, семантический компонент, языковое сознание.

Внимание ученых к изучению понятия свободы является вполне обоснованным, поскольку оно неразрывно связано с фундаментальной проблемой обусловленности человеческого поведения: его детерминированности или самоопределения. Понятие свободы является предметом рассмотрения различных отраслей науки: философии, психологии, этики, права, права. Настоящая работа имеет целью установить понятийный потенциал донативного действия через семантический компонент «освобождение», принимая за основу немецкое языковое сознание.

Донативное действие (ДД) это действие, в рамках которого субъект вступает в определенного рода отношения с другими субъектами и/или окружающим миром, что имеет результатом приобретение или утрату субъектом статуса обладателя [1, с. 47].

В ДД «освобождение» разнонаправленность действий заключается в том, что утрата чего-либо обременяющего обуславливает приобретение свободы. Для установления лингвокультурных особенностей семантического компонента «освобождение» необходимо унифицировать значения глагольных лексем. Рассмотрим языковые единицы, семантический потенциал которых, актуализирует ДД с позиции утраты:

befreien – durch Überwinden von Widerständen [gewaltsam] aus Gefangenschaft, einer unangenehmen, schlimmen Lage. herausholen, jmdm. Freiheit verschaffen; befreien = [Freiheit] + [geben] + [jemandem] + [gewaltsam] + [von Gefangenschaft] + [von unangenehmen Lage];

erlösen – jmdn. frei machen (aus einer Notlage, von Schmerzen, innerer Bedrängnis) befreien, erretten; erlösen = [Freiheit] + [geben] + [jemandem] + [von Gefahr] + [von Bedrohung] + [Sünden];

freigeben – jmdn. aus der Haft entlassen; freigeben = [Freiheit] + [geben] + [jemandem] + [von Haft];

freilassen – jmdn. aus der Haft, aus einer Fesselung entlassen; freilassen = [Freiheit] + [jemandem] + [geben] + [Ersperrung];

freistellen – jmdn. aus besonderen Gründen, für bestimmte Zwecke vom Dienst befreien; freistellen = [Freiheit] + [geben] + [jemandem] + [vom Dienst] + [für eine Zeit] + [für einen Zweck];

dispensieren – jmdn. von einer allgemeinen Verpflichtung (für eine bestimmte Zeit) befreien; dispensieren = [Freiheit] + [geben] + [jemandem] + [abweichend von einer Regelung] + [vorübergehend] + [vom Pflicht];

erlassen – jmdn. von einer Verpflichtung befreien, von einer Strafe freistellen; erlassen = [geben] + [Freiheit] + [jemandem] + [von der Strafe] + [von der Pflicht].

Лексемы имеют общие семантические компоненты [geben], [Freiheit], [jemandem], актуализирующие направленность действия, объект и получателя соответственно. Дифференцирующие семы выражают параметры реализации ДД:

1) временные рамки [vorübergehend], [für eine Zeit];

2) степень интенсификации

а) преодоление препятствий: [Gefangenschaft], [Haft], [Ersperrung], [Gefahr], [Bedrohung];

б) отсутствие препятствий [Sünden], [von unangenehmen Lage], [Dienst], [Pflicht], [Strafe];

в) субъектная обусловленность, которая понимается в работе как возможность/невозможность субъекта влиять на реализацию ДД [gewaltsam], [abweichend von einer Regelung].

Менее разнообразен перечень лексем, выражающих освобождение от чего-либо гнетущего и приобретение свободы:

befreien в значении –2. von jmdm., sich, einer Sache etw.

[Störendes, Lästiges] entfernen; befreien = [von etwas Lästiges] + [von etwas Störendes] + [entfernen];

abladen – etwas auf jemanden abladen, jemandem etwas Unangenehmes weitergeben, von etw. frei sein; abladen = [etwas Lästiges] + [geben] + [beim Abladen];

abwerfen – (etw. Lästiges) von sich werfen: d) sich von etw. bedrückendem befreien, abwerfen = [etwas Lästiges] + [geben] + [beim Abwerfen];

freikommen – loskommen (3), loskommen – 3) sich (von etwas) lösen, trennen; freikommen = [von etwas lösen] + [beim Loskommen];

Компоненты, выражающие направленность действия и объект [bekommen] и [Freiheit], являются имплицитными. Дифференцирующие семы эксплицируют:

1) способ утраты некоего обременения: [beim Abladen], [beim Abwerfen], [beim Loskommen];

2) ценностный показатель объекта [etwas Lästiges], [etwas Unangenehmes], [etwas Störendes].

Лингвокультурные закономерности выявленных параметров ДД освобождения в немецком языковом сознании можно установить при обращении к фактологии.

1. Man hat mich gewarnt, es kann unmöglich sein. Aber ich wollte von meiner Krankheit befreit sein [2, с. 98].

2. Wegen guter Führung wurde ihm der Rest der Haftstrafe erlassen [3].

3. Im Verlauf des Kampfes befreiten die Soldaten die Städte und Dörfer [4].

Высказывания 1-3 актуализируют ДД освобождения в физическом и физиологическом пространствах человека. Высказывание (1) выражает нереализованное ДД с позиции приобретения. Модусная часть высказывания «*man hat mich gewarnt*» включает содержание, формирующее знание, позволяет диагностировать повышение интенсификации в реализации ДД (компонент «освобождение»). Высказывание (2) актуализирует ДД с позиции утраты. Повышенная интенсивность ДД обосновывается стрессовыми внешними условиями и, как следствие, максимальными усилиями реализации. В высказывании (3) повышенная интенсификация устанавливается на основе продолжительных предварительных энергетических затрат субъекта, направленных на преодоление препятствий.

ДД в физической и физиологической сферах реализуется как с позиции утраты, так и приобретения и характеризуется повышенной интенсификацией, поскольку физическая дееспособность актуальна для субъекта.

4. *Aber in mir bohrte etwas, das ich selbst zweifelhaft fand und wovon ich loskommen werde* [5, с. 154].

5. *Sie lud ihren Hass ab, und wurde ruhig* [6; с. 63].

Высказывания 4-5 эксплицируют утрату, которая предполагает приобретение свободы. В высказывании (4) в качестве объекта рассматривается лексема *etwas*, которая потенцирует действие освобождения от ощущений неопределенной семантики. Высказывание (5) эксплицирует утрату негативной эмоции (*Hass*) и прогнозирует получение состояния спокойствия.

6. *Werde das aus dem Herzen los! Erlöse davon, was unerträglich ist, wenn du das willst* [5].

7. *Ich wollte nur meinen Sohn von diesen Bedenken befreien* [6, с.158].

Высказывания 6-7 актуализируют семантический компонент «освобождение» в ментальном пространстве с позиции утраты. Объект вновь эксплицируется как нечто неопределенное (*Bedenken*) или негативное (*unerträglich*). Глагольная лексема *wollen* и императивная конструкция, которая выражает характер инструкции, предписания к действию выражают нереализованность ДД. В данном случае ДД «освобождение» характеризуется потенциальностью реализации, так как внутренний мир регулируется в первую очередь его обладателем, и его освобождение при помощи постороннего вмешательства практически невозможно. Компонент «освобождение» ментальном пространстве формируется в процессе осознания некоего бремени и желания лишиться его. Вмешательство во внутренний мир иного субъекта, конечно, возможно, но тогда действие приобретает насильственный характер и является предметом рассмотрения другого семантического компонента ДД.

8. *Er sei froh, dass er sich von seiner Arbeit für zwei Wochen befreie ist, und kann jetzt den Traum verwirklichen* [2].

9. *Sein Chef stellte ihn für den Fortbildungslehrgang frei* [4].

10. *Auf der Universität wird ihm durch ein Dekret das Studium erlassen* [7, с.175].

Высказывания 8-10 актуализируют семантику освобождения в пространстве междисциплинарного взаимодействия с позиции утраты объекта (*Fortbildung*, *Studium*, *Arbeit*). Реализация ДД в данной фактологии характеризуется сниженной степенью ин-

тенсификации в силу его временности и отсутствия необходимости преодолевать препятствия.

В проанализированных высказываниях, актуализирующих ДД «освобождение», объекты утраты и приобретения взаимодействуют как «противоположны в перспективе» [8, с. 104-106]. Утрата объектов негативного или неопределенного характера прогнозирует приобретение ощущения определенности, уверенности, защищенности, отсутствия сомнений в чем-либо. Приобретаемое ощущение безопасности, уверенности, неподверженности ни опасности, ни сомнению рассматривается в рамках ключевой культурной немецкой идеи *Sicherheit*. На этом основании устанавливается взаимосвязь ДД «освобождения» и концепта *Sicherheit*.

На основе рассмотренной фактологии можно сделать вывод о том, что специфика реализации компонента «освобождение» заключается в однонаправленности ДД, когда речь идет об объекте утраты, не обладающим свойством передачи иному субъекту ДД.

Изменение интенсивности определяется: 1) пространством реализации; 2) энергетическими затратами, которые используются в ДД, что характерно для направления утраты.

На основе проведенного анализа фактического материала можно сделать следующее заключение. Немцы стремятся к освобождению, которое заключается в физической дееспособности, отсутствии неопределенности, негативных чувств и эмоций. ДД в компоненте «освобождение» формируется в русле национально-культурной идеи немецкого социума *Ordnung*. Однако, *Ordnung* это не только бытовая упорядоченность, но и духовная категория. Все что не имеет порядка, не имеет правомерности существования [9, с. 421]. Представителям немецкой лингвокультуры необходимо иметь *Ordnung* и жить в мире, где царит *Ordnung*, который может обеспечить внутренний покой. Жизнь в упорядоченных рамках дает возможность иметь ясные отношения как личного, так и профессионального характера. Это дает ему уверенность, а ее отсутствие наоборот, порождает угнетающую неизвестность [10, с. 116-117].

Немецкое языковое сознание оперирует понятием порядка в рамках устойчивого и комфортного состояния личности в его ментальном, физическом и физиологическом пространствах. Наличие преград любого свойства требует интенсификации актуализационных средств, поэтому ДД реализуется по-разному в зависимости от таких параметров как временные рамки и способ изменения статуса объекта (наличие/отсутствие). Анализ фактологии демонстрирует тот факт, что компонент ДД «освобождение» включает в объект утраты ценностный показатель со знаком минус. Реализация такого ДД в дискурсе, с одной стороны, потенцирует появление противоположного объекта, соответствующего концепту *Ordnung*, с другой стороны, нарушает данную концептуальную позицию, что в большей степени происходит в ментальной сфере.

* Статья печатается по итогам реализации гранта, выигранного в конкурсе «Академическая мобильность» в Благотворительном Фонде Михаила Прохорова.

Библиографический список

1. Владимирская, Л.М. Донативное действие и способы его актуализации в современном немецком языке / Л.М. Владимирская, Т.Г. Карпова // Актуальные проблемы гуманитарного знания: материалы региональной научно-практической конференции молодых ученых. – Барнаул, 2004.
2. Pleschinski, H. Bildnis eines Unsichtbaren, Carl Hanser Verlag, München, 2002.
3. DAF Deutsch als Fremdsprache. Wörterbuch. / Office- Bibliothek, Herausgeber: Langenscheidt-Redaktion / Dieter Götz / Günther Haensch.
4. DUDEN Deutsches Universalwörterbuch / / Office- Bibliothek, Herausgeber: Langenscheidt-Redaktion / Dieter Götz / Günther Haensch / 1989.
5. Remarque, E.M. Drei Kameraden, Verlag Kiepenheuer & Witsch, Köln.
6. Grass, G. Im Krebsgang, Steidl Verlag, Göttingen, 2002.
7. Dürrenmatt, F. Der Verdacht, Diogenes, 1950.
8. Владимирская, Л.М. Философско-лингвистический потенциал категории утверждения/отрицания в современном немецком языке. – Барнаул, 1997.
9. Куликова, Л.В. Немецкий менталитет в аспекте национально-культурной семантики языковых единиц // Россия и Запад: диалог культур: сборник четвертой международной конференции. – М., 1998.
10. Вежибицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М., 2001.

Bibliography

1. Vladimirskaia, L.M. Donativnoe deystviye i sposobi ego aktualizatsii v sovremennom nemeckom yazhke / L.M. Vladimirskaia, T.G. Karpova // Aktualniye problemih gumanitarnogo znaniya: materialih regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodikh uchennikh. – Barnaul, 2004.

2. Pleschinski, H. Bildnis eines Unsichtbaren, Carl Hanser Verlag, Munchen, 2002.
3. DAF Deutsch als Fremdsprache. Wörterbuch. / Office- Bibliothek, Herausgeber: Langenscheidt-Redaktion / Dieter Gotz / Gunther Haensch.
4. DUDEN Deutsches Universalwörterbuch / / Office- Bibliothek, Herausgeber: Langenscheidt-Redaktion / Dieter Gotz / Gunther Haensch / 1989.
5. Remarque, E.M. Drei Kameraden, Verlag Kiepenheuer & Witsch, Köln.
6. Grass, G. Im Krebsgang, Steidl Verlag, Göttingen, 2002.
7. Durrenmatt, F. Der Verdacht, Diogenes, 1950.
8. Vladimirovskaya, L.M. Filosofsko-lingvisticheskiy potencial kategorii utverzheniya/otricaniya v sovremennom nemeckom yazhke. – Barnaul, 1997.
9. Kulikova, L.V. Nemeckiy mentalitet v aspekte nacionalno-kulturnoy semantiki yazhkovykh edinic // Rossiya i Zapad: dialog kul'tur: sbornik chetvertoj mezhdunarodnoy konferencii. – M., 1998.
10. Vezhbitskaya, A. Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki. – M., 2001.

Статья поступила в редакцию 18.03.14

УДК 801.001

Stupkina M.V. THE IMPACT OF A STRESSFUL SITUATION ON A PERSON'S SPEECH AND BEHAVIOR (BASED ON DISASTER FILM «UNDERGROUND»). In the article the impact of stress on speech and behavior of a person is studied. The particular interest of the researcher was to conduct an analysis of indicators of changes in the human speech and behavior effected by a stressful situation and the reflection of these concepts in disaster films.

Key words: human speech and behavior, emotional tension, stress, disaster films.

М.В. Ступкина, аспирант ФГБОУ ВПО «Алтайская гос. академия им. В.М. Шукшина»
г. Бийск, E-mail: malitaitai@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СИТУАЦИИ СТРЕССА НА РЕЧЕПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА-КАТАСТРОФЫ «МЕТРО»)

В работе рассматривается влияние стресса на речь и поведение человека. Особый интерес представляет анализ показателей изменений речеповедения под воздействием стрессовой ситуации и отражение данных представлений в фильмах катастрофах.

Ключевые слова: речь и поведение, эмоциональная напряженность, стресс, фильм катастрофа.

При лаборатории антропоцентрической типологии разрабатывается тема, связанная с исследованием речи носителей разных языков в стрессовой ситуации, например, во время проведения экзаменов, открытых занятий, неблагоприятных сообщений и т.д. Руководитель темы доктор филологических наук, профессор Е.Б. Трофимова (Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина).

Данная статья посвящена исследованию отражения представлений о речи и поведении человека в стрессовых ситуациях в фильмах катастрофах. Наряду с исследованием речи и поведения в неблагоприятных условиях в работе рассматривается отражение представлений о речи и поведении человека в стрессовой ситуации в фильмах катастрофах.

Актуальность работы объясняется необходимостью изучения влияния стрессовой ситуации на речеповедение человека. Исследования в данном направлении, с одной стороны интересны, поскольку отражают взаимосвязь языка и сознания, а с другой важны, так как в настоящее время человек постоянно находится под давлением стрессоров.

В работе была поставлена задача выявить влияние ситуации стресса на речеповедение и определить, насколько в фильмах-катастрофах представлено данное явление. Таким образом, в этом случае исследуется метаязыковое сознание создателей фильма. В качестве материала исследования использованы языковые и поведенческие проявления стрессовых ситуаций в российском фильме-катастрофе «Метро» 2013 года. В работе мы опираемся на следующие методы:

- ретроспективный анализ научной литературы по данной проблематике;
- метод интроспекции: собственная оценка речеповедения человека в стрессовых ситуациях, представленного в фильмах катастрофах;
- анализ речеповедения человека в стрессовых ситуациях, представленного в фильмах катастрофах.

Установление связи между речеповедением человека и его мышлением издавна было одной из фундаментальных задач исследователей. Ее решением занимались и занимаются психологи, лингвисты, нейрофизиологи. В последнее время явно ощущается заинтересованность специалистов в изучении речи в ситуации стресса. Экстремальная стрессовая ситуация заставляет мышление работать в непривычном для него режиме

[1], это и привлекает ученых разных отраслей; для лингвистов наиболее значимым здесь является процесс спонтанного речеповедения.

Известный отечественный психолог В.М. Аллахвердов отмечает, что мозг человека может работать в трех разных режимах. Выполнение привычных, не требующих осмысления действий; необходимость обработки новой информации; и, наконец, нарушение причинно-следственных связей, когда сознание не знает решения данной ситуации [1]. Автор для последнего случая ввел термин «закон разрыва шаблона», где «нарушение ситуативной закономерности ведет к разрушению привычных схем поведения, к затруднению в принятии самых простых решений, вызывает сбой в поведении и хаотические попытки избавиться от навязанной ситуацией закономерности» [1, с. 329].

Психологи утверждают, что в стрессовых ситуациях «у многих людей наблюдаются единичные зрительные, слуховые и другие обманы восприятия окружающего, тревожное фантазирование, искажение образов и содержания воспоминаний, бессвязность мыслей и речи, доминирующие и сверхценные мысли, неадекватные обстоятельствам, ошибочные суждения, паралогичные умозаключения, повышенная внушаемость и самовнушаемость, кратковременные навязчивости и фобии, снижение сообразительности, понимания ситуации, апатия, падение уровня правильной ориентировки, фрустрации и отчаяния» [2, с. 227].

При стрессе у людей изменяется не только характер физиологической и психологической активности, но и показатели активности общения. С.Н. Подвигин предполагает, что темп речи в ситуации эмоционального напряжения будет увеличиваться [3]. Речь становится напряженной, значительное место в ней начинают занимать междометия. Наблюдаются повторы. Под воздействием стресса в речи увеличивается однообразие лексики, происходит стереотипизация, упрощение, увеличивается количество ошибок, сообщение приобретает характер размытости и нецелостности [3], что, по нашему мнению, является следствием дестабилизации сознания. Выражение страха характеризуется, по мнению Р.К. Потаповой, большей скоростью артикуляции [4]. Относительно невербалики следует отметить, что речь часто сопровождается хаотичными и бесцельными движениями, активной жестикуляцией, активизацией кистей рук, манипулированием предметами. Изменяется интенсивность голо-

са: он становится более высоким.

Общезвестно, что в речеповедении отражается одна из высших психических функций человека. «Речь существует одновременно как набор символов в их допустимых сочетаниях и как отражение в мозге этих же символов и правил, определяющих их сочетаемость» [5, с. 357].

Нейрофизиологический субстрат речи имеет сложное строение. Х. Джексон полагает, что в «продукцию значимой речи должны вовлекаться затылочная, височная, теменная, лобная доли. В норме доминирует новая, корковая система, тогда как при стрессе старая лимбическая может восстанавливать свое преимущество, что объясняет специфические изменения речи; при этом преобладают междометия и затруднена грамматически правильная речь» [5, с. 84].

Прежде чем сделать анализ влияния стресса на речеповедение человека, мы были вынуждены обратиться к сюжету фильма. В «Метро» рассматривались стрессовые ситуации, в которых у человека нет времени на обдумывание своего поведения и слов.

Сюжет основан на изображении катастрофы с большим количеством людей разного пола и возраста, с различной стрессоустойчивостью. В «Метро» герои сталкиваются сразу с несколькими экстремальными и психологическими ситуациями. Первая из них – само крушение поезда. В подземке происходит затопление, и движущиеся вагоны на всей скорости входят в воду, в фильме происходит замедление, автор показывает лицо каждого потерпевшего, побледневшие, искривленные, люди пытаются ухватиться хоть за что-нибудь, дабы не упасть, хватаясь даже за галстуки, владельцы которых задыхаются. В глазах пустота и ужас, движение губ указывает на крики, но зритель их не слышит, обрисовывается ситуация невозможности быстрого реагирования сознания, это ситуация является неожиданной и мозг не способен дать сигнал к правильному речеповедению, таким образом режиссер сразу демонстрирует нам панику, ту реакцию человека на стресс, когда проявляется абсолютная невозможность контроля над происходящим, когда ситуация полностью не соответствует любым вариантам жизни существующие в сознании каждого. Режиссеру и актерам удается продемонстрировать полную безотчетность действий героев, через ошеломление, крики: «Ой, мамочка спаси» повторяет несколько раз женщина со слезами. Везде слышно: «Ой», «Ай», «Ах». Люди лишены разума и понимания происходящего, закрывают руками глаза и рот, одни, не желая осознавать ситуацию, другие, сдерживая свой ужас от происходящего. Таким образом, по видимому, демонстрируется невозможность речепроизведения, неспособность правильного «речереагирования». Одна женщина бессмысленно бьет сумкой в окно, долго и непрерывно. В данной стрессовой ситуации мы видим описанные выше «симптомы». Это и использование междометий, напряжение и затруднение речи, хаотичность и бесцельность движений.

Далее для одного из главных героев сразу же следует вторая стрессовая ситуация: во всей этой куче тел и кричащих людей он не видит свою дочь-школьницу, но ее отсутствие он ощутил не сразу, спустя лишь несколько секунд после останки поезда, что еще раз подтверждает существование феномена разрыва шаблона. Отец ищет ее по вагону, но так как это не сразу увенчивается успехом, у него накапывают слезы и он начинает шепотом, с напряжением речи, произносить ее имя. Один мужчина находится в полном шоке, ошеломлении, продолжая курить сигарету, видимо которую курил еще до крушения, другой спрашивает, что случилось и предлагает варианты с увеличенной скоростью артикуляции, произнося нечетко: «Нас взорвали?» «Террористы?» здесь мозг начинает реагировать

хоть на что-то. Люди пытаются спастись, выкарабкиваясь из своего вагона, в панике, в давке и с криками, не думая о том, что может произойти при соединении воды и электричества, совершая бесцельные поступки. Парень в вагоне с криками, чтобы ему освободили дорогу, бьет всех вокруг: демонстрируется проявление агрессивного речеповедения как реакция на стрессовую ситуацию.

После того, как главный герой находит дочь, она смотрит на него с широко открытыми глазами, зрачки расширены, взгляд неподвижен, дыхание учащено. Она спрашивает отца: «Пап, я что сегодня в школу не пойду?» для ребенка, изменение каждодневного расписания является дестабилизацией его сознания.

Герои фильма, оставшись всемером, все же решили выбраться из подземки. Но, несмотря на то, что они все еще находятся под влиянием данной экстремальной ситуации, их еще ждут стрессы. Что бы спастись от надвигающейся воды с поездом, им нужно было укрыться в отсеке туннеля, и здесь режиссер демонстрирует нам неправильность суждения под воздействием стрессора. Один из героев отказывается прятаться, так как уверен, что просто нужно убежать от воды, в итоге он погибает. На спасшихся накатывается новая волна страха, проявляющаяся в падении уровня правильной ориентировки, и отчаянии, они кричат, зывая к Богу: «Ой, Господи!», здесь наблюдаются повторы и употребление междометий. Главный герой, беря себя в руки, просит всех успокоиться, это не срабатывает, и он, постоянно повторяя, в приказном тоне, повышая голос, используя разную семантику: «Успокойтесь!», «Тихо!», «Молчать!», наваливает крики: подчеркивается, что в стрессовой ситуации человек не сразу может понять, что ему говорят.

Таким образом в этой стрессовой ситуации мы видим такие реакции на стресс, как затруднение принятия самых простых решений, ошибочные суждения, снижение сообразительности, дезориентировка, изменение интенсивности голоса, повторы, использование междометий.

Тем временем жена главного героя узнает, где они находятся, и направляется к люку с государственными работниками. После обнаружения их отсутствия в данном месте, она в абсолютной фрустрации делает шаг в этот люк, но ее успевают поймать. Как известно суицидальные желания часто встречаются в работах психологов как реакция на стресс.

В результате наши герои спасаются самостоятельно.

Проанализировав все стрессовые ситуации в фильме можно сказать, что самыми страшными для людей, конечно же, являются ситуации, которые характеризуются нарушением причинно-следственных связей, когда сознание не знает решения ситуации. Самыми распространенными реакциями на стресс в данном фильме являются: напряженность речи, широкое использование междометий, крики, паника, фрустрация, ошибочные суждения, ошеломление с потерей голоса. В тоже время не было продемонстрировано, неправильное использование грамматики, но упрощение речи и увеличение скорости артикуляции в фильме прослеживалось, герои не строили сложных длинных предложений и вместо описания, например, места куда им нужно спрятаться, они говорили: «-Идите сюда! – Куда сюда? – Ну, сюда, давай сюда». В фильме прослеживается большое количество повторов, используемых как при криках, так и в моменты успокоения. Вскрикивания: «Ой, мамочка. Ой, Господи!» позволяют отразить влияние метаязыкового сознания на процесс коммуникации.

Следует также добавить, что метаязыковое сознание режиссера неоспоримо прослеживается в процессе анализа фильма, что требует отдельного рассмотрения.

Библиографический список

1. Аллахвердов, В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб., 2003.
2. Балабанова, Л.М. Судебная патопсихология: (вопросы определения нормы и отклонений). – Донецк, 1998.
3. Подвигин, С.Н. Психология стресса. Дистресс. Семья и болезнь: лекция от 20.12.2004. – Воронеж, 2004.
4. Потапова, Р.К. Язык, речь, личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – М., 2006.
5. Николаева, Е.И. Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии. – М., 2003.
6. Jackson, H. On the nature of the duality of the brain. Brain. – 1915. – Vol. 38.

Bibliography

1. Allakhverdov, V.M. Metodologicheskoe puteshestvie po okeanu bessoznatelnogo k tainstvennomu ostrovu soznaniya. – SPb., 2003.
2. Balabanova, L.M. Sudebnaya patopsikhologiya: (voprosi opredeleniya normi i otkloneniy). – Doneck, 1998.
3. Podvigin, S.N. Psikhologiya stressa. Distress. Semiya i bolezn: lekciya ot 20.12.2004. – Voronezh, 2004.
4. Potapova, R.K. Yazikh, rechj, lichnostj / R.K. Potapova, V.V. Potapov. – M., 2006.
5. Nikolaeva, E.I. Psikhofiziologiya. Psikhologicheskaya fiziologiya s osnovami fiziologicheskoy psikhologii. – M., 2003.
6. Jackson, H. On the nature of the duality of the brain. Brain. – 1915. – Vol. 38.

Статья поступила в редакцию 18.03.14